Г3(2Р-6Бу)
О-80
Б1107951

...арственный институт культуры Бурят-Монгольской АССР

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

ОТ ЦАРСКОЙ КОЛОНИИ ДО СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

БУРГЛАВ...

МОСКВА 1933 ИРКУТСК

346
Б 1107950

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Т3(2Р-6Бу)
О-80

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

ОТ ЦАРСКОЙ КОЛОНИИ ДО СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

958

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. ГУДОШНИКОВА, А. И. УБУГУНЭ

Республиканская научная
библиотека им. М. Горького
Бур. АССР г. Улан-Удэ
08
Б 107951
Р.К

МОСКВА 1933 ИРКУТСК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник выпускается к десятилетию Бурят-Монгольской АССР. Авторы поставили перед собою трудную задачу: в ряде небольших статей охарактеризовать основные моменты чрезвычайно сложного пути исторической жизни Бурятии от колонии царской России к Автономной социалистической республике.

Для понимания и глубокого исторического осмысливания тех крупных достижений социалистического строительства, которые БМАССР имеет к десятой годовщине своего автономного существования, необходимо оглянуться назад, подвести итоги и хотя бы бегло, ознакомиться с основными этапами прошлой истории Бурятии.

При сравнении с прошлым ярче становятся и глубже понимаются достижения современной социалистической стройки. Опыт прошлой революционной борьбы и строительства должен быть использован в настоящем и будущем. В. И. Ленин говорил: „Мы должны учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них...“

История бурят-монголов при царизме есть история бесчеловечно эксплоатируемых, угнетаемых рабов царской колонии, история мучительных страданий трудящихся Бурятии под чугунной пятой российского самодержавия, его агентов—чиновников, миссионеров, торгово-ростовщического капитала, русского кулачества и „своих“ ноенов, кулаков, шаманов и лам. В течение трех столетий под владычеством царизма трудящиеся бурят-монголы находились на ступени экономического и культурного прозябания. История Бурятии еще лишний раз подтверждает определение И. В. Сталина, что „царская Россия была очагом всякого гнета и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной варварской форме...“

Трудящиеся Бурятии были поставлены перед альтернативой: или остаться на пути экономического разорения, культурного прозябания и физического вымирания, или путем любых жертв добиться социального и национально-политического освобождения...

Буржуазно-демократическая Февральская революция 1917 г. не дала этого освобождения, так как власть оказалась в руках буржуазного Временного правительства, защищавшего буржуазно-помещичьи интересы и проводившего лишь более тонкую политику национального гнета.

Лишь Октябрьская революция, свергнувшая гнет помещиков и капиталистов, установившая пролетарскую диктатуру, открыла путь действительного освобождения трудящихся масс Бурятии. Только пролетариат под руководством ленинской коммунистической партии смог правильно разрешить национальный вопрос. „Именно потому,—пишет т. Сталин,—что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата под знаменем интернационализма, именно потому народы-парии, народы-рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира.....“

Через огонь гражданской войны, интервенции при авангардной роли пролетариата под испытанным руководством коммунистической партии во главе с тт. Лениным и Сталиным, беспощадно борясь со всеми классовыми врагами, трудящиеся массы Бурятии смело вступили на путь победоносного социалистического строительства.

Ныне трудящиеся Бурятии празднуют годовщину десятилетия Бурят-Монгольской АССР—детища Октябрьской революции. Эта годовщина—торжество победы ленинской национальной политики, сплотившей трудящихся многочисленных национальностей СССР в нерушимый братский союз для социалистической стройки и победоносной борьбы с классовыми врагами.

Многие вопросы истории Бурятии, особенно в пореволюционный период, затрагиваемые в настоящем сборнике, очень слабо освещены или даже совсем не разработаны в имеющейся литературе. В архивохранилищах БМАССР находится ряд ценнейших материалов по отдельным вопросам этой истории, лишь частично использованных исследователями. Некоторые архивные материалы использованы и в настоящем сборнике. Но многие ценнейшие документы погибли во время гражданской войны. Живые свидетели-участники революционного движения в Бурятии оказались до сих пор очень скупыми в отношении публикации своих воспоминаний. Все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняли работу по составлению очерков настоящего сборника и не могли не отразиться на степени разработки освещаемых в нем вопросов.

Выпускаемый нами сборник статей по истории Бурятии выходит в спешном порядке. Некоторые работы, предполагавшиеся к выпуску отдельными монографиями, пришлось спешно сократить до размеров небольших статей, и отсюда неизбежны недочеты в данной работе; оказался неразработанным ряд принципиальной важности проблем.

В статьях „Февральская революция в Бурятии", „Октябрьская революция и первый период советской власти в Бурятии" лишь поставлены, но остались почти неразработанными такие важнейшие в политическом и историческом значении вопросы, как процесс перерастания буржуазного национально-освободительного движения в революцию социалистическую в условиях экономически и политически отсталой Бурят-Монголии. Затем в данной же статье недостаточно освещена контрреволюционная роль бурятского национал-демократизма в первый период советской власти. Нужно отметить, что характеристика контрреволюционной роли бурятского национал-демократизма до некоторой степени восполняется в статье т. Николаева о периоде колчаковщины и семеновщины.

В статье т. Николаева „Колчаковщина и семеновщина в Бурятии" партизанское движение в Бурятии освещено лишь в самых кратких и общих чертах ввиду того, что подготовлен особый сборник по истории партизанского движения в Бурятии.

Статья т. Убугунэ является как бы историческим прологом всех остальных статей в сборнике и касается кратко лишь ряда узловых моментов истории дореволюционной Бурятии.

Тем не менее Институт считает, что статьи сборника дадут известное общее представление о ходе революционного движения в Бурятии.

Б.-М. Институт культуры.

А. И. УБУГУНЭ

БУРЯТ-МОНГОЛЫ ОТ ЗАВОЕВАНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ ДО СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

„Знать прошлое, чтобы понимать настоящее... Знание прошлого дает нам власть над будущим".
(М. Н. Покровский)

В десятую годовщину существования БМАССР небесполезно коротенько восстановить в памяти и оценить весь исторический путь, пройденный бурят-монгольским народом под владычеством царской России на протяжении трех столетий. Это даст возможность лучше и полнее понять и осмыслить то, что происходит теперь в эпоху строительства социалистического общества. Характеристику этого исторического пути начнем с вопроса о том, в каком состоянии были бурят-монголы в момент их завоевания царской Россией.

Основным занятием бурят-монголов ко времени покорения их было скотоводство и охота. Скотоводство было самое примитивное—пастбищно-кочевое. У западных бурят-монголов оно было с уклоном в сторону разведения крупного рогатого скота, а у восточных—коневодства. Кроме того у первых были зачатки земледелия (сеяли просо). Занимались бурят-монголы также варкой соли первобытным способом, добычей и выплавкой железа. Хозяйство было в основном натуральное.

Духовная культура находилась на очень низкой ступени развития. Никакой письменности не существовало. Религией был первобытный анимизм в форме шаманства. Шаманизм как религия родового общества охотников и скотоводов возник на основе общественно-производственных отношений, свойственных этому строю, являясь фантастическим отображением их. Но религия эта не оставалась в покое, а эволюционировала, вбирая в себя впоследствии и элементы феодальных отношений. Так наз. „тенгри" и „хады" из шаманского пантеона, с их зависимостью друг от друга—ничто иное, как отражение феодальной иерархической лестницы. Господами положения тогда были различные черные и белые шаманы и шаманки, державшие все население в духовной и вместе с тем экономической кабале. При этих условиях знания заменяла вера, культуру—мифология.

По всем историческим данным в древнейшие времена бурят-монголы, как и все народы, несомненно, пережили стадию так. наз. первобытного родового строя. Но с развитием скотоводства и роста народонаселения выделялись отдельные семейные группы, развивалась частная собственность на скот, на орудия охоты, рыболовства и т. д. На этой основе разлагался родовой строй, и это разложение сопровождалось классовой диференциацией. Из общей массы населения выделяются лучше и больше обеспеченные скотом и другим имуществом.

Росту имущественного неравенства способствовали частые войны, в результате которых предводители захватывали себе лучшие части добычи, а также сбор ясака (дань, подать) с покоренных племен и народов. Данные истории свидетельствуют, что бурят-монгольские ноены собирали ясак с части тунгусов, коттов, аринов и бельтиров. Кроме того, они же, т. е. ноены производили различные поборы со своих улусных людей, вели меновую торговлю с тунгусами, Китаем и Монголией, эксплоатировали пастухов своих стад, закабаляли неимущих и малоимущих сородичей своих путем предоставления им натуральной ссуды. В результате всего этого выделялся из общей массы бурят-монголов экономически сильный правящий слой и от него было и политически и экономически зависимо все остальное население бурят-монголов.

В момент покорения бурят-монгольское общество было обществом классовым, знавшим классовые деления еще задолго до этого. У бурят-монголов, с одной стороны, были богатые и влиятельные группы, поставлявшие зайсанов, шуленг и засулов, а с другой—масса трудящихся—скотоводов, так наз. „албатынов". Первая группа так наз. ноенатство вместе с шаманами составляла эксплоататорскую группу, а вторая—трудящихся, эксплоатируемых.

В Бурятии были общественные отношения, характерные для феодальной общественно-экономической формации. Но различные черты, свойственные феодализму, переплетались здесь с остатками родовых отношений. Пастбищами и др. земельными угодиями владели бурят-монголы сообща по улусам и родам. Родовые объединения во главе с шуленгой участвовали в войне, крупных облавных охотах. По родам производилась раскладка ясака. Среди родовичей существовал порядок, обычай трудовой, материальной и моральной помощи друг другу. Наконец, родовые отношения отражались на административно-общественном устройстве.

Родовой признак лежал в основе общественно-административной единицы, объединявшей ряд хотонов (улусов). Хотон охватывал группу хозяйств, связанных обычно родством, но иногда и не родственных, живущих территориально близко друг от друга. Во главе хотона стоял засул (улусный надзиратель). Союз хотонов составлял холбон во главе с шуленгой, а союз холбонов составлял племенное объединение с главным зайсаном во главе. Объединение нескольких холбонов в один союз являлось более крупным и последним в иерархической лестнице объединений нескольких родовых и территориальных групп. Чисто племенное объединение бурят-монголов существовало у хоринцев, а все остальные объединения в своем большинстве были не племенные, а территориальные, объединявшие различные части и группы монгольских племен и даже разных народов. В Бурятии не было общебурятского объединения. Различные племена не были экономически и политически между собою связаны, все они существовали вполне самостоятельно, вступая лишь во временные союзы. Существовала лишь очень слабая зависимость их от монгольских ханов, выражавшаяся в взносе им изредка ясака.

Все изложенное дает основание притти к выводу, что феодализм в Бурятии не был законченным типом общественного строя, но в то же время общественный строй ее ни в какой мере не был родовым строем. Это мог быть строй переходный от родового к феодальному. Это был начальный период феодализма. Феодальные отношения были основными общественно-хозяйственными отношениями, определявшими закономерности движения общества бурят-монголов.

Таким образом бурят-монголы, по своему общественно-экономическому строю, к моменту их завоевания царской Россией находились на стадии феодальной общественно-экономической формации, с массой пережиточных осадков предшествовавшего родового строя.

Живя в условиях феодальной эксплоатации ноенов и шаманов, бурят-монгольский народ на своем историческом пути столкнулся с агентами русского царизма и торгового капитала, двигавшимися после завоевания так наз. „Сибирского царства" все дальше на восток. Это было комбинированное движение искателей „приключений", легкой наживы, представителей торгового капитала, героев первоначального капиталистического накопления, под руководством и во главе с первым в стране крепостником и купцом в лице московского царя, стремившегося к завоеванию „новых землиц" и народов в целях не только расширения сферы своей торговой деятельности, но и обогащения своей казны, путем ограбления вновь завоеванных народов для содержания многочисленной дворцовой камарильи и челяди, а также царской бюрократии.

На этом пути продвижения отряды завоевателей с начала 30-х годов XVII века открыли движение в область кочевий бурят-монголов. Движение это направлялось из Якутска, Красноярска и особенно из Енисейска. Впервые бурят-монголы платят ясак в знак покоренности русским завоевателям в 1628 г. Этот год знаменателен, как дата начала завоевания бурят-монголов. По мере продвижения на территории, занимаемой бурят-монголами, завоевателями строились остроги, которые были военными укреплениями, передовыми форпостами, опорными пунктами русской власти в крае. Впервые на территории Бурятии основан Братский острог в 1631 г. За ним Бурятия покрывается целой сетью острогов. Из этих укрепленных пунктов производились русскими казаками походы на завоевание разных местностей Бурятии, совершались разбойничьи набеги на кочевья бурят-монголов, производились сбор ясака и торговля, граничащая с разбоем. В период завоевания и в первый период после завоевания по отношению к бурят-монголам применялись различные формы и методы эксплоатации, свойственные военно-феодальной системе эксплоатации. В этот период не было никакой грани между собственно грабежом, с одной стороны, сбором ясака и торговлей, с другой. Царское правительство и его агенты на местах стремились всеми мерами выкачать из бурят-монголов возможно больше ценностей. Ясак сначала платили соболями, другими видами ценной пушнины, скотом, а впоследствии деньгами. Единицей измерения ясака был соболь. Заплатив ясак одним служилым людям, бурят-монголы подвергались объясачиванию со стороны других. Приходилось платить ясак по несколько раз в год.

Кроме собственно ясака собирались так наз. „поминки государевы, воеводские и дьячьи", считавшиеся как бы подарками, а фактически взыскивались так же принудительно, как основной ясак. „Поминки государевы" шли в пользу воевод и дьяков (писарей). Сборщики ясака производили также и скупку пушнины для царской казны в обмен на товары. При этой скупке царские агенты просто обманывали бурят-монголов, заставляли продавать за бесценок лучшие сорта пушнины, спаивали вином, сбывали за дорогую цену товары плохого качества или просто отнимали пушнину.

Вместе с казаками орудовали также и торговые люди, применяя те же методы, что и царские скупщики. Производились отрядами казаков, служилых, промышленных и торговых людей грабительско-разбойничьи набеги на бурят-монгольские кочевья.

Для принуждения к полной и своевременной уплате ясака захватывались так наз. аманаты (заложники). При разбойничьих набегах на бурят-монгольские кочевья происходили захваты не только имущества, но и людей, главным образом женщин,—ясырь (пленные). Часть их оставлялась в качестве заложников, с целью вынудить сородичей их уплатить за них большие выкупы. Другая же часть обращалась в крепостных, которых заставляли работать как невольников, продавали и закладывали. Так вместе с завоевателями на бурят-монголов надвигалась система феодально-крепостнической России.

Процесс завоевания и объясачивания бурят-монголов происходил далеко не мирно, а путем подавления сопротивления их „огнем и мечом". Бурят-монголы долго и упорно отстаивали свою свободу и независимость. Даже после, казалось бы, покорения, в итоге всех вышеперечисленных бесчинств и произволов, доведенные до крайних пределов, они восставали против притеснений завоевателей и неоднократно осаждали остроги. История Бурятии знает за этот период целую серию таких восстаний. Первое такое восстание произошло в 1644 г., когда ленские и ангарские бурят-монголы соединенными силами троекратно осаждали Верхоленский острог. Восставали и забайкальские бурят-монголы. Так, например, в 1688 г. осаждается Верхнеудинский острог отрядами бурят и монголов. Последнее восстание иркутских бурят-монголов происходило в 1695-96 гг. Восставшие осаждали Иркутский острог, но восстание было подавлено, и руководители его, в числе 10 человек, казнены.

Восстания бурят-монголов носили характер национально-колониального восстания. Они потерпели неудачу. Причины этого ясны и до очевидности просты. На стороне казачьих отрядов было превосходство военной техники и вооружения в виде огнестрельного оружия и острогов, а на стороне бурят-монголов лишь лук и стрела, открытая степь и ничем не защищенные юрты. Кроме того, в условиях феодально-родовых порядков бурят-монголы отличались раздробленностью, не дававшей возможности выдвигать крупные военные силы, руководимые единым военным центром. Поэтому восстания бурят-монголов носили раздробленный характер, не были связаны между собою. Но основная причина неудачи в том, что в этот период не было еще той силы, которая могла объединить, организовать крестьянские восстания, руководить ими, не было, как и в следующий период капитализма, революционного класса—пролетариата.

Наряду с восстаниями и после них бурят-монголы применяли пассивный метод протеста против феодального гнета, надвигавшегося со стороны царской России, в виде перебежек в Монголию. В 1658 г., например, туда откочевали почти все балаганские буряты, восставшие против жестокостей пресловутого Похабова и его приспешников. Казаки, посланные в 1659 г. к этим бурятам за сбором ясака, нашли в их кочевьях одни лишь пустые юрты. Откочевывали в Монголию и различные группы забайкальских бурят-монголов. Но бежавшие в Монголию попадали там в неблагоприятные условия. С одной стороны, они подвергались новым притеснениям со стороны монгольских и китайских феодалов, а с другой, частые войны между монгольскими феодальными ханами тяжело отражались на их положении. Словом бурят-монголы оказались между двух огней. Их притесняли и царские агенты-воеводы и монгольские ханы. При этих условиях откочевавшие бурят-монголы вынуждены были из Монголии возвращаться обратно в свои старые кочевья и примириться со своим подчиненным положением. Фактическое подчинение закончилось для западных бурят-монголов в первой половине XVII и для забайкальских в конце XVII века. Формальное подчинение датируется 1689 г., когда был заключен русско-китайский так наз. Нерчинский договор. А затем Буринским договором 1727-28 г. бурят-монголы были окончательно закреплены за Россией.

Так Бурятия превращается в одну из колоний царской России. Судьба бурят-монголов органически связывается с судьбами народов России. На трудовую массу бурят-монголов накинута двойная петля гнета. Сверх гнета своих ноенов и шаманов накинута петля царизма и хищнического торгового капитала.

Однако наряду с политическим и экономическим закабалением, на бурят-монголов накидывалась и другая петля. По стопам завоевателей шел верный оруженосец царизма—православная миссия, призванная приучить новопокоренные народности к покорности царизму и послушанию властям. Духовная миссия начала свою деятельность почти одновременно с завое-

ванием края. Свою работу она открыла в Бурятии уже с конца XVII в. Даурская миссия учреждена в 1681 г., а в 1682 году уже строился Троицкий монастырь. С этого времени начинается обращение бурят-монголов в „стадо христово". Исторические данные говорят, что крестили бурят-монголов группами, привязав к жердям по несколько человек, и в зимние морозы троекратно погружали их в воду, в прорубь. Это издевательство называлось приобщением „язычников" к „святому таинству крещения". Этого мало. Насильственно крещеные не возвращались больше в свои улусы, а закрепощались за крестившими их. Крещеные имели право жить или при монастыре или при „служилых людях". Это называлось „крещением в неволю". При таких порядках охотников крестить „инородцев", чтобы получить даровых работников, рабов, набиралось много и, следовательно, и обращенных в „стадо христа" из бурят-монголов было немало. Вновь возникшие на территории Бурятии первые монастыри—Троицкий и Посольский сами имели крепостных из „крещеных в неволю".

Значит православная миссия несла с собой не только духовное закабаление, но вместе с ним еще и крепостничество. Но такого рода крещение так же, как и попытки насадить крепостничество в Бурятии, не дали больших результатов.

Одновременно с православной миссией в Бурятию проникает из Монголии и Тибета буддизм в форме ламаизма. Проникновение его относится к концу XVII и началу XVIII вв. Он быстро распространяется среди забайкальских бурят-монголов. Распространению его способствовали прежде всего тогдашние условия социальной жизни бурят-монголов, а также язык монгольских лам, близкий к языку забайкальских бурят-монголов. Ламаизм в Бурятии нашел благоприятные социально-экономические условия, сильную поддержку со стороны ноенатства, обретшего в лице ламаизма сильное духовное оружие по закабалению населения взамен шаманства, изжившего себя и более не соответствовавшего потребностям ноенатства в условиях развитых феодальных отношений. Распространение ламаизма у бурят-монголов объясняется также и той поддержкой, которую царизм оказывал ему некоторое время.

Дело в том, что религиозная политика царского правительства испытала ряд колебаний. В XVII веке правительство, не запрещая крещения „инородцев", однако особенно и не поощряло его, так как крещение бурята автоматически вело за собой выключение его из ясачной группы. Начиная с XVIII века политика резко меняется. Правительство, поощряя миссионеров, усиленно ведет христианизацию бурят, в особенности западных. Затем со второй четверти XIX века еще больше усиливается миссионерская деятельность.

В целях подчинения ламства себе и превращения его в свое орудие угнетения бурят-монголов, царская власть в 1764 г. учреждает институт бандидо-хамбо-ламы, как главы ламайского духовенства Восточной Сибири, с непосредственным подчинением генерал-губернатору. Первый хамбо Заяев участвует в 1767 г. в екатерининской комиссии по выработке положений о разных вероисповеданиях, награждается золотой медалью и пожизненной пенсией. За это императрица Екатерина II удостоилась со стороны ламства зачисления в пантеон богов ламаизма под именем „Саган-Дари-Ихэ". Действуя в этом же направлении, царская администрация поручает ламству ликвидацию шаманства в Забайкалье. Ламы, поддерживаемые русскими властями, жестоко расправляются с шаманами и шаманством.

Все эти покровительственные меры царской власти и благоприятная социально-экономическая обстановка в Бурятии не могли не способствовать росту количества и влияния лам на население. И действительно ламство в Забайкалье росло, что называется, не по дням, а по часам. Так, если в 1741 г. дацанов здесь было 11 и лам 150 чел., то в 1822 г. было дацанов 19 и лам 617 чел., а в 1842 г. оказалось уже 5,5 тыс. лам.

Это прогрессирующее количество лам стало непреодолимым препятствием для распространения православия. Ламство стало грозной силой для православной миссии. Царское правительство не могло не обратить на это своего внимания. Начались ставиться препоны развитию ламаизма и преследования лиц ламайского духовенства, но уже было поздно. Ламство уже окрепло настолько, что стало непобедимой для царизма и православия силой. При этом положении царизму ничего другого не оставалось как только искать опору в нем, но в то же время не переставая думать о замене ламаизма своей верой—православием. Так сложился союз царизма и ламства, их объединила эксплоататорская природа обоих. Но это было единство противоречивое. В этой двойственной политике царизма по отношению к ламству—одна из главнейших причин недовольства последнего обнаружившегося в 1905 г. и в период Февральской революции.

За периодом завоевания и объясачивания, сопровождавшимся беспрерывными войнами, грабежами и насилиями, наступает относительно мирный период. Завоеванные покорились. Опасаясь разорить аборигенное население и таким образом лишиться постоянного источника дохода, с одной стороны, и отогнать ясачных в Монголию, с другой, царизм и его агентура вынуждены были от метода открытых грабежей перейти к системе организованной эксплоатации. Этот период для Бурятии характерен развитием торговли, колонизации и упорядочением аппарата власти.

После завоевания и объясачивания бурят-монголов начинается процесс колонизации Бурятии. Первый период был периодом стихийного заселения занимаемой бурят-монголами территории. В этот период заселение края в основном происходило за счет служилых людей, казаков, промышленников и т. п., участвовавших в завоевании края. По мере роста военного и служилого люда в крае и ввиду затруднительности доставки им хлеба из других районов России, царское правительство пыталось принимать меры к земледельческой колонизации, но эта мера желанных результатов не дала.

Но массовая колонизация Бурятии кроме „служилых людей" происходила за счет так наз. „вольной" колонизации, т. е. крестьян, уходящих от крепостного гнета и по другим причинам крепостнических условий. Колонизация совершалась по наиболее удобным для сельского хозяйства и промыслов местам. Колонизаторы преимущественно селились в долинах рек Ангары, Лены, Селенги. Развитие колонизации сопровождалось захватом значительного количества земель, прежде занимавшихся бурят-монголами. Последние, теряя эти земли, оттеснялись в степи, в глубь речных долин, в леса, дальше от трактовых дорог и крупных поселений. Известно, что раньше часть западных бурят-монголов жила ближе к Иркутску, в дальнейшем они отодвигаются к югу и северу от него. Оттесняются от реки Лены. Откочевывают и от Московского тракта. В местах прежних кочевий бурят-монголов возникают такие крупные селения, как Черемхово, Куйтун, Кимельтей, Тулун и др.

Насколько в Забайкальской Бурятии колонизация зашла далеко и начала уже затрагивать в этот период интересы забайкальских бурят-монголов видно из того, что они около 1700 г. снарядили делегацию в Москву во главе с зайсаном хоринцев—Бадан Туракиным, количеством около 40 чел. Делегация выехала, конечно, верхами, гоня перед собою стадо скота для пропитания в пути. Они указывали в своей жалобе Петру I, что в их кочевьях по правой стороне Селенги, Уды, Курбы, Чикоя и Хилка и в Кударинской степи населились „служилые и всяких чинов люди, заняв лучшие их кочевые места, всякие угодья и звериные промыслы, что у этих людей городьба около пашен и сена плохая и в их хлебных и сенных потравах были им от них большие разорения, обиды и налоги большие".

Впоследствии, в связи с проектом устройства юфтевой и суконной фабрик для усиления развивавшейся кяхтинской торговли, царское правительство, чтобы обеспечить эти предприятия продовольствием, решило в 1800 г. устроить до 10 тыс. душ „пашенных крестьян" в Бурятии. Площадь земли для этих крестьян решено было отвести из земель хоринцев. Для „устройства мест" переселенцам в 1802 г. из центра командируется особый чиновник Лаба, который через главного тайшу хоринцев, Ириндеева, отбирает у них „плодороднейший в крае" земельный участок на реке Ингоде, взамен участков „единственно для скотоводства пригодных" по рекам Онону и Борзе. Результатом этого было принудительное выселение бурят-монголов, живущих по долине Ингоды. Переселение это не было осуществлено в том размере, в каком оно предполагалось.

Вообще царское правительство в это время не было способно организованно проводить переселение. Причины этого лежат в социально-экономических условиях дворянско-крепостнической России. Колонизация была возможна за счет крестьян Центральной России, которые в своей массе, как известно, находились тогда в крепостной зависимости от помещиков. Хотя царизм непрочь был заселять завоеванные им колонии, но в то же время в угоду основной своей опоре—крепостникам—всеми мерами боролся против заселения за счет крепостных крестьян. Единственной группой, за счет которой царская власть могла заселить Сибирь,—это были государственные крестьяне северных губерний (Олонецкой, Архангельской, Вятской), но здесь не было того, что гнало крестьян в Сибирь—земельной нужды. Вот почему царизм не был в состоянии в первый период предпринять и осуществить в широкой мере организованное заселение края.

Чем щедро царское правительство наделяло Сибирь и Бурятию, в частности, в это время, так это водворением ссыльных на поселение. Недаром Сибирь была с самого начала ее завоевания до революции местом ссылки и каторги. Впервые в Бурятии водворены стрельцы и за ними раскольники. Первой значительной партией засельщиков из ссыльных были семейские—раскольники, которые осели в Забайкалье в местах прежних кочевий бурят-монголов. Но основная масса засельщиков были вольные колонизаторы, число коих росло из года в год. Причины этого лежат опять-таки в тех же феодально-крепостнических условиях, что препятствовали царскому правительству организовать колонизацию края.

Дворянско-помещичья Россия в своем развитии отставала от Западной Европы. Когда феодально-крепостнический строй торжествующе справлял свой праздник, над обширным людским миром царил безумолчный стон. Беспросветная темь невежества, барский гнет и полицейский произвол—таков печальный удел тогдашних крестьян. Обезличенные, обездоленные людские массы, не находя приюта на своей „родине", гонимые вечной нуждой, рождаясь и умирая в этой нужде, хлынули неудержимой лавиной, ломая все преграды крепостнической системы, в дальний путь—на восток. Сибирь, превратившаяся позже в страну каторги и ссылки, тогда казалась краем благодатным, привольным. Она манила в свои суровые объятия всех обездоленных „беглецов" из России царской, помещичье-барской.

Наряду с колонизацией следует и проникновение и рост торгового капитала.

Торговый капитал проник в Бурятию также вместе с ее завоеванием. Торговые люди, искавшие неведомых богатств, толкаемые жаждой наживы, были одними из виновников этого завоевания. Мы уже отметили выше, что торговля купцов в первое время не отличалась от простого грабежа. Торговали и в то же время грабили население. Это переплетение разных форм эксплоатации характерно для торгового капитала в колониальных странах периода первоначального накопления. Но с окончательным закреплением Бурятии за Россией в области торговли начинают применяться

торговцами методы спаивания, обмана и закабаления путем ростовщичества. Эти методы чем дальше, тем больше заменяют применявшиеся прежде способы открытого грабежа. Если до завоевания бурят-монголы в основном через своих ноенов и богатых улусных людей вели преимущественно меновую и лишь частично денежную торговлю с Монголией и Китаем, а также с тунгусами, то, со времени завоевания их, эта торговля попадает в руки царской казны и русских купцов. Последние в дальнейшем становятся почти монополистами в области внутренней и внешней торговли в Бурятии. На этой торговле купцы наживают большие богатства. Обогащению купцов содействовала, главным образом, так наз. кяхтинская торговля, которая развивалась с первой половины XVIII века. С другой стороны, для торгового капитала в Бурятии была обстановка чрезвычайно благоприятная. Разбросанное на громадном пространстве скотоводческое, а впоследствии и земледельческое население могло удовлетворить свои нужды в различных изделиях промышленности только при посреднической роли купцов. Между тем развитие сенокошения, земледелия и т. д. увеличивало спрос на промышленные изделия. Удовлетворить этот все возрастающий спрос населения при отсутствии в Бурятии и поблизости от нее промышленности, производящей предметы потребления бурят-монгольского хозяйства, могли только крупные купцы, способные перебрасывать товары на дальние расстояния из Европейской России. Это обстоятельство и создало условия для выгодной торговли купцов. При этих условиях купцы имели возможность сбывать свои товары по высоким ценам.

Улусное и сельское население, вынужденное покупать по высоким ценам необходимые товары, должно было вместе с тем дешево продавать продукцию своего хозяйства. Городского, промышленного населения, потребляющего продукты сельского хозяйства, в крае было мало и, следовательно, спрос на последние был на местном рынке ограничен, а выбрасывать их на внешний рынок, ввиду отсутствия налаженных путей сообщения было невозможно, да и вообще это было не под силу отдельным хозяйствам.

Развитию товарно-денежных отношений в Восточной Сибири и Бурятии содействовала, кроме указанных причин, замена ясака, а также различных других податей и повинностей, собиравшихся прежде в натуре, денежными сборами. Это обстоятельство побуждало к усилению продажи продукции сельского хозяйства на рынке, часто за счет ограничения собственного потребления.

С одной стороны, рост товарно-денежных отношений побуждал к увеличению сбыта продукции и покупке товаров, с другой—хищническая эксплоатация царизма, его чиновников, торгово-ростовщического капитала, ноенатства выкачивала последние соки из бурят-монгольского хозяйства, не оставляя средств, необходимых для его расширения, улучшения, и следовательно, тормозила дальнейшее развитие его товарности. Так, бурят-монголы превратились помимо данников царизма еще в объекты эксплоатации торгового капитала.

Но тяжелее и больнее всего на хозяйстве бурят-монголов отражалось взимание ясака, являвшегося в то время одним из основных видов эксплоатации вновь завоеванных народов. Ясак был непомерно тяжелым бременем на слабых плечах бурят-монголов. Тяжесть его будет вполне понятна, если принять во внимание то, что вначале он взимался ценной пушниной, а таковую, за недостатком ее у себя, бурят-монголы доставали у тунгусов в обмен на скот и на другие товары, выменянные у китайских купцов. Кроме того, приходилось платить за давно умерших родовичей.

Ясак, собиравшийся с „инородцев" Московским государством в виде „мягкой рухляди" представлял для него главный интерес; ради ясака, собственно говоря, и была оккупирована Сибирь и завоеваны ее аборигены.

Интерес этот обусловливается тем, что ясак составлял одну треть доходной части тогдашнего государственного бюджета. Кроме того, за недостатком благородных металлов„ соболиная казна" в финансах государства играла роль современного золотого запаса. На стоимость пушнины измерялось богатство казны, и пушнина служила почти единственным средством для международной торговли московского царя. Этот интерес и обусловил тяжесть ясака. Тяжесть его усугублялась еще тем, что собиравшие ясак именем царя, занимались сбором и для себя, произвольно увеличивая его размеры.

Широкий простор для подобного рода произвола давался тем, что размер ясака точно не устанавливался. Воеводам просто предписывалось собирать ясак с завоеванных „инородцев" и только. Это давало основание „служилым людям" собирать по правилу: чем больше соберешь ясака, тем и лучше. Права и обязанности воевод точно никогда не регламентировались. Воеводы должны были творить суд и расправу, собирать ясак по своему усмотрению и вообще быть полноправными хозяевами на местах. Воеводы были наместниками царя. При таких условиях кроме произвола ничего другого ожидать было нельзя. Произвол и ничем неприкрытое насилие были системой управления царской России.

Не меньшей тяжестью, чем ясак, были широко практиковавшиеся различные натуральные повинности. Бурят-монголы привлекались на ремонт дорог и мостов различных трактов, особенно Московского тракта. Они доставляли шерсть на Тельминскую фабрику. С развитием винокурения в Восточной Сибири и земледелия у бурят-монголов доставляли на винокуренные заводы хлеб и дрова. Все это доставлялось в принудительном порядке и сдавалось или бесплатно или за грошевые цены. Бурят-монголы также привлекались к охране русско-китайской границы. Даже строительство Кругобайкальской трактовой дороги не обошлось без участия бурят-монголов. Они доставляли туда и рабочую силу и продовольствие для каторжан, работавших там. Доставка продовольствия фактически была бесплатна, так как их прямо надували.

Завоевание, колонизация Бурятии, развитие торгового капитала и заинтересованность царизма в организации дела по сбору ясака и привлечения бурят-монголов к натуральной повинности—все это отражается на общественных отношениях бурят-монголов. Усиливая военно-феодальную эксплоатацию, царское правительство сбор ясака превращает, как выше отметили, в свою монополию. Бурят-монгольские ноены теряют своих „жительтов" (крепостных), завоеванных также царской Россией. Торговля захватывается русскими купцами. Все это ограничивает прежнюю самостоятельность ноенов. Но они приспосабливаются к новой обстановке, идут на сделку с царизмом, чтобы, став проводниками его эксплоататорской политики по отношению к трудящимся бурят-монголам, иметь и свою долю в этой эксплоатации.

Найдя опору в ноенатстве, царская администрация стремится приспособить управление бурят-монголов к своим целям. Начиная с начала XVIII в. царские указы упрочивали господствующее положение ноенов и сайтов, и бурят-монгольскому населению предписывалось быть послушным и беспрекословно исполнять распоряжения своих ноенов. Главы „племенных" управлений получают патенты на звания тайшей. Впервые такой патент был дан в 1729 г. зайсану Галзотского рода (Хоринский) Шодою Балтарикову. В первой половине XVIII в. среди бурят-монголов были утверждены так наз. „конторы" во главе с тайшей. Для управления же отдельными родами—„мирские избы". В них утверждались в качестве ноенов люди из среды родовых сайтов, обычно из семей ноенатства. При определении тайшей и родовых начальников своеобразно переплетались выборность, наследственность и назначение царской администрацией. Если они и выбирались, то обычно из среды сайтов, а само избрание носило

лишь формальный характер. Через этих ноенов царизм проводил все свои мероприятия. Царская администрация не только всячески укрепляла и поддерживала права ноенов, но старалась привлечь их на свою сторону путем различных наград в виде денег, медалей, кортиков и кафтанов, не только одаривала их званиями тайшей, но и званиями дворянства и другими почетными и привилегированными чинами. Среди бурят-монголов по переписи 1897 г. насчитывались у иркутских бурят-монголов 16 потомственных дворян, 12 личных дворян и чиновников и 120 потомственных и личных граждан, а у забайкальских—100 потомственных дворян, 35 личных дворян и чиновников и 126 почетных граждан. Тайши и родовые начальники освобождались от уплаты ясачной подати. Одним словом, существовавшее господствующее политическое и экономическое положение ноенатства закреплялось юридически царизмом.

В первое время существовавший у бурят-монголов административный аппарат приспособлялся царской властью для выкачизания ясака в натуральном виде. Но впоследствии она начала приспосабливать этот аппарат и для более широких целей, а именно для целей обрусения бурят-монголов. Первым правительственным актом, ознаменовавшим собою начало обрусительной политики по отношению к „инородцам" Сибири, путем использования „инородческой" знати, как агентов этой политики, была так наз. реформа Сперанского 1822 г., на которую впоследствии ссылались наши национал-демократы, как на образец демократического национального самоуправления. Существовавший на основе обычного права общественный строй реформа облекла в письменное положение, еще больше уточнила порядок утверждения должностных лиц русской администрацией и усилила зависимость их от последней. Наряду с закреплением значения и власти ноенатства реформа допустила некоторую коллегиальность, имея в виду тем самым расширить социальную базу своей обрусительной политики.

Несмотря на то, что реформа Сперанского преследовала иные цели, и задачи, в систему управления бурят-монголов,—с точки зрения политической жизни этих последних, все-таки нового она не внесла. После реформы „самоуправление" бурят-монголов принимает такой вид: низшей административной единицей является родовое правление. Несколько родовых правлений составляют инородную управу, а несколько управ—степную думу. Каждый из этих институтов имеет свои сходы, сугланы, на которых обсуждаются и решаются общественные дела. На этих сугланах присутствовали больше всего богачи, ноены, их родственные и влиятельные лица улусов. Они-то и имели на решениях сугланов решающее значение. Беднота и вообще трудящиеся большей частью или вовсе не присутствовали на сугланах или, если и присутствовали, то не имели никакого значения, не принимали участия в решениях вопросов. Для отправления исполнительско-административных функций во главе родовых правлений стояли зайсаны, во главе инородческой управы—голова, а во главе думы—тайша. Тайши, зайсаны и головы были и полицейскими и судьями своих подчиненных. Кроме них были и члены перечисленных институтов вроде выборных, заседателей, помощников и т. д. Но судьбами народа верховодили тайши, головы и зайсаны.

Таким образом „самоуправления" у бурят-монголов вовсе не было. Это была фикция. Только для видимости как бы коллегальные управления и демократизм, а по существу—господство олигархии, прежняя феодальная власть, приспособленная к целям и нуждам царизма, такой же военной феодальной власти, как и бурят-монгольская „доморощенная", только более широкого и законченного типа.

В связи с этим и в видах обрусения бурят-монголов начинается „духовное попечение" над последними. Начиная с начала XIX века открываются школы русской грамоты при степных думах. Первая такая школа

в Бурятии открыта в 1806 г. в Онинске (Хоринск), затем в 1816 г. в Идинске (Бохан) и Тунке, а в 1818 г. в Селенгинске. В этих школах должны были учиться дети ноенов и сайтов. Открывая школы, царское правительство имело в виду подготовить верных ему чиновников из среды бурят-монголов. О просвещении широких масс и вообще о более или менее широких просветительных мероприятиях тогда не могло быть и речи. Насколько была (не только тогда, но даже и в последующее время) ограничена сеть школ и низка степень грамотности бурят-монгольского населения, указывают следующие цифры. В 1889 г. всех учащихся в начальных школах бурят-монголов теперешней западной части Бурятии было—[illegible] чел., и в Забайкальской—325 чел. Учащихся бурят-монголов в средних учебных заведениях было меньше десятка. По переписи 1897 г. грамотность у бурят-монголов составляла 7,2% . На таком низком состоянии просвещения сказалась, несомненно, кроме национальной политики, общая политика царизма, исходившая из принципа, что чем темнее, неграмотнее народ, тем легче им управлять. Просвещение бурят-монголов задерживалось не только через ограничения организации русских школ, но и национальных. Категорически запрещалось открытие национальных школ, а также преподавание в школах на родном языке.

Наряду с этим продолжала свою „святую" работу и православная миссия, девизом которой было—какими бы то ни было способами крестить как можно больше народу. В этих видах не стеснялись в средствах. Пускали в ход побои и насилия. „Буряты загонялись в юрты или сараи в ожидании приезда миссионера, содержались там без питья и пищи. Сопротивлявшимся наносились побои и с окровавленными лицами, избитые до полусмерти приступали они к крещению". При такого рода крещениях действовали в тесном союзе бурят-монгольские ноены, миссионеры и русская администрация. За преуспеяние на „ниве христовой" ноены получали различные награды от русской администрации, а от православной миссии удостаивались попадать в ранг „святых апостолов". Таких „апостолов" из среды ноенов было немалое количество. Такими „апостолами" были ноены: Пирожков в Бохане, Матханов в Аларе, Дорофеев в Тунке, Дымпилов в Хоринске и др. Применяли методы прощения, освобождения от наказания за различные преступления и одаривания новокрещеных деньгами (в сумме 3 руб.) и рубашками. Эти последние методы, особенно, имели большой успех. Крестились по многу раз, чтобы получить деньги, рубашки и прощения от наказаний за преступления. Таковы методы „святых отцов" по христианизации язычников-„инородцев".

Рост колонизации, развитие торгового капитала, начало руссификаторской политики внесли в общественно-экономическую жизнь Бурятии большие изменения.

Прежде всего ограничение земельного простора, вследствие колонизации вызывает и ограничение перекочевок бурят-монголов. Это обстоятельство, с одной стороны, приводит их к практике сенокошения, а с другой—побуждает особенно западных бурят-монголов к исканию подсобных занятий. Главным в ряду таковых у них стало земледелие. С конца XVIII и начала XIX вв. земледелие настолько развилось, что наряду с продуктами скотоводства выбрасываются на рынок и зерновые продукты. В 1802 г. бурят-монголы на иркутский рынок доставили до 14 тыс. четв. хлеба, а в 1817 г. идинское ведомство (Бохан) выбросило на рынок 80 тыс. пуд. Среди забайкальских бурят-монголов распространение земледелия наиболее заметно с 1796 г. В 1802 г. хоринцами было доставлено в Иркутск до 15 тыс. пудов муки.

Росту земледелия и сенокошения у бурят-монголов способствовало, конечно, не только ограничение пастибищных угодий, побуждавшее, на почве сокращения скотоводства, искать подсобных занятий, но и пример

окружающих русских крестьян-земледельцев и особенно увеличение спроса на продукцию зернового хозяйства на рынке, начавшееся в связи с ростом промышленности и городского населения.

В этом же направлении работала и царская администрация. Губернатор Трескин, что называется „огнем и мечом" насаждал земледелие у бурят-монголов. Насаждали чисто полицейскими мерами, ибо ни о какой-либо технической, кредитной и агрономической помощи не было и речи. Знаменитое положение о распространении земледелия, выработанное при Трескине в 1812 г., обязывало каждого иметь известное количество посева. В противном случае оно угрожало штрафом, тюрьмой, розгами и т. п. прелестями. Богатым предписывалось брать неимущих на работу по увеличению своего посева, а последним итти на эксплоатацию первых: состоятельным—давать малоимущим ссуды семян и в аренду рабочих лошадей и орудия, а малоимущим брать их на кабальных условиях и т. д.

В связи с развитием торгового капитала и товарно-денежных отношений у бурят-монголов экономическое богатство ноенатства растет. О богатстве ноенов в свое время писал путешественник Георги, посетивший Бурятию в 1772 г.: „Между даурскими буратами некоторые имеют до 8 000 верблюдов, до 4 000 лошадей, от 2 000 до 3 000 рогатого скота, до 1 000 овец и нескольких сот коз".

На почве роста товарных отношений растут и потребности ноенатства, в связи с чем оно увеличивает эксплоатацию окружающих. В его руках сосредоточивается большое количество стада, закрепляются большие и лучшие земельные участки на правах частной собственности. Ноенатство, благодаря поддержке царской власти, монополизировав все общественные должности в своих руках через своих родных и близких, держало все население бурят-монголов не только в экономической, но и в административной зависимости. Это давало ему возможность „по наряду, без всякой платы, употреблять родовичей в разные работы, для собственной пользы, как-то: принуждать их обрабатывать свои пашни, производить сенокошение на собственных покосах, огораживать свои жилища, перевозить юрты свои с одного кочевья на другое и вообще употреблять родовичей в собственные свои различные сельские работы, удерживать их многие лета в услужении, отбирать сено, скот и прочее и, наконец, без всякого судебного по обычаям приговора жестоко наказывать". (Из жалобы бурят-монгольских крестьян).

Ноенатство, как наиболее экономически богатая и политически влиятельная часть населения берет на себя функции торгового посредничества между своими подчиненными, с одной стороны, и русскими торговцами, с другой, и выступает также в роли ростовщиков. Роль ноенов, как экономической категории, этим не ограничивается. Они выступают и в качестве скупщиков продуктов скотоводства и земледелия, причем, используя нужду населения, покупают эти продукты за бесценок. Являясь агентами русской власти по взиманию податей, они не ограничиваются сбором „законной" суммы, а собирают сверх того и в свою пользу. Так. наз. „темные поборы" для ноенов являлись системой, и на этом они составляли состояния. Например, хоринский тайша Галсанов собрал с хоринцев „без всякой надобности, в свою пользу 128 тыс. руб.". Эта сумма по тому времени была громадной суммой. „Подати уплачивают родоначальники от лица рода,—писал Паллас, путешественник XVIII века,—а потом сами раскладывают их, собирают их с обильным приращением, посредством чего своих подчиненных держат в зависимости от себя". Вообще подобного рода и разные другие злоупотребления ноенов были обычным явлением. В 1820 г. за различные злоупотребления к ответственности привлекались 256 человек ноенов. Илинский тайша Пиро жков на сплошных злоупотреблениях сколотил миллионное состояние.

С развитием товарных отношений ноенатство выступает не только как феодального типа эксплоататор, применяющий внеэкономические методы принуждения, но их он совмещает еще и с товарно-капиталистическими. Тот же Пирожков, наживаясь на злоупотреблениях, используя свое служебное положение, в одно и то же время имел крупное имение, эксплоатировал несколько десятков и сотен батраков, держал путем ростовщичества в кабальной зависимости буквально все окружающее население, был крупным скупщиком, фабрикантом (Тельминская суконная фабрика), заводчиком (винокуренный завод), имел несколько мельниц, крупаточное „заведение" и был золотопромышленником (Баргузинские прииска) и т. д. Ноены были всем, и в их руках находилась и административная и судебная власть. Они—торговцы, ростовщики, скупщики, предприниматели и в то же время феодальные эксплоататоры.

Итак, ноенатство в Бурятии было крупной эксплоататорской категорией, державшей в экономической и политической зависимости все население.

Наряду с ноенатством в Бурятии жила и развивалась другая такая же эксплоататорско-паразитарная сила, как первая,—ламство. Ламаизм в своем победном шествии по степям и улусам Забайкалья не только духовно закабалял население бурят-монголов, но пожирал все накопленные населением материальные ценности. Многочисленные и богатые дацаны (монастыри) Забайкалья построены и оборудованы на средства населения. Все многотысячное праздное ламское население в этих дацанах содержалось на те же трудовые гроши. Но самое основное в том, что ламаизм чем дальше, тем больше отвлекал от трудовой деятельности мужское население, вербуя его в дацаны (монастыри), что в конечном счете грозило отвлечением и консервированием главного элемента производительных сил общества—трудовой рабочей силы и через это сужением производства, остановкой дальнейшей эволюции экономики. Такова была перспектива развития ламаизма для бурят-монгольского населения. Но этого недостаточно. Ламы выступали еще и в роли торговцев. Ламы были первыми торговцами и контрабандистами из среды бурят-монголов Забайкалья, выполнявшими роль посредников между бурят-монголами и китайскими купцами. Кроме торговли ламы выполняли ростовщическую функцию, закабаляя население. На этой почве они еще больше укреплялись экономически. Мощь дацанов увеличивалась.

Так ламаизм превратился в некую опору царизма и стал „драконом" высасывавшим лучшие соки, грозившим поглотить все производительные силы общества бурят монголов.

Если ноены были светскими феодалами, применявшими иногда методы эксплоатации товарно-денежного характера, то ламы и особенно их верхушки были феодалами духовными, применявшими наряду с торгово ростовщическими методами эксплоатации и „божеские": эксплоатируя, они прикрывались именем Будды. Ламство, ноенатство и к ним примыкавшие нойоны являлись господствующими, командующими силами внутри бурят-монгольского общества. От них была материально, политически и морально зависима остальная, далеко не однородная по своему имущественному состоянию, масса трудящихся крестьян. Товарно-денежные отношения сказались и в области усиления имущественного неравенства этих последних.

Одновременно с этим начинает распространяться среди бурят-монголов Забайкалья проникшая вместе с ламами монгольская грамотность. Развивавшиеся товарно-денежные отношения, порождая потребность зафиксировать операции по купле и продаже, стимулируют развитие грамотности. Наряду с ламами появляются и светские грамотные. То же было и у западных бурят-монголов. Хотя бесконечно медленно, но так или иначе и к ним проникает русская грамотность. Появляются грамотеи-одиночки. Русская грамотность проникает и к восточным бурят-монголам.

Республиканская научная библиотека им. М. Горького Бур. АССР г. Улан-Удэ

540795 1

Появляются историки-летописцы и этнографы, как-то: Ломбацыренов, Юмсунов, Хабитуев, Гомбоев, учителя, публицисты, как например: Болдановы Яков и Николай, Мухусаев, Николаев, Ашедуев, Онгодоз и т. д. Наконец, появляются и такие ученые как Д. Банзаров, Гомбоев и т. д. Но грамотность населения была весьма незначительна, и основная масса вся была неграмотна.

В таких условиях, пребывая в суеверии и невежестве, в духовном плену шаманов и лам, безропотно неся на трудовом горбу своем всю тяжесть политического гнета и беспощадной эксплоатации царизма, торгового капитала, своих ноенов и лам, бурят-монголы шли по своей исторической дороге до конца XIX в., навстречу к тем событиям, которые развернулись в этот период.

Если первый период после покорения края до второй половины XIX в. характеризуется слабым процессом организованного и планомерного заселения края, то вторая половина XIX в. и начало XX в. наоборот, характерны усилением процесса колонизации. В этот период отрезается наибольшее количество земель, занимаемых бурят-монголами, под заселение, и начинается волна водворений русских крестьян. Причины этого явления одного социального порядка с теми, что вызвали пресловутую крестьянскую реформу 1861 г.

Крестьянская реформа, будучи делом развивавшегося в России капитализма, была в то же время сделкой промышленного капитала и помещиков. Реформа проведена была в интересах помещиков, а не крестьян; помещики отрезывали от крестьянских наделов лучшие земли, оставляя крестьянам „песочки". В дополнение ко всему этому крестьянство было переобременено выкупными платежами. При переселении крестьян в Сибирь помещик терял дешевую рабочую силу или арендатора-отработочника, а государство—плательщика выкупных платежей. Этим и объясняется сдержанное отношение правительства к крестьянским переселениям в Сибирь во вторую половину XIX века. Только крестьянские движения в конце XIX и особенно в начале XX столетия поставили перед правительством вопрос об усилении переселения в Сибирь.

С этого поворота истории экономического развития России началась не только широкая волна переселенческого движения, но усилился нажим царизма на бурят-монголов. Руссификация и христианизация достигли своей зенитной точки. Переселенческая политика, по словам Ленина, имела целью избавить крестьянство от соблазна созерцания помещичьих латифундий (крупных поместий).

Очевидно, царским правительством решено было ускоренным темпом раз навсегда вытравить из бурят-монголов все национальное и даже воспоминание о своем бурят-монгольском происхождении и тем самым сделать невозможным какое бы то ни было недовольство на национальной почве.

На этот период падает усиление политики обрусения. Родной язык изгоняется отовсюду, вводится русский язык как обязательный государственный язык в правительственных учреждениях и официальных сношениях бурят-монголов. Также усиливается и христианизация. Наряду с методом задабривания, принужденчя и насилия, православное духовенство усиливает также и средства христианизации, как-то: организация миссионерских, церковно-приходских школ с насыщенным преподаванием церковных предметов, подготовка миссионеров из среды бурят-монголов и перевод священных книг на бурят-монгольский язык. В результате такого комбинированного метода христианизации в западной части Бурятии в 1897 г. православных бурят-монголов было 41,7%. Конечно, православные бурят-монголы лишь формально числились таковыми, а в самом деле оставались шаманистами, но все же это свидетельствует об известном „достижении" православной миссии.

В арсенале русификации царизма в конце XIX в. особенно значительным фактором стало непосредственное и грубое вмешательство во внутреннее устройство общественно-административного строя бурят-монголов. С начала 90-х годов XIX в. у бурят-монголов бывшей Иркутской губернии так наз. национальные органы управления—степные думы постепенно были ликвидированы и заменены сначала инородческими ведомствами, а несколько позже по закону 1892 г. еще более мелкими управами. В довершение этого в 1896 г. издается закон о поземельном устройстве бурят-монголов западной части Бурятии с дополнительной к нему инструкцией 1898—1899 гг., значительно уменьшавший площадь землепользования бурят-монголов.

В отношении же забайкальских бурят-монголов, в виду их пограничности и часто наблюдаемых массовых откочевок и перебежек в Монголию, самодержавие, как отмечали выше, несколько сдерживалось в своей политике, оставляя сравнительно дольше неприкосновенными их внутренний строй и порядок землепользования. Но империалистические, захватнические цели на Дальнем Востоке, с одной стороны, и сравнительно легкий развал „самоуправления" и изъятия земель бурят-монголов западной части Бурятии, с другой—определили необходимость и возможность издания аналогичного закона о поземельном устройстве и у забайкальских бурят-монголов. Так, в результате исследования землевладения и землепользования забайкальских бурят-монголов комиссией Куломзина издаются два закона.

В 1900 г. вышел закон о землеустройстве. По этому закону земли не отчуждались казенными, и кочевья ограничивались 15—30 дес. наделом. Вслед за этим в 1901 г. издается закон о реформе управления и суда. По этой реформе упразднялись степные думы и вводились непосредственно земельные правления (которые у западных бурят-монголов введены лишь в 1912 г.) Правила о практическом применении закона о реформе были изданы в 1902 г., и с этого времени приступлено к осуществлению законов о землеустройстве и реформе управления. Но забайкальские бурят-монголы категорически запротестовали против этих законов.

В связи с этим начались обычные по тому времени депутации. Особенно много депутаций снаряжалось именно в этот период. Эти депутации или безвыездно проживали в Петербурге или беспрерывно сменяли одна другую и только проедали народные средства. Начались столкновения бурят-монголов с местной администрацией. Но, несмотря ни на что, реформа была введена, и землеустроительные работы начались в обоих частях Бурятии.

Тем временем развитие товарно-денежных отношений у бурят-монголов расширялось и углублялось. Наряду с ламством и ноенатством стали появляться отдельные чисто капиталистического типа предприниматели в лице кулачества, подрядчиков, скупщиков и т. д.

Хозяйство бурят-монголов чем дальше, тем больше подпадало под непосредственное воздействие капиталистического рынка. На почве возрастающего влияния рынка бывшее до этого полунатурального типа хозяйство бурят-монголов все шире и непосредственнее вовлекалось в сферу товарных отношений. Рыночное хозяйство в силу плохой товарности, вследствие остатков феодальных отношений, тормозивших товарно-капиталистическое развитие, развивалось крайне медленно, но все же на этой почве средневековой замкнутости разрывались. Экономическая почва и общественные отношения расщепались от средневековой ограниченности. Переходящие на товарно-капиталистические рельсы социальные отношения бурят-монголов преобразовывались, и общественные связи различных частей их расширялись. Разъединенные до сего времени в силу исторических причин не только территориально-экономически и политически, но

в зависимости от этого в культурно-бытовом и языковом отношениях, живущие изолированно друг от друга средневековой замкнутостью бурят-монголы на этой основе все больше связывались. В Бурятии шел процесс формирования разобщенных, разрозненных племенных и территориальных групп в нацию, по крайней мере в пределах двух частей теперешней Бурятии.

На этой основе росли националистические настроения. Если носителями великодержавного шовинизма являлись русские купцы, кулаки, миссионеры и чиновники, то носителями местного национализма стали бурят-монгольские ноены, ламы и буржуазные элементы. В этом же направлении работала появившаяся к тому времени национальная интеллигенция, объективно выполнявшая социальный заказ ноенатства, ламства и национального кулачества. Усилившийся национально-политический гнет и развернувшаяся колонизация Бурятии только подливали масло в огонь.

Политический гнет царизма, экономический гнет русского торгово-промышленного капитала и вместе с тем результаты земельной и административной реформы, а также миссионерско-обрусительной политики легли тяжелым бременем на бурят-монголов и вместе с тем вызывали определенное недовольство среди последних. Это обстоятельство и послужило основой того широкого национального движения, которое развернулось у бурят-монголов.

Царизмом были недовольны все слои населения. Недовольство трудящихся понятно. Только они на своих плечах несли всю непомерную тяжесть военно-феодального, национально-политического гнета царизма и только они одни были объектом эксплоатации торгово-промышленного капитала. Недовольно было и ламство из-за того, что его интересы ущемлялись царизмом в угоду православию. Недовольство же ноенатства или верхней части его обусловлено, во-первых, тем, что по мере руссификации и развития русского чиновничества, поле его деятельности все суживалось и на его долю все меньше и меньше доставалось из награбленного. Во-вторых, проникновение торгового капитала в бурят-монгольские улусы в лице купцов, скупщиков иной национальности грозило подрезать его интересы и по линии капиталистической эксплоатации. Эта же причина лежала в основе недовольства национальных кулаков и торговцев. Они стояли за монопольное право на „своем" национальном рынке, за оттеснение конкурентов в лице представителей другой национальности.

На основе товарно-капиталистических отношений усилилось также и социальное расслоение, а в связи с ним и на его почве усиливались социальные противоречия различных групп населения.

У бурят-монголов Забайкалья в конце XIX в. безлошадных было 4,3%, от 1 до 9 голов 76,5%, от 10 до 49 гол.—17,2% и выше 50 гол.—2,0%; бесскотных—2,5%, от 1 до 23 г.—62,0%, от 25 до 99 гол.—33,5% и выше 100 гол.—2,0%. У западных бурят-монголов безлошадных—7,1%, с 1 гол.—23,0%, от 2 до 4 гол.—52,0%, от 5 до 9 гол.—14,9% и более 10 гол.—3,0%; бесскотных—12,1%, от 1 до 3 гол.—36,6%, от 4 до 9 гол.—33,2%, выше 10 гол.—18,1% и вовсе беспосевных—5,3%. Эти данные дают если не абсолютно точное, то по крайней мере относительное представление об экономическом расслоении бурят-монголов того времени.

Общество с таким расслоением не могло жить и двигаться без социальных трений и конфликтов, без классовой борьбы. Вся история бурят-монголов от начала завоевания до нашего времени заполнена этой борьбой. Но классовая борьба затушевывалась перед лицом общего врага—русского царизма и торгового капитала. Это положение и обусловило относительное единство движения.

Так бурят-монголы подошли к революции 1905 г. Национально-освободительное движение, развернувшееся в 1905 г. у бурят-монголов, есте-

стественно вытекало из общего угнетенного их положения и было реакцией на политику царизма, выражавшуюся в наступлении „по всему фронту", в виде усиления колонизации занимаемой бурят-монголами территории, введения „самоуправления", руссификации и христианизации. Кроме того это движение было выражением протеста против русского капитализма, проникавшего в улусы и опутывавшего бурят-монголов своими тенетами. Это движение выражало стремление народных масс освободиться от национального гнета.

В революцию 1905 г. бурят-монголы провели большую кампанию по созыву общебурятских съездов и выработке программы своих требований. В одной забайкальской части Бурятии в течение только первой половины 1905 г., исключая массу частных совещаний, прошло четыре общих съезда. Наиболее значительным из них был съезд в Чите в апреле, под председательством хамбо-ламы Ирелтуева.

В иркутской части Бурятии, сразу же после появления указа о введении земства, прошла целая кампания съездов по улусам и уездам. После этого состоялся в августе общий съезд иркутских бурят-монголов под председательством крупного буржуа, бурята Михайлова. Основные требования, формулированные бурят-монголами на этих съездах, сводились к следующему: дать самоуправление, приостановить землеустройство, допустить национализацию школы и свободу вероисповедания. Эти главнейшие требования съездов были представлены на утверждение губернским властям, но эти власти, как и следовало ожидать, их не утвердили. Поэтому двинулись опять-таки непрерывной волной депутации в Петербург к самому „царю батюшке" с всеподданнейшими ходатайствами об утверждении принятых съездами решений. Но все их верноподданические мольбы были отвергнуты и на этот раз. И лишь впоследствии забайкальским бурятам было разрешено иметь особое представительство в Государственной думе. Этим правом они смогли воспользоваться только во 2-й думе, а впоследствии и этого были лишены.

Тем временем, пока верхушка бурят-монголов занималась посылкой ходатайств в центр, бурные волны революции 1905 г. быстро докатились до улусов. Власти растерялись. Крестьянские и уездные начальники скрылись. Началась полоса „сибирских республик". Начались революционные протесты и действия и у бурят-монголов. Так, например, хоринцы явочным порядком упразднили у себя волостные правления и восстановили степную думу. иркутские бурят-монголы протестовали против захватов земель и религиозных притеснений. Но этому скоро пришел конец. На горизонте показались грозные фигуры палачей-генералов: Ренненкампфа с востока и Меллер-Закомельского с запада. Бурятия оказалась между двух карательных экспедиций, шагавших через трупы и кровь революционеров, рабочих и крестьян, подавляя революцию 1905 г. В связи с этим ликвидированные волостные и сельские правления снова восстанавливаются. Царская бюрократия снова заработала. „Вожди" бурят-монгольского движения поспешили с повинной и признавались в том, что неправильно и широко истолковали манифест 17 октября о свободе союзов, собраний и прочее. Многие из них угодили в ссылку в Енисейск и в Верхнеангарск. С этого времени, хотя с большими препятствиями, начались опять совещания и съезды у забайкальских бурят-монголов, что продолжалось до осени 1906 г. Попытки же иркутских бурят-монголов собрать свой съезд потерпели неудачу. С этой поры полоса общих открытых съездов—эта огромная общественно-воспитательная школа для народа—прервалась в одинаковой степени для обоих частей Бурятии.

На съездах бурят-монголов в соответствии с их социально-экономическим расслоением фигурировали несколько политических группировок. Были тут так наз. „стародумцы" у восточных и национал-либералы у западных бурят-монголов. Обе эти группировки, несмотря на различия

оттенков в соответствии с разными условиями общественно-экономической обстановки двух частей Бурятии, по существу стояли за сохранение и восстановление старой формы общественного экономического строя, т. е. за восстановление самоуправления Сперанского, и представляли идеологию старого типа ноенатства и его союзника ламства.

В противоположность данной группировке существовала и другая—так наз. „обрусители" у западных бурят-монголов и „партия прогрессивных бурят" у восточных. Между ними опять-таки была разница оттенков, обусловленная различиями обстановки этих двух частей Бурятии, но по существу они стояли на одной и той же политической платформе.

Эти группировки были за приспособление к существующим в России условиям, за земства против родовых привилегий и, несомненно, отражали идеологию национального кулачества и части обуржуазившегося ноенатства.

Наряду с вышеперечисленными группировками были и другие течения, так наз. „социалистические". Это были, с одной стороны, легальные марксисты, ", называвшие себя „западниками", а, с другой—национал-демократы, называвшие себя „народниками". Эти группировки вербовались из растущей национальной буржуазной интеллигенции. Первое течение возглавлялось Богдановым, а второе—Жамцарано.

Национал-народники были за возрождение и объединение бурят-монголов путем развития тех „коммунистических начал", якобы заложенных в общественной жизни их, с непременным сохранением национальных особенностей, за создание национальной культуры через распространение на все части Бурятии ламайской религии, чтобы через нее приобщить их к „общемонгольской культуре". Это было сугубо националистическое течение, содержавшее в себе панмонгольскую тенденцию.

Прямой противоположностью ему было течение, именуемое нами „легальным марксизмом". Они считали возрождение бурят-монголов и сохранение национальной самобытности невозможным, полагая, что капитализация общественных отношений неминуемо приведет к уничтожению национальных перегородок и ассимиляции наций. Поэтому действовать надо не наперекор общему фатальному движению жизни, а в соответствии с ним. Эта идеология, несомненно, выросла из всей совокупности обстановки жизни западных районов Бурятии, в силу исторических причин попавших в сферу сильнейшего воздействия капитализма и руссификации.

Во взглядах этих двух групп сказались также влияния общерусских течений того времени—народников и легальных марксистов; они в миниатюре отражали их борьбу. Во взглядах Богданова сказалось влияние Струве и Туган-Барановского с их воспеванием дифирамбов капитализму, а Жамцарано—народников с их крестьянской общиной как с прообразом социализма. По своим методам обе группы были мирно-реформистскими. Несмотря на кажущиеся принципиальные расхождения обе группировки были тождественны между собою, впоследствии слились и образовали единый национал-демократический фронт. Их объединила идея „возрождения" бурят-монгольского народа. Объективно они выражали интересы либерально-буржуазных элементов Бурятии.

В национально-освободительном движении бурят-монголов выливалось стремление народных масс покончить с национальным угнетением царизма. Поскольку это движение отстаивало самоопределение нации, отмену законодательства, стеснявшего свободное национальное развитие, выступало тем самым против основ великорусского национализма, постольку оно играло исторически прогрессивную роль. Но поскольку оно было руководимо буржуазно-ноенатскими и ламайскими элементами, которые не ставили и не могли ставить перед собою революционных задач, а ограничивались чечевичной похлебкой с царского стола, постольку оно носило буржуазно-национальный характер.

После поражения революции 1905 г. наступила реакция. Увеличился национально-политический гнет бурят-монголов со стороны царизма, выразившийся в усилении административно-полицейской опеки над трудящимися бурят-монголами, подавлении всякого проявления общественности и усилении обрусительно-христианизаторской работы. В общем и целом бурят-монголам пришлось испытать весь различные проявления национально-политического гнета в области языка, школы, культурного строительства вообще, а также произвол и беззакония царской администрации.

„Руководители" же общественного движения в революции 1905 г., вышедшие из разрозненных одиночек-интеллигентов, показались на арене общественной жизни, как актеры от революции, и бессильные что-либо сделать, сошли со сцены.

Период, последовавший за поражением первой русской революции и предшествовавший второй революции, кроме общего национально-политического гнета, характеризуется еще и усилением колонизаторского нажима на бурят-монголов. В этот период проходит так называемая столыпинская земельная и административная реформа, когда бурят-монголы Иркутской губернии получили „почетное" звание „крестьян из инородцев", когда были упразднены инородческие управы и введены волостные правления, когда в целях окончательной капитализации сельского хозяйства был нанесен решительный удар скотоводческому хозяйству бурят-монголов. В результате этой работы путем отчуждения в колонизационный фонд отрезано у одних только иркутских бурят-монголов 53% прежнего землепользования и внесена в землепользование между переселенцами и бурят-монголами большая путаница с нескончаемыми спорами и недоразумениями. Происходила она благодаря тому, что переселенческие участки отводились шахматнообразно с наделами бурят-монголов. Это делалось сознательно в целях руссификации и ассимиляции бурят-монголов, и в видах военно-политических соображений, чтобы иметь опору в лице переселенцев среди „инородцев" на случай их волнений.

В результате сокращения земли путем изъятия так называемых земельных излишков бурят-монголов под переселенческие участки и нанесения вследствие этого непоправимого удара пастбищно-скотоводческому хозяйству их, а также в результате всего предшествующего и последующего хищничества царизма, в хозяйстве бурят-монголов выявились признаки экономической депрессии, показателями которой были: сокращение скота и уменьшение запашки. В конце 80-х годов XIX столетия у бурят-монголов Иркутской губернии на 1 хозяйство приходилось 4,8 десятины запашки, а в 1917 г. 3,2 десятины. В 1897 г. среди бурят-монголов Забайкальской области на 1 хозяйство приходилось 50,2 головы, а в 1917 г.—40,6 гол. всякого скота. На почве ухудшения общего благосостояния, хозяйственного кризиса бурят-монголы численно уменьшились, они определенно шли по пути вымирания.

Развитие торгово-промышленного капитала в Сибири и в соседних с бурят-монголами районах, особенно в результате проведения Сибирской железной дороги и землеустройства со ставкой на капитализацию хозяйства, приводит к усиленному проникновению товарно-капиталистических отношений в бурятские улусы.

Крот истории все больше разрыхляет почву бурят-монгольских „степей" для капиталистического развития.

Если раньше, до указанных мероприятий, благодаря отсутствию путей сообщения и наличию феодально-родовых пережитков бурят-монгольское хозяйство было оторванным от мира, от больших капиталистических рынков, носило до некоторой степени потребительский и полунатуральный характер, то теперь дорога была открыта и путь очищен для победного шествия капитализма по степям и улусам бурят-монголов. В связи с этим хозяй-

ственная обстановка становится сложнее и многограннее в том отношении, что бурят-монгольское хозяйство вполне определенно вступило на путь капиталистического развития со всеми присущими ему атрибутами: эксплоатацией одного слоя населения другим на чисто капиталистических началах, классовыми противоречиями, присущими капиталистическому обществу и резко очерченной борьбой классов. Но в то же время оставалось много пережитков от прежних докапиталистических отношений. Бурят-монгольские феодалы-ноены цепко держались за родовые традиции и феодальные пережитки, выгодно используя их в дополнение к капиталистическим методам эксплоатации.

С развитием товарно-капиталистических отношений, наряду с сильно развитым торговым капиталом в лице русских купцов, расставлявших свои сети по всем бурят-монгольским улусам, из кулацко-ноенатской среды самих бурят-монголов выделяются и чем дальше, тем больше оформляются и упрочиваются торговцы, скупщики, подрядчики. Они путем торговли и ростовщичества, применения наемного труда эксплоатируют массу трудящихся бурят-монголов.

Наряду с этим „слоем" наиболее сильной социальной группой было бурят-монгольское кулачество, выделявшееся из верхушки середнячества и выставлявшее из своей среды торговцев, ростовщиков. От него были в экономической зависимости все слои собственно крестьянства: середняки, бедняки и батраки, особенно последние две группы.

Торгово-ростовщический слой и кулачество составляли у бурят-монголов группу (класс) буржуазии.

К кулачеству и торговой буржуазии стала примыкать и более ранняя эксплоататорская группа в лице ноенатства, часто сращиваясь с первой. Они закрепляли за собой лучшие земельные участки, концентрировали многочисленные стада скота. Ноенатство характерно тем, что наряду с обычной капиталистической эксплоатацией бурят-монгольской бедноты, батрачества и середнячества, благодаря союзу и при помощи царской администрации, монополизировало почти все общественные должности и на этой основе держало бурят-монгольское население не только в экономической, но и в административно-политической зависимости. Ноенатство эксплоатировало население разнообразными способами, применяло и внеэкономические методы принуждения.

Кроме выше охарактеризованных социальных групп на арене общественной жизни действовало и ламство, о котором мы в свое время упоминали.

Ноены и ламы составляли консервативную и реакционную силу у бурят-монголов.

Социальными антиподами характеризованных социально экономических групп классов, были середняцкие и бедняцко-батрацкие слои. Середняк бурят-монгол гнулся под тройным гнетом: от непосильной эксплоатации торгово-промышленного капитала, царских поборов и повинностей, а также эксплоатации со стороны собственной буржуазии, кулачества, ноенатства и ламства. У какого-нибудь ноена или кулака в пожизненной прямой и косвенной кабале пребывали беднота и батрачество. Естественно, что у этих слоев, представлявших низший слой социальной пирамиды, постоянно накапливалось законное возмущение, недовольство существовавшим социальным порядком, но все это идеологически не оформлялось.

Трудовая масса бурят-монголов нуждалась в идейно-политическом руководстве, она искала его.

После поражения первой русской революции, на основе усиления капиталистического развития, бурят-монгольская молодежь, особенно сыновья ноенов, кулаков, стала наводнять учебные заведения близлежащих городов и даже попадала в высшие школы. Нарождались полулегальные кружки

и союзы учащихся культурно-общественного характера. Устраивались собрания, читались рефераты, выпускались рукописные журналы. В этих ученических союзах и организациях молодежь культурно росла и общественно созревала, готовясь к будущей общественно-культурной деятельности среди своих сородичей. Но эта кружковая работа не выходила из рамок культурно-общественной работы, не имела связи с массой. В отношении общественно-политической работы подрастающая национальная интеллигенция не имела исторической традиции. Училась на литературе первых „социалистических" партий и это наиболее гармонировало с той социальной средой, откуда она происходила и с которой была органически связана.

Большинство этой интеллигенции на роль руководителей бедноты бурят-монголов не годилось и сыграло свою печальную роль в революционный период, метнувшись в лагерь контрреволюции.

Наконец, пришел 1914 г. с его ужасающей империалистической войной, стоившей миллионов человеческих жизней и миллиардных средств для человечества, принесенных в жертву ради алчных вожделений кучки заправил империалистических стран.

Во время войны в одной только России было мобилизовано больше 15 миллионов человек, из них убито 2 500 000 и раненых 5 700 000 чел. Затрата на войну исчисляется в 25 500 млн. руб. Если же принять в соображение сокращение производства промышленности, сельского хозяйства, расстройство транспорта и т. д., то издержки войны увеличатся в несколько раз.

Отрицательное влияние войны на хозяйство бурят-монголов, переживавшее и без того глубокий длительный кризис, было немалое. Производилась, и по несколько раз, реквизиция лошадей и скота для нужд войны. Изнашивался инвентарь и обновлять его было нельзя, потому что он отсутствовал или был непосильно дорог. Возрастали цены на предметы широкого потребления как сельскохозяйственного, так и промышленного производства. Это было невыносимо для бедноты, особенно вздорожание цен на продукты сельского хозяйства, ибо она обычно прикупала их, так как своего нехватало. Жизненные условия трудящихся бурят-монголов невероятно ухудшились. Хозяйственный кризис еще больше углублялся. Трудовая бурят-монгольская масса была недовольна и не могла быть довольна. Больше того — она была против войны.

Но большая часть национальной интеллигенции, особенно ее верхушечный слой во главе с ламством и в тесном союзе с ноенатством и национальной буржуазией, оказалась за войну. Они „голосовали" за отпуск военных кредитов из скудного и почти пустого сундука трудящихся бурят-монголов. Собирались пожертвования на нужды войны. Был организован на собранные средства лазарет в Петрограде и летучие санитарные отряды на фронтах. Во главе этого движения стоял глава ламайского духовенства бурят-монголов—Бандидо-хамбо. Герои этого движения оправдывали его тем, что бурят-монголы, за исключением бурят-казаков, не отбывают военной повинности, и на этой почве среди несознательного русского населения развивается шовинизм, что грозит принять форму погромов, а чтобы отвести это, необходимо производить сбор пожертвований, открывать лазарет и организовать санитарные отряды. Может быть в таком объяснении и есть доля правды, но в основном в этом движении выражалось настроение за войну со стороны национальной буржуазии и ноенатства и ламства. Для первой война была экономически выгодна, ибо она наживалась на вздорожании цен, главным образом, продуктов сельского хозяйства, ноенатство расчитывало на ордена, а ламство на упрочение своего положения.

В такой обстановке, в июле 1916 г. на бурят-монголов обрушилась новая беда—акт о „реквизиции" бурят-монголов на тыловые работы по закону от 25 июня 1916 г. Называя мобилизацию „инородцев" „реквизицией", царское правительство совершило акт грабежа своих собственных

подданных, ибо термин „реквизиция" в буржуазной юридической науке и практике означает принудительный захват чужого имущества организованной силой с санкции власти. Этим законом „инородцы" были приравнены к предметам и припасам. По данному закону „инородцы" рассматривались не как люди, а как предметы, вещи. Объяснение этому можно найти в характере колониальной и национальной политики царизма. „Реквизиции" в Восточной Сибири всего сильнее отразилась на бурят-монгольском населении. Остальные национальности благодаря разбросанности и удаленности от главных путей сообщения пострадали значительно меньше. По закону о „реквизициях" в первую очередь подлежали призыву от 19 до 31 года. От призыва освобождались должностные лица волостных и сельских управлений, лица состоящие на государственной службе, учителя, воспитанники учебных заведений, ламское духовенство. Кулаки частью освобождались как подрядчики, поставщики и т. д., а частью путем найма за себя других. Поэтому вся тяжесть „реквизиции" легла на трудящихся. В результате „реквизиции" была изъята самая здоровая, работоспособная часть, весь цвет бурят-монголов и брошена на работы по обороне страны помещиков и капиталистов. Количество реквизированных по приблизительному подсчету выражается от 15 до 20 тыс. человек.

Все „реквизированные" на местах работы находились в невероятно тяжких климатических и тяжелых материальных условиях, поправляемых очень часто издевательством—пощечиной, пинками со стороны начальства, офицеров. „Реквизированные" вернулись после Февральской революции. Многие не вернулись на родину,—погибли, не выдержав тяжелых условий, а другие вернулись в большинстве случаев наполовину калеками, больными. К счастию для бурят-монголов акт „реквизиции" их был последним историческим актом насилия в длинной цепи насилий, применявшихся царизмом.

Оглядываясь назад, восстанавливая основные этапы и моменты истории бурят-монголов, мы видим, что весь пройденный ими исторический путь от завоевания их царской Россией до сверження самодержавия усеян терниями, заполнен сплошными насилиями над трудовой массой бурят-монгольского народа. Это путь возвышения и господства немногих за счет разорения, обнищания массы, путь вырождения и вымирания. История Сибири знает много народностей, окончательно вымерших, не выдержавших гнета царских поборов и тяжести эксплоатации купцов. Таков удел малых народностей в условиях власти царей и господства богатых. По этому пути шла и Бурятия в прошлом. Но к их счастию это кошмарное прошлое с перспективой вымирания миновало безвозвратно.

Трудящиеся Бурятии в день десятой годовщины организации своей республики еще раз должны вспомнить это прошлое с тем, чтобы еще с большей энергией и энтузиазмом ринуться в бой за строительство социализма.

Выкорчевывая вековые пережитки средневековья, ликвидируя остатки капиталистических элементов, беспощадно борясь с разного рода уклонами от генеральной линии партии, в огне ожесточенной классовой борьбы со всеми врагами пролетарской революции, при помощи пролетариата СССР и под руководством партии большевиков Бурятия из бывшей колонии царской России превращается в одну из передовых республик Союза.

Ф. А. КУДРЯВЦЕВ и В. П. ГИРЧЕНКО

ОТ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА К АВТОНОМНОЙ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

I. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БУРЯТИИ

Буржуазно-демократическая Февральская революция, приведшая к свержению самодержавия, была совершена пролетариатом и революционным крестьянством многонациональной России.

Авангардом революционной борьбы в период февральской революции, как и в предшествующее время, был руководимый большевиками пролетариат. Но Февральская революция, по определению И. В. Сталина, „имела в себе внутренние непримиримые противоречия. Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат), между тем как в результате революции власть перешла не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии" [1]. Сложилось положение, которое В. И. Ленин характеризовал, как „двоевластие": с одной стороны, буржуазное Временное правительство, с другой стороны—советы рабочих и солдатских депутатов. В советах преобладали сначала социал-соглашательские элементы (меньшевики, эсеры), поддерживавшие Временное правительство, вступавшие на путь соглашательства с буржуазией.

В Бурятии также отражалось это „двоевластие". Здесь были советы, но вместе с тем существовали местные органы Временного правительства: уездные комиссары, подчинявшиеся губернскому (в Иркутской губернии) и областному (в Забайкальской области) комиссарам и иркутскому (восточно-сибирскому) краевому комиссару Временного правительства. Действовали организации буржуазной общественности, городские думы, земские учреждения, возникшие после Февральской революции (до этого времени земства в Сибири не было).

В центре Бурятии—г. Верхнеудинске—после получения 18(3) марта 1917 года известий о Февральской революции организуется на следующий день Верхнеудинский (Прибайкальский) совет рабочих и солдатских депутатов, а немного позже—Троицкосавский совет. Одновременно возникает коалиционный Верхнеудинский исполнительный комитет общественных организаций. В Чите происходит первое совещание группы бурят-монгольских общественных деятелей, учредившее временный организационный комитет по подготовке съездов в целях организации бурят-монгольского населения, разъяснения ему происходящих событий, избрания представителей в правительственные и общественные организации, возникшие после Февральской революции. По распоряжению Верхнеудинского совета были произведены аресты местных агентов царской власти—верхнеудинского уездного начальника, жандармов и пр.

[1] Сталин. Сборник статей „Октябрьский переворот и национальный вопрос". Гиз. 1920 г., стр. 82.

В сельских местностях вместо волостных, станичных (у казаков) правлений возникают в половине марта—апреля 1917 г. волостные, станичные и сельские комитеты, в районах же с преобладающим бурятским населением—хошунные и сомонные комитеты, объединившиеся потом в аймаки.

С 6 мая (23 апреля) происходил съезд представителей сельских и городских комитетов Прибайкалья (Верхнеудинский, Троицкосавский, Селенгинский уезды), на котором в состав Верхнеудинского совета были избраны депутаты от крестьянского населения. Таким образом сконструировался Прибайкальский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Прибайкальском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов преобладало первоначально влияние социал-соглашательских элементов. Это ярко сказалось, например: в резолюциях съезда делегатов от советов Верхнеудинского района, происходившего 31(18) мая 1917 г. Этот съезд высказался за необходимость продолжения войны, хотя указывал, что „демократия, как принципиальная противница войны, должна склонить демократию других стран к заключению мира без аннексий и контрибуций, для чего народы союзных и воюющих с нами стран должны свергнуть иго империалистов". Между тем в резолюциях съезда ничего не говорилось о борьбе против империалистической политики Временного правительства, тесно связанного с англо-французским и вообще „союзным" империализмом. Верхнеудинский съезд в большинстве своем стал на социал-соглашательскую позицию коалиции с буржуазным Временным правительством. „Считаем в настоящее время необходимым участие представителей демократии (социалистов) в министерстве, так как уклонение их от участия во власти грозило бы гибелью революции", говорилось в резолюции съезда [1].

По национальному вопросу Верхнеудинский съезд делегатов постановил, что „революционная демократия признает право на полное самоопределение за всеми национальностями, населяющими Россию, и даже право на отделение территориально обособленных наций". Но фактически эсеры и меньшевики в Восточной Сибири, высказывавшиеся за „культурно-национальную автономию", были противниками действительного национального самоопределения. Особенно это сказалось на Восточносибирском краевом съезде исполнительных комитетов общественных организаций, происходившем в Иркутске 7—11августа (25—28 июля).

В своей резолюции по национальному вопросу Восточносибирский съезд представителей общественных организаций признал за бурят-монгольским народом только право на культурно-национальную автономию и указал, что „создавшиеся в процессе национального строительства сомонные, хошунные и аймачные организации съезд рассматривает, как начальные основные единицы национально-культурного объединения бурят" [2].

Позиция съезда по национальному вопросу вызвала недовольство представителей бурят-монгольского населения. Последними было оглашено внеочередное заявление, в котором указывалось: „На съезде мы встретили грубое непонимание наших бурятских отношений и почти полное игнорирование заявлений бурятских представителей".

В период Февральской революции в Бурятии имели большую остроту рабочий, земельный и национальный вопросы.

Уже вскоре после Февральской революции происходит столкновение между рабочими и торгово-промышленной буржуазией на почве проведения 8-часового рабочего дня. 2 апреля (20 марта) Верхнеудинский совет рабочих и солдатских депутатов постановил признать необходимым ско-

---

[1] В. П. Гирченко, Этапы революционного движения в Бурятии 1917—1918 г. В-Удинск 1927 г., стр. 13.

[2] Гирченко. Этапы революционного движения в Бурятии, стр. 21.

решение установление 8-часового рабочего дня во всех торговых и промышленных предприятиях Прибайкалья. По предложению совета и было издано комитетом общественных организаций постановление о введении 8-часового рабочего дня. Но это мероприятие встретило протест со стороны буржуазии. Представитель предпринимателей заявил в комитете, что постановление о 8-часовом рабочем дне является будто бы незаконным, так как „владельцы предприятий не давали своего согласия издавать для них законы", и комитет вообще не имеет прав на издание таковых. Буржуазия ведь признает только соответствующие ее интересам „законы". „Полномочия комитета имеют границы, — заявлял представитель буржуазии, — иначе сегодня комитет введет 8-часовой рабочий день, завтра установит заработную плату, а послезавтра передаст орудия производства в руки рабочих"... Комитет постановил выразить представителю предпринимателей лишь порицание за такое „антиобщественное выступление".

В Прибайкальский совет, организовавший особую секцию охраны труда, поступали многочисленные жалобы на ненормальные условия труда в различных предприятиях, на низкую заработную плату, продолжительный рабочий день, грубое обращение предпринимателей, антисанитарные условия и т. п.

Борьба рабочих с предпринимателями выливалась в стачки и различные конфликты, происходившие на золотых приисках Новомейских (в Баргузинской тайге), в частных типографиях города Верхнеудинска, на верхнеудинской городской электрической станции, среди рабочих и служащих пароходства Коковина (по Байкалу и Селенге), в магазинах швейных машин компании Зингера[1].

Сразу же после Февральской революции в Бурятии среди рабочих и служащих началось профсоюзное строительство, враждебно встреченное буржуазией. „В начале организации профсоюзов—писал по этому поводу верхнеудинский корреспондент газеты „Забайкальский рабочий",—местные буржуазные круги к этому отнеслись с весьма явно выраженной иронией. Но как только они впервые столкнулись с организованными требованиями рабочих, картина резко изменилась. Посыпались обвинения, что рабочие, требуя заработной платы, не учитывают переживаемого страной момента и этим „губят революцию", что профсоюзы „нахально" залезают в священный карман капитала и прочее".

Прибайкальский пролетариат, встретив всюду компактный отпор капиталистов, пришел к логическому выводу о необходимости еще большего объединения, чем отдельные профсоюзы. Такое объединение и осуществилось учреждением в конце июня 1917 г. „союза профессиональных союзов рабочих и служащих города Верхнеудинска и Прибайкальского района".

Но в период, предшествовавший Октябрьской революции, рабочий вопрос в Бурятии, как и по всей России, не мог получить коренного разрешения. Причем характерно, что главным методом разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями было разбирательство этих конфликтов в соглашательских по своей сущности „примирительных камерах". Между тем и в Бурятии усиливалась борьба пролетариата с буржуазией. Для характеристики обострения этой борьбы накануне Октябрьской революции любопытна, например, резолюция типографских рабочих г. Верхнеудинска в связи с забастовкой, объявленной, по интересному совпадению, в великий исторический день Октябрьской революции— 25 октября (ст. ст.) 1917 г. В этой резолюции указывалось, что „буржуазия, сплотившись вокруг торгово-промышленного союза и партии ка-де, старается подавить окончательно всякое проявление рабочего движения,

[1] См. статью В. П. Гирченко. Рабочий вопрос в Прибайкалье в революционное время. Журнал „Жизнь Бурятии" 1924 г., № 4—5.

заявляющего о своем праве на существование, явно намереваясь обратить рабочих в прежних бессловесных рабов капитала". Рабочие призывали к борьбе до полного удовлетворения своих требований[1].

В период буржуазно-демократической Февральской революции среди бурят-монголов развивается национально освободительное движение, первые, более заметные, проявления, которого были в период революции 1905 г. Но в 1917 г. национальное буржуазно-освободительное движение приняло более широкий характер.

„В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.),—пишет И. В. Сталин,—национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплоатировавшиеся старым режимом национальности впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями". „Ликвидация национального гнета",—таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись „общенациональными" учреждениями. Во главе движения шла национальная буржуазно-демократическая интеллигенция"...

„Национальные советы" в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, в горах Кавказа, Киргизстане и Среднем Поволжье, „рада" на Украине и Белоруссии, „курултай" в Крыму и Башкирии, „автономное правительство" в Туркестане,—вот те „общенациональные" институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия. Речь шла об освобождении от царизма, как „основной причины" национального гнета и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось, как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования „своего" национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов. При этом упускалось из виду, что на смену царизма идет оголенный, лишенный маски империализм, что он, этот империализм, является более сильным и более опасным врагом национальностей, основой нового национального гнета"[2].

В соответствующих формах такое же явление наблюдалось и в Бурятии.

Уже 23 (10) марта 1917 г. в Чите состоялось совещание бурят-монгольских общественных деятелей, на котором был поставлен вопрос о необходимости национальной автономии с учреждением „сейма с законодательными функциями по вопросам гражданских взаимоотношений, земельным, народного образования и здравия и по вопросам религиозным". Автономия должна была распространяться на все бурят-монгольское население и, как было затем добавлено, на тунгусов, говорящих на бурят-монгольском языке, если они захотят присоединиться к требованию национальной автономии.

В дальнейшем происходит ряд съездов представителей бурят-монгольского населения Иркутской губернии, Забайкальской области и общебурятские. Известны съезды представителей аларских бурят-монголов, уполномоченных Селенгинского аймака, совещание делегатов бурят-монгольского населения Забайкальской области, 2 съезда представителей бурят-монгольского населения Иркутской губернии, наконец, общебурятские съезды: в Чите, при Гусиноозерском дацане и в Верхнеудинске.[3]

Основными вопросами, обсуждавшимися на этих съездах, были: национальная автономия в связи с общеполитическими вопросами, земельный вопрос, национализация школы и культурно-национальные вопросы. По вопросу о национальной автономии упомянутые съезды в основном скло-

[1] Фонд № 46—Секции труда при В.-Удинском совете рабочих и солдатских депутатов (Архивное управ. БМАССР).

[2] Сталин. Сборник статей „Октябрьский переворот и национальный вопрос". Гиз-1920 г.

[3] Деятельность этих съездов изложена в работе В. П. Гирченко. Этапы революционного движения в Бурятии. В-Удинск 1927 г.

лись к указанному выше постановлению совещания бурят-монгольских общественных деятелей в Чите. На общебурятском съезде в Чите 6—8 мая (23—25 апреля) был принят „Проект бурятской национальной автономии". По этому проекту, выдвигалось создание бурятской национальной думы („Бурят Олосун Чогуулган"), имевшей право издания законодательных постановлений и обложения по принципу прогрессивно-подоходного налога сверх причитающихся общегосударственных и общеземских средств. Съезд постановил считать принятый им проект национальной автономии применимым впредь до выделения особой национальной бурятской территории, признав необходимым настаивать на этом выделении в Учредительном собрании. Было также постановлено добиваться, чтобы от бурят Иркутской губернии и Забайкальской области были посланы в Учредительное собрание не менее трех депутатов и организованы при выборах отдельные бурятские избирательные округа.

На съезде был избран „Временный бурятский национальный комитет", в который вошло по одному представителю от каждого аймака, из числа присутствовавших на съезде делегатов. Задачами комитета считались: подготовка бурятского населения к введению земского управления, организация выборов в Учредительное собрание, созыв общебурятских съездов. Комитет должен был организовать издательство на бурятском языке популярных брошюр, листовок, газет, журнала, устраивать лекции и т. д. Кроме бурятского национального комитета был избран бурятский училищный совет. Таким образом после Февральской революции в Бурятии возникли следующие органы национального самоуправления: низшими органами являлись зомоны, их соединения образовали хошуны, объединившиеся в аймаки. Общим объединяющим органом считался Бурят-Монгольский национальный комитет в Чите, с его отделением в Иркутске.

В области земельного вопроса съезды представителей бурят-монгольского населения обращали главное внимание на необходимость изжития тяжелого наследия, оставленного колонизаторской политикой царизма, добиваясь ограждения бурят-монголов от колонизаторских захватов, возвращения земель, находившихся в фактическом пользовании бурят-монголов до землеустройства, передачи „в пользование бурят пустопорожних и части несполна заселенных переселенческих участков, а также церковных наделов", приостановления переселения на участки, образованные на бурятских землях, общего урегулирования вопроса о землеустройстве и землепользовании бурят-монголов.

При чтении постановлений съездов по земельному вопросу может создаться впечатление, что в этой области интересы всего бурятского населения были однородны. Между тем уже с давних пор между бурятской беднотой и ноенатско-кулацкими слоями происходили конфликты на почве земельного вопроса в связи с тем, что ноены закрепляли за собой лучшие земельные угодья, хотя бы формально считавшиеся общинными.

Бурят-монгольская беднота и среднее крестьянство нуждались в защите не только от русского кулачества, стремившегося к захвату бурятских земель, но и от бурятского ноенатства.

В области культурно-национальной съезды представителей бурят-монгольского населения, характеризовав руссификаторскую политику царского правительства, которое „стремилось к уничтожению бурято-монгольского языка", изгоняло его из школ и учреждений и „тем самым нанесло национальной культуре огромный вред", выносили постановления приступить немедленно к национализации школы. Общебурятский съезд 6—8 мая (23—25 апреля) в Чите, признав национализацию школ неотложной задачей национального самоопределения, поручил бурятскому училищному совету (в Чите) разработать план создания новых школ и учительских курсов внешкольного образования и издательского дела на родном языке. Было постановлено с начала 1917 1918 учебного года в бурятских школах

приступить к преподаванию на родном языке, ввести в программу историю бурят и монголов, историю монгольской литературы и бурятоведение. Съезд возбудил ходатайство перед правительством об ассигновании пособия на оборудование типографии и на издание учебников и книг на бурятском языке и вообще поставил задачу изыскания средств для этой цели.

Национально-освободительное движение, среди бурят-монголов в период Февральской революции имело, конечно, в условиях буржуазно-демократической революции известное значение. Оно пробудило бурят-монгольскую общественность, охватив не только буржуазную национал-демократическую интеллигенцию, стремившуюся играть руководящую роль, но и трудящиеся массы, однако это, движение возглавлявшееся буржуазными национал-демократами, поставив вопрос об уничтожении национального гнета, ликвидации наследия колонизаторско-руссификаторской политики царизма в земельном вопросе, выдвинув задачу национальной автономии, национализации школы и развития просвещения на родном языке, не разрешило и не могло разрешить этих вопросов. Бывшая во главе образовавшихся национальных учреждений (национальный комитет с подведомственными ему аймачными и хошунными органами) мелкобуржуазная национал-демократическая интеллигенция стояла на платформе так наз. „единого национального фронта", затушевывая классовые противоречия, развивавшиеся внутри бурят-монгольского населения. Такая политика вела к соглашательству с ноенатско-кулацкими слоями и примыкавшим к ним ламством, которому предоставлялось „почетное место" на съездах. Характерно, например, что на съезде 11—18 декабря (28 ноября—5 декабря) 1917 г. в Верхнеудинске производились даже выборы нового бандидо-хамбо-ламы. На этом съезде было широко представлено ламайское духовенство (по 1 представителю от дацана) и присутствовал между прочим цанит-хамбо-лама Агван Доржиев.

Ноенатско-кулацкие слои, ламы и шаманы имели еще большую силу. Но в улусах уже выявлялись готовые к протесту силы бурятской бедноты и батрачества, организованной выразительницей интересов которой стала, как мы увидим из следующей главы, оформившаяся в период Октябрьской революции группа бурят-большевиков. „Всякий, кто прислушивается к жизни бурят,—писала в 1918 г. представительница этой группы М. Сахъянова,—тот знает, что имеются неоформленные, но готовые к протесту силы бурятской бедноты. И задача истинно-демократической интеллигенции притти с идеями социализма и с оружием классовой борьбы на помощь этой бедноте".

Как указывает И. В. Сталин, „уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повели, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета.

Правительство Львова-Милюкова-Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но и организовало еще новый поход против Финляндии (разгон сейма летом 1917 г.) и Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того, это правительство, империалистическое по своей природе, призвало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых колоний и национальностей". „Поскольку общенациональные институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам „своих" рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство".[1]

[1] Сталин. Сборник статей „Октябрьский переворот и национальный вопрос". Гиз. 1920 г., стр. 80—81.

В процессе развивавшегося перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую „старое буржуазно-демократическое толкование принципа самоопределения превращалось в фикцию, теряло свой революционный смысл" (Сталин). При создавшихся в период Февральской революции условиях не могло быть и речи об уничтожении национального гнета. „Становилось очевидным,—пишет И. В. Сталин,—что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения „своей" национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами". Авангардом и гегемоном этой борьбы был руководимый большевистской партией пролетариат, действовавший в союзе с трудящимися различных угнетенных национальностей, освобождение которых принесла лишь Октябрьская революция.

Местные правительственные органы Восточной Сибири и земства, где преобладали социал-соглашательские партии эсеров и меньшевиков, проводили общую политическую линию буржуазного Временного правительства. Никаких шагов в разрешении национального, земельного, рабочего вопроса не предпринималось. Запросы трудящихся Бурятии игнорировались. Например, на заявление представителей бурят-монгольского населения о необходимости устранения искусственно созданной колонизаторско-руссификаторской политикой чересполосицы они получили „окрик" от одного из земцев—меньшевика Ассара: „Нам нет дела до того, кем создана эта чересполосица"—т. е. нет дела до ликвидации тяжелого наследия оставленного политикой царизма.

Столкновения на почве земельного вопроса не уменьшились, а наоборот, стали принимать еще более широкие размеры. В деревнях велась кулаками, черносотенцами из бывших волостных писарей или „архангелов" [1], урядников, приставов погромная агитация против бурят-монголов и происходили земельные захваты у последних. Никаких мер для ликвидации этих захватов не предпринималось. Местные органы буржуазной власти бездействовали или даже потворствовали кулацким земельным захватам.

Сложившаяся ко времени революции запутанность и напряженность земельного вопроса в Бурятии в период Февральской революции не была разрешена. Значительное количество лучших земельных угодий попрежнему находилось в руках русского кулачества, бурятского ноенства, церквей и дацанов.

Временное правительство и его органы на местах придерживались великодержавной политики и противились национальному самоопределению трудящихся угнетенных национальностей. Председатель иркутской губернской земской управы эсер П. Яковлев, будущий колчаковский губернатор, назвал даже стремление бурят-монголов к национальному самоопределению „оголтелым национализмом", показав этим самым свое лицо великодержавного шовиниста. Характерно, что система бурят-монгольских национальных учреждений, возникших после Февральской революции, так и не была утверждена Временным правительством, несмотря на ряд ходатайств.

Буржуазное временное правительство неспособно было разрешить основные вопросы экономической и социально-политической жизни, справиться с экономической разрухой, разрешить вопросы войны, продовольствия, и рабочий, земельный и национальный вопросы. Предотвратить грядущую в результате затягивавшейся войны и растущей разрухи катастрофу могла лишь пролетарская революция, разрешающая эти вопросы решительной и твердой рукой пролетарской диктатуры под руководством большевистской партии.

---

[1] Черносотенцы, члены так наз. „Союза Михаила Архангела", прославившегося своими погромными „подвигами".

2. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В БУРЯТИИ

Волны Октябрьской революции, совершенной гегемоном революции—пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством большевистской партии во главе с В. И. Лениным, начавшись у истоков пролетарской революции—Петрограда, охватили, в одних местах быстрее, в других несколько медленнее всю многонациональную Россию и отразились далеко за ее пределами.

„Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания" [1].

Пролетарская революция, свергнув господство помещиков и капиталистов, освободила угнетенные народы обширного государства от национально-колониального гнета. Это освобождение совершалось под руководством пролетариата, возглавлявшегося большевистской партией, под знаменем братского сближения рабочих и крестьян разных национальностей во имя интернационализма.

„Именно потому, что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы—парии, народы—рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира" (И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции").

Уже в первые дни после Октябрьской революции 15 (2) ноября 1917 года советским правительством была издана историческая „Декларация прав народов России", подписанная В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В ней указывалось, что Октябрьская революция началась под общим знаменем раскрепощения крестьян от гнета помещиков (декрет о земле), рабочих от произвола капиталистов (декрет о рабочем контроле). „Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков". Необходимо немедленно приступить к раскрепощению народов России, терпевших тяжелый гнет и произвол. Освобождение их „должно быть проведено решительно и бесповоротно". Позорная политика эпохи царизма, когда народы России систематически натравливались друг на друга, отныне заменяется политикой добровольного и честного союза народов России. Политике лжи и недоверия, придирок и провокации буржуазного Временного правительства, приводившей к усилению национальной вражды, подрыву взаимного доверия трудящихся различных национальностей, кладется конец. Она заменяется „открытой и честной политикой, ведущей к полному и взаимному доверию народов России".

„Только в результате такого союза,—говорилось в декларации,—могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии".

Исполняя волю II съезда советов, Совет народных комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

---

[1] И. В. Сталин. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. Сб. „Вопросы ленинизма". IX изд., стр. 101.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России".

Советская форма государственного объединения трудящихся классов различных национальностей была провозглашена в „Декларации прав трудящихся и эксплоатируемого народа", принятой на III съезде советов 24 (11) января 1918 г. Декларация заявляла о создании „действительно свободного, а следовательно тем более полного и прочного союза трудящихся классов всех наций России". „1) Россия объявляется республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим советам",—говорилось в декларации. 2) Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик". Республика советов, ставя своей основной задачей „уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах", выдвинула ряд мероприятий в качестве первых решительных шагов в этом направлении: отмену частной собственности на землю, рабочий контроль над производством, национализацию банков, организацию Красной армии, разрыв тайных договоров, аннулирование займов царского и буржуазного правительства.

Пролетарская революция освободила пролетариат и бедняцко-середняцкое крестьянство различных национальностей от векового гнета помещиков и капиталистов, открыв перед ними, как равноправными гражданами Республики советов, широкую дорогу социалистического строительства во главе с гегемоном революции—пролетариатом под руководством коммунистической партии. Под этим руководством трудящиеся разных национальностей после победы в Октябрьскую революцию выдержали бешеные атаки классовых врагов в период гражданской войны, выйдя из всех тяжелых испытаний закаленными для борьбы с врагами социалистической стройки.

В 1917 г. перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую совершалось в направлении, характеризованном В. И. Лениным следующим образом: „*Сначала* вместе со „всем" крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической" [2].

Руководимый большевистской партией пролетариат победил в Октябре в союзе с беднейшим крестьянством при сопротивлении кулачества и колебаниях со стороны середняков. В дальнейшем, с укреплением пролетарской диктатуры выявился неизбежный поворот среднего крестьянства в сторону советской власти.

Указанные явления наблюдались, с некоторыми особенностями, и в Бурятии.

Революционная борьба за диктатуру пролетариата, за власть Советов, начавшись среди руководимого большевистскими организациями пролетариата городов и промышленных центров Восточной Сибири (Красноярск, Иркутск, Черемхово, затем Чита, В.-Удинск), распространилась в дальнейшем в улусы и деревни Бурятии. Среди бурят-монгольского трудового населения пионером этой борьбы явилась, как мы увидим ниже,

[1] В. И. Ленин. Собрание сочинений, 2-е изд., том XXIII, стр. 390—391.

оформившаяся в начале 1918 г. группа бурят-большевиков, выражавшая интересы пробуждавшихся батрацко-бедняцких масс и действовавшая под непосредственным руководством Восточносибирских партийных организаций. Под этим руководством бурят-монгольской большевистской группе пришлось выдержать борьбу с феодатско-кулацким слоем мелкобуржуазными национал-демократами, являвшимися разновидностью социал-соглашательства с буржуазными элементами под флагом „единого национального фронта". Эта борьба происходила в условиях начавшегося пробуждения бурятской бедноты и колебаний со стороны середняцкого улусного крестьянства, среди которого намечался поворот в сторону советской власти. Окончательно этот поворот совершился уже, как мы указывали, в самый разгар гражданской войны, особенно усилившейся в Сибири, Бурятии с лета 1918 г. Кровавый опыт гражданской войны многому научил трудящихся Бурятии, показав, что только диктатура пролетариата освобождает их от гнета эксплоататоров, одерживая победы, как над внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюцией, так и над интервенцией иностранных империалистов.

До Октябрьской революции и в период ее Бурятия входила в состав Иркутской губернии и Забайкальской области, будучи непосредственно связана с ними в экономическом и административно-политическом отношении. Поэтому для понимания важнейших событий, происходивших в Бурятии в период Октябрьской революции, необходимо, хотя в кратких чертах, остановиться на том, как установилась власть Советов в Иркутской губернии и Забайкалье.

В период, предшествовавший Октябрьской революции, в Восточной Сибири, как и по всей России, горели огни классовых боев, характеризующие перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Росли и крепли ряды большевистских партийных организаций, увеличивалось их руководящее влияние среди пролетариата и армии, в местных советах профсоюзных организаций развивалась борьба с органами Временного правительства, буржуазными и мелкобуржуазными партиями кадетов, эсеров и меньшевиков. В Восточной Сибири эта борьба особенно усилилась в период Октябрьской революции, достигнув своего наивысшего развития во время так наз. декабрьских событий 1917 г. в Иркутске. Еще в апреле 1917 г., сразу после Всероссийской партийной конференции, В. И. Ленин говорил приехавшим на конференцию делегатам от Среднесибирского бюро ЦК (большевиков), что насущная задача сибирских большевиков—перенести базу своей работы в Иркутск, которому в судьбах революционной борьбы предстоит играть важную роль. „Там,— говорил Ильич,—вы встретите со стороны эсеров и меньшевиков бешеное сопротивление, оттуда они будут пытаться воздействовать на крестьянство всей и особенно Западной Сибири, чтобы лишить пролетариат Питера и Москвы и революционные части тыла и фронта сибирского хлеба, мяса и других видов продовольствия"[1]. Так и произошло: наиболее упорную борьбу за власть Советов в Восточной Сибири пришлось выдержать именно в Иркутске.

Перед великими октябрьскими днями в Иркутске одновременно происходило два крупных события, имевших огромное значение в борьбе за установление власти Советов в Сибири, в том числе в Бурятии: Первое Общесибирское партийное совещание большевиков и Первый общесибирский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Партийное совещание констатировало, что „советы, в частности ряд советов Сибири, стали органами верховной революционной власти на местах" и вынесло постановление о переходе власти к советам.

---

[1] Б. Шумяцкий. Сибирь на путях к Октябрю. Гиз. 1927 г.

Затем общесибирское партийное совещание одобрило проекты основных резолюций для Всесибирского съезда советов. Было избрано временное общесибирское бюро большевиков.

Первый Общесибирский съезд советов, работавший 29 октября—6 ноября (16—24 октября) 1917 г., прошел под руководством большевиков и высказался за немедленное взятие власти советами. По текущему моменту съездом была принята резолюция, предложенная большевистской фракцией, следующего содержания: „1) Всякое соглашательство с буржуазией должно быть решительно отвергнуто. 2) Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должен немедленно взять власть в свои руки в центре и в согласии с ним местные советы—на местах. В борьбе за переход власти советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действенную поддержку".

На Первом Общесибирском съезде советов был избран Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь), сыгравший большую роль в установлении и укреплении власти советов в крае.

Еще не все делегаты съезда разъехались на места, как стали поступать сначала смутные, а затем и определенные известия о победе пролетарской революции в Петрограде. Первый общесибирский съезд советов показал, что руководимые большевиками советы Сибири готовы к взятию власти. Из городов Восточной Сибири власть советов была впервые установлена в Красноярске 11 ноября (29 октября). В центре же края—Иркутске—окончательный переход власти к советам несколько замедлился вследствие затяжки борьбы с врагами пролетарской диктатуры. В Иркутске остатки буржуазной власти, буржуазные и социал-соглашательские элементы пытались еще дать бой против власти Советов. Это была первая борьба сил сибирской контрреволюции.

В декабре 1917 г. развивавшаяся классовая борьба вылилась в Иркутске в кровавое вооруженное столкновение. 21—30 (8—17) декабря на улицах Иркутска происходили ожесточенные бои. Образовались два вооруженных лагеря: лагерь руководимых большевистской организацией, ревкомом и Центросибирью борцов за диктатуру пролетариата, имевший вооруженную силу в лице рабочих красногвардейских отрядов и солдат, и лагерь контрреволюции, руководившийся остатками местной буржуазной власти и социал-соглашателями и опиравшийся на юнкеров, кадетов старших классов, казаков, офицеров, белогвардейцев.

Антисоветские силы не получили подкрепления. На помощь же рабочим и солдатам г. Иркутска двинулись пролетарские и солдатские отряды из Красноярска, Канска, Черемхова. В конечном итоге борьба закончилась победой власти Советов.

22 декабря (ст. ст.) Иркутский совет рабочих и солдатских депутатов, отмечая героическую борьбу рабочих и солдат, покрывших себя неувядаемой славой, объявил, что „вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому совету рабочих и солдатских депутатов и окружному бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири".

Началась напряженная работа в различных областях советского строительства. Огромную роль в укреплении власти Советов в Сибири сыграл руководимый большевистской партией Второй Всесибирский съезд советов, происходивший 23—28 (10—15) февраля 1918 г. в Иркутске. „Второй съезд,—говорил т. Б. Шумяцкий, объявивший об его открытии,—открывается в тот момент, когда мечта первого съезда начинает осуществляться не только там в центре, но и всюду на местах. В каждом маленьком месте в глухих деревнях и селах, создается свой орган революционной власти—рабочих, солдат и крестьян".

Второй съезд советов принял подробный проект положения о советах Сибири и выбрал новый состав Центрального исполнительного комитета

советов Сибири (Центросибирь) под председательством крупного партийного и советского деятеля Н. Н. Яковлева.

В Забайкалье и входившей в него восточной части Бурятии установление власти Советов затянулось несколько дольше, чем в Иркутской губернии. Эта затяжка определялась удаленностью от революционных центров, малочисленностью, распыленностью и организационной слабостью пролетариата, преобладанием в составе населения крестьянства с его мелкохозяйственным укладом жизни, влиянием мелкобуржуазных социал-соглашательских элементов, кулачества, атамановщины (среди казачьего населения), ноенатства и ламства (среди бурят-монголов), начетчиков среди забайкальских старообрядцев („семейских") и „православного" духовенства. По соседству с Забайкальем уже начали складываться контрреволюционные группы (выступление есаула Семенова, имевшего поддержку со стороны японского империализма).

Пролетариат Забайкалья и Бурятии, борьба которого против буржуазии стала заметно проявляться уже в Февральскую революцию, нуждался в вооруженной помощи. Такая помощь и пришла в лице возвращавшегося с фронта русского и бурятского трудового казачества, получившего во время пребывания на фронте революционную зарядку, в результате влияния агитационно-пропагандистской работы большевиков среди армии.

1-я революционная Забайкальская казачья дивизия сменила свой старый реакционный командный состав и выдвинула новых командиров (в том числе будущих партизанских руководителей тт. Шилова, Жигалина). В то время, как реакционная часть казачества Забайкалья стала уже выступать на стороне Семенова, революционные казаки содействовали установлению советской власти в Забайкальской области и в дальнейшем участвовали в борьбе с контрреволюцией и интервенцией.

В Забайкалье 4 ноября (22 октября) 1917 г. на областном съезде в Чите был искусственно создан совершенно не имевший под собой почвы, так называемый Народный совет, который объединял вокруг себя всех соглашателей, прикрывшихся лозунгом: „Вся власть Учредительному собранию". Буржуазный „Народный совет", просуществовавший всего один месяц, пытался противопоставить себя власти Советов. Но 15 (2) февраля 1918 г., под давлением прибывших с фронта революционных казачьих частей, в том числе казаков-бурят, „Народный совет" был распущен, и вся власть в Забайкальской области перешла к Забайкальскому совету рабочих, казачьих и солдатских депутатов. Одновременно был организован Военно-революционный штаб Читы и Забайкальской области. На штаб было возложено „ликвидировать заговор Семенова, встать на защиту революции и завоеванных ею прав рабочим, казакам, крестьянам и бурятам, всему трудовому народу и водворить во всем Забайкалье власть самого народа в лице советов".

Окончательное оформление органов советской власти в Забайкалье произошло на съезде представителей рабочих, крестьян и казаков Забайкальской области. Из коренных национальностей Забайкалья на съезде присутствовали представители трудового бурятского и тунгусского населения.

Съезд происходил 5 апреля (24 марта) 1918 г. под председательством Дм. Шилова и его заместителей: Ив. Бутина, Ц. Жамцарано, Л. Давыдова.

Высказавшись за всемерную поддержку власти Советов, Забайкальский областной съезд выдвинул следующие очередные задачи: „1) Всемерная борьба за утверждение советской власти на местах, где эта власть натыкается на противодействие и явных и скрытых сторонников буржуазной контрреволюции; 2) переустройство всех органов управления в духе новой трудовой власти; 3) борьба с разрухой в промышленности и сельском хозяйстве; организация дисциплинированной Красной гвардии и Красной армии для защиты всех завоеваний нашей революции и обороны социа-

листического отечества". „Утверждение советской власти в России и проведение трудового начала во всех областях общественной жизни страны,— говорилось в резолюции съезда,—не может не вызвать огромного воодушевления в широких слоях трудового населения, в многоязычной и многочисленной России и привлекает к нам сочувствие широких масс Западной Европы". Съездом было принято „Воззвание к пролетариату всего мира: „Социальная революция должна быть подхвачена и поддержана всемирным пролетариатом",—говорилось в нем.

По вопросу о конструкции власти съезд, оформляя центральные и низовые советские органы, постановил ликвидировать земские учреждения.

В отношении органов управления на территории бурят-монгольского населения, съездом была принята следующая резолюция: „Съезд, стоя на точке зрения признания за нациями права на полное самоопределение, постановляет: утвердить существующие у бурят-монголов административно-хозяйственные и культурно-просветительные органы национального самоуправления, которые и проводят в жизнь, под руководством Центрального национального комитета, работающего в контакте с областной советской властью, все мероприятия и декреты, защищающие интересы трудового народа". К этой резолюции съездом было принято еще добавление, что „вопросы общего характера, затрагивающие интересы русского и бурятского населения, разрешаются на областных и районных съездах и в согласительных комиссиях на местах".

По докладу о земельной секции съезд приветствовал основной закон о социализации земли и поручил соответствующим органам советской власти „неуклонно проводить его в жизнь, сообразуясь с местными условиями и пожеланиями, вынесенными земельной секцией съезда".

Секцией труда были разработаны принятые съездом общие положения о труде рабочих и служащих, охране труда, нормировке рабочего времени, социальном страховании, рабочем контроле и „Положение об управлении национальными промышленными предприятиями Забайкальской области".

Съезд принял проект организации Красной армии и Красной гвардии, утвержденный Вторым Всесибирским съездом советов и постановил „приложить все силы к делу организации Красной армии и Красной гвардии в области".

На съезде был избран Исполнительный комитет советов Забайкалья на паритетных началах: по 12 представителей от рабочих, крестьян, казаков и трудового бурятского населения.

В центре Бурятии —г. Верхнеудинске—переход власти к Советам совершался в первых числах февраля 1918 г., также при содействии возвращавшихся с фронта и временно остановившихся в Верхнеудинске революционно настроенных казачьих частей. 5 февраля (н. ст.) 1918 г. на заседании В.-Удинского совета с участием представителей революционного казачества было, после горячих прений с меньшевиками и эсерами, постановлено о переходе всей полноты власти к советам. Организационное же оформление советской власти было дано на съезде трудового населения Прибайкалья, происходившем в В.-Удинске 3—8 марта 1918 г.

По вопросу о политическом моменте съезд, подвергнув резкой критике соглашательскую политику эсеров и меньшевиков, постановил, что „главной задачей момента является создание на местах власти всех трудовых масс без включения богатых слоев и разъяснение широким массам народа необходимости самой активной организационной работы на почве осуществления и защиты завоеваний революции. Советы рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов являются самыми жизненными и надежными организациями для защиты интересов трудящихся масс".

Необходимо отметить, что в 1918 г. названием „советы бурятских депутатов" подчеркивалась необходимость привлечения бурятской бедноты и среднего крестьянства к активному участию в органах советской власти.

Прибайкальским съездом был принят с незначительными изменениями проект организации советской власти на местах, утвержденный Общесибирским съездом советов 26 февраля 1918 г. Затем съезд постановил принять к руководству основной закон о социализации земли, утвердил устав сельской Красной гвардии, разработанный Верхнеудинским штабом Красной гвардии и наметил ряд хозяйственных мероприятий по Прибайкальскому району.

Среди бурят-монгольского населения по вопросу об отношении к советской власти выявился ряд социально-классовых группировок, что особенно сказалось на съезде представителей бурят-монголов Иркутской губернии 25—30 апреля 1918 г. и на некоторых „земских" съездах.

С требованием немедленного признания власти советов и установления советских органов среди трудящихся бурят-монголов, с призывом к ним: „Смело встать в ряды рабочих и крестьян и вместе с ними строить жизнь на началах революционного социализма" (из речи тов. Сагалаева на Иркутском бурятском съезде), выступили группы бурят большевиков и левых эсеров, а также буряты-рабочие черемховских копей, пролетариат которых играл выдающуюся роль в революционной борьбе в Восточной Сибири как в период Февральской и Октябрьской революции, так и в период борьбы с контрреволюцией.

Группа бурят-большевиков, выражавшая интересы рабочих и улусной крестьянской бедноты, оформилась в начале 1918 г. Она входила в состав Иркутской губернской партийной организации и действовала под ее руководством, выступая вместе с русскими товарищами с пропагандой большевизма среди трудящихся бурят-монголов. Отдельные члены этой группы участвовали в период иркутских декабрьских боев 1917 г. в борьбе за власть советов. В 1918 г. бурят-монгольская группа большевиков возглавляла так наз. бурятскую группу при Центральном исполнительном комитете советов Сибири (Центросибирь), активно участвуя в этом главном советском органе края. Целью бурятской группы при Центросибири являлось „руководство и координация политико-культурной и организационной работы на местах среди бурятского трудового народа и установление связи с революционными организациями других народностей Сибири". Представителями группы был опубликован в местной периодической печати ряд статей, направленных против бурятского ноенатства, кулачества и мелкобуржуазных национал-демократов (в газетах „Власть труда", „Сибирская рабоче-крестьянская газета").

В 1918 г. бурят-монгольская коммунистическая группа была еще очень немногочисленна, но она активно проявила себя в борьбе за власть советов, явившись предшественницей современной мощной бурят-монгольской организации ВКП(б).

В Забайкальской Бурятии первым организованным выступлением за немедленное признание власти советов и установление советских органов среди бурят-монгольского населения являлось выступление возвращавшейся с фронта бедняцко-середняцкой части бурят-монгольского казачества. Как мы указывали, эта часть казачества принимала непосредственное участие вместе с русским трудовым революционным казачеством в установлении советской власти в Забайкалье. Из забайкальских бурят-казаков на фронт попадало в подавляющем большинстве бедняцко-середняцкое крестьянство. Кулацкие элементы казачества по протекции станичных атаманов и более важного казачьего начальства в большинстве случаев оставлялись за взятки в тылу. С фронта трудовое бурятское казачество вернулось с революционной зарядкой, что было результатом развивавшейся в армии большевистской пропаганды.

Возвращаясь с фронта, буряты-казаки останавливались на некоторое время в Иркутске, где раньше, чем в Забайкалье установилась советская власть. Прибыв в Иркутск после декабрьских событий 1917 г., буряты-

казаки, в составе частей Забайкальской революционной казачьей дивизии, присутствовали на похоронах рабочих и солдат, погибших в героической борьбе за власть советов. Прощальный ружейный салют трудовых казаков-бурят в честь этих борцов символизировал солидарность с ними трудящейся бурят-монгольской массы.

Революционные казаки буряты, действовавшие в контакте с местными советами, и явились носителями советской власти среди бурят-монгольского населения Забайкалья.

15 (2) февраля 1918 г., т. е. в день взятия власти Забайкальским советом, состоялось общее собрание казаков бурят 1-го Аргунского, 2-го Верхнеудинского, Нерчинского полков и 3-ей батареи, обсуждавшее вопрос о текущем моменте и о национальной бурятской автономии. По этим вопросам было вынесено следующее постановление:

„1) признавая, что в углублении и расширении революции заинтересован класс трудящейся бедноты городов и деревень, что никакие другие классы (класс капиталистов и помещиков) не только не могут творить дело революции, дело бедноты, но являются прямыми контрреволюционерами, мы говорим, что только советы рабочих, солдатских и казачьих депутатов могут вести революцию дальше, до победного конца;

2) учредительное собрание, избранное по четырехчленной формуле, куда попали враги народа, явилось контрреволюционным учреждением и поэтому его разгон считаем правильным;

3) по вопросу бурятской национальной автономии, зная, что интересы бедноты всех национальностей одинаковы, что только в единении трудящихся всех стран—их сила, что буржуазия, отгораживаясь перегородкой национальной автономии, надеется крепче схватить за горло „свою" бедноту,—мы призываем бурятскую бедноту стать крепкой стеной против буржуазно понимаемой „автономии" и создать бурятские советы, где сплошное бурятское население, а в тех местах, где буряты и крестьяне—бурятские и крестьянские советы; что касается уездных и губернских советов, то должны быть единые советы бурят, крестьян, рабочих и солдат.

Да здравствует единение трудящихся и их советов"[1].

Таким образом революционные казаки-буряты решительно высказались за власть советов и проведение ее среди бурят-монгольского населения. В области национального вопроса в этой резолюции нет еще достаточной четкости. Но необходимо отметить, что приведенная резолюция говорила не против национальной автономии вообще, а против „буржуазно-понимаемой национальной автономии", противопоставляя ей „бурятские советы".

В то время, как трудовые казаки выступали за власть советов, ноенатско-кулацкие слои, так наз. „казакоманы", стремились к восстановлению старых станичных управлений. Причем характерно, что иногда эти казакоманы „непрочь были прикрыться флагом „революционности", громя аймачные учреждения и нападая на бывших казаков, вышедших из казачьего сословия. Реакционные „казакоманы" встретили решительный отпор со стороны советских органов, поддерживаемых трудовым казачеством. Семеновщина окончательно вскрыла контрреволюционную сущность „казакоманов", выражавших интересы ноенатско-кулацких слоев, эксплоатировавших трудовое казачество. Недаром представители последнего призывали бурятскую бедноту „стать крепкой стеной „против буржуазии, которая „надеется крепче схватить за горло свою бедноту".

Враждебные пролетарской диктатуре ноенатско-кулацкие слои не решались сначала открыто выступить против победившей власти советов, но они пытались, если так можно выразиться, „окопаться", „отсидеться" от нее в „земских" учреждениях, всячески противодействуя советизации

[1] Газ. „Власть труда" 1918 г. № 26.

Бурятии и ожидая удобного момента для более решительной борьбы против власти советов. Яркую характеристику кулацких „общественных деятелей" дала в одной из своих статей (3 III—1918 г.) М. Сахьянова. В этой статье читаем: „Только что закончилось первое земское собрание гласных Эхирит-Булагатского аймака, представленное „бывшими" общественными деятелями, кулачеством бурят Верхоленского и Иркутского уездов. Тут все: и поклонники печальной памяти царя-батюшки, и эксплоататоры труда и спекуляторы—торгаши живым и мертвым товаром и, наконец, шулера азартных игр. Не буду перечислять дальше грязные атрибуты бурятского кулачества, а думаю, что каждый бурят-бедняк знает больше меня; если же он своим голосом продолжает проводить в представительные учреждения мироедов, то только по инерции...

Всякий, кто прислушивается хоть немного к жизни бурят, тот знает, что имеются неоформленные, но готовые к протесту силы бурятской бедноты. И задача истинно-демократической интеллигенции—притти с идеями социализма и классовой борьбы на помощь этой бедноте. Как отнеслось аймачное собрание к советской власти?—Никак, ибо и в порядке дня этого достойного собрания умно отсутствует вопрос о текущем моменте и, таким образом, благополучно проехали мимо кровных исторических вопросов могильщики бурятской бедноты. Настанет момент, проснется народ" [1].

Проводившая политику соглашательства с буржуазно-кулацкими элементами, мелкобуржуазная национал-демократическая интеллигенция, преобладавшая в Национальном комитете, избранном в ноябре 1917 г. и его отделах (Иркутском, Читинском) выдвигала соглашательскую платформу коалиции „всех социалистических партий", т. е. соглашение с меньшевиками и эсерами. Будучи противниками пролетарской диктатуры, но не решаясь открыто выступить против победившей власти Советов, национал-демократы были вынуждены совершить ряд политических маневров. Они начали заявлять в дальнейшем о „сотрудничестве с советской властью", о „признании ее как фактически существующей". И, кроме того, в этом сказывалось влияние на национальные органы бурят-монгольского середняцкого крестьянства, которое, как и русские середняки, шло к действительному сотрудничеству с советской властью, но вначале еще несколько колебалось. Окончательный перелом в колеблющейся позиции среднего крестьянства произошел, как уже указывалось, немного позже. „Середняк стал поворачивать к нам,—пишет т. Сталин,—когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута „всерьез", что власть советов упрочивается, кулака одолевают".

Мелкобуржуазная национал-демократическая интеллигенция заявляла о своем отношении к советской власти в воззвании Нацкома „Ко всем бурят-монголам Восточной Сибири", выпущенном 9 апреля 1918 г. В воззвании указывалось, что „великий спор между левым и умеренным крылом русской революционной демократии о сущности и природе революции и формах организации власти... заканчивается и в России и в Сибири победой левого крыла и установлением власти трудящихся элементов страны в лице советов депутатов". Далее говорилось, что с самого начала этого конфликта Нацком стоял на точке зрения сохранения и стремления к созданию единства революционного фронта „на основе взаимных уступок"... „но дальнейший объективный ход вещей выяснил всю тщетность и бесплодность нашей примиренческой политики". Однако характерно, что Нацком и в дальнейшем выдвигал „согласительные формулы". Например, на Третьем съезде Забайкальского областного совета рабочих и сельских депутатов Забайкальской области представители Нацкома предлагали признать советскую власть, но при условии сохранения органов земского

[1] Сибирская „Рабоче-крестьянская газета" 3 марта 1918 г. Иркутск.

управления, созыва нового Учредительного собрания и установления контакта с „союзными" державами для заключения „действительно почетного демократического мира без аннексий и контрибуций" и т. д.

В воззвании органа буржуазных националистов Бурятии—Нацкома характерно полное смешение принципов советской власти и буржуазной демократии. „Вопрос о признании власти советов, по нашему мнению, читаем в этом воззвании,—имеет в значительной степени теоретический характер, характер партийной распри из-за формул и слов... Поэтому власть советов и Учредительного собрания по существу, по духу, для нас мыслится однородной, одинаковой"...

Указывая далее, что „правые социалисты" (т. е. эсеры, меньшевики), „не считавшие зазорным участвовать в буржуазных министерствах ныне, а признавая власти советов, не хотят даже работать в его органах", Нацком декларировал, что „Центральный национальный комитет и бурят-монгольская секция съезда на соединенном заседании абсолютным большинством голосов решили признать советскую власть, как фактически существующую, и делегировать в советские организации своих представителей для органической работы и дальнейшей пропаганды своих объединительных идей".

Таким образом выступавшие с этим воззванием бурят-монгольские национал-демократы, с одной стороны, стремились проводить свою соглашательскую линию, с другой стороны, под давлением идущего в сторону советской власти бурят-монгольского середняцкого крестьянства выскатывались за „признание советской власти, как фактически существующей", за делегирование своих представителей в советские органы „для органической работы".

Национал-демократы стремились выдавать свою позицию за „общенациональную", но, конечно, не было и не могло быть одной позиции у бурятской бедноты, стоявшей за власть Советов с контрреволюционными ноенатско-кулацкими и ламскими группами, устанавливавшими связь с семеновщиной. Что касается бурят-монгольского середняцкого крестьянства, то последнее находилось еще под влиянием преобладавших в Нацкоме национал-демократов, поскольку последние заявляли перед крестьянством, что действуют в контакте с советской властью и проводят ее мероприятия, но совершенно отвернулось от национал-демократической группы Нацкома и сменившей его народной думы, вступившей после белогвардейского переворота на путь контрреволюционного предательства и соглашения с белогвардейщиной и участвовавшей в реакционной авантюре, так называемого „панмонгольского движения", связанной с японским империализмом.

В гражданской войне не может быть никакого „нейтралитета", о котором говорили национал-демократы, никакой середины между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии. Судьба мечтавших об этой середине национал-демократов в период гражданской войны в Бурятии еще лишний раз подтверждает ленинскую оценку подобной политики: „Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса",—писал В. И. Ленин,—середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии, прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и проч., либо диктатура пролетариата. А в России все мы видели, как мечтали о середине меньшевики и эсеры при керенщине и под Колчаком. Кому послужили эти мечты? Кому помогли они? Колчаку и Деникину. Мечтали о середине пособники Колчака"[1].

[1] В. И. Ленин. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком. Собр. сочинен. 1-е изд. Том VI, стр. 306—307.

Буржуазные национал-демократы, начав с заявлений о „нейтралитете", скатились до прямого пособничества колчаковщине и семеновщине. Контрреволюционная роль национал-демократов в период гражданской войны характеризуется в ст. тов. Николаева „Колчаковщина и семеновщина в Бурятии", публикуемой в настоящем сборнике.

Руководительницей борьбы против буржуазных националистов Бурятии в 1918 г. являлась бурят-монгольская коммунистическая группа. Первое столкновение произошло из-за определения общей политической линии Национального комитета. Левая часть Нацкома выступила с требованием: „Признать власть советов и принять меры к реконструкции органов управления у бурят в национально-автономные советы". После отказа национал-демократического большинства Нацкома принять это предложение, левая часть Иркутского отдела Нацкома вышла из его состава.

25—30 апреля 1918 г. в Иркутске происходил съезд представителей бурят-монгольского населения Иркутской губернии. В съезде приняли участие 75 делегатов, из них 56 делегатов от хошунов, 14—от кооперативных организаций и 5 от аймачных и хошунных управ. Право решающего голоса было предоставлено, кроме того, представителям союза учащихся и союза черемховских рабочих-бурят.

Тов. М. Сахъянова в своей статье, опубликованной перед съездом, указывала, что предстоящий „губернский бурятский съезд явится ареной борьбы двух ярко выраженных течений по общеполитическим вопросам момента о признании и поддержке власти Советов". „Отсутствие последовательно революционных элементов среды бурят,—писала Сахъянова,—давало возможности до сих пор правосоциалистическим националистам беспрепятственно пользоваться инертностью и забитостью бурятских масс для получения санкций своим беспочвенным иллюзиям. Но победоносно развивающаяся революция, вспыхнувшая, как последствие небывалых обострений экономических отношений классового государства, вербует себе сторонников из среды трудящихся и эксплоатируемых масс бурятской нации. Пробуждающаяся бурятская беднота в лице левых социалистических бурятских групп даст первый бой правым национал-социалистам на предстоящем губернском съезде, чтобы затем перенести эту борьбу в улусы и хошуны". Сахъянова указывала, что „перед группой бурят-коммунистов (большевиков) стоит задача большой важности, задача борьбы не только за власть Советов, но и за III Интернационал" [1].

И действительно на съезде разгорелась борьба между группой коммунистов и левых эсеров, с одной стороны, и национал-демократами, с другой. Предложения, выдвигавшиеся национал-демократами, отличались большой противоречивостью и сводились по существу к стремлению предотвратить или затормозить утверждение власти Советов в Бурятии, под прикрытием „признания" ее лишь как „фактически существующей". В резолюции, предложенной лидером национал-демократов Сампилоном, указывалось, что нужно „защищать точку зрения признания той власти или вернее, того государственного строя в России, какой может быть признан учредительным съездом всей социалистической трудовой демократии", съездом „созванным на основании всеобщего голосования". Резолюция говорила о „сотрудничестве со всеми демократическими и революционными организациями края... при котором абсолютно исключалось бы участие бурят в гражданской войне"... „Существующая советская власть признавалась, как „установленная в процессе революции власть трудового народа" и Нацкому вменялось в обязанность „выработать форму делового сотрудничества с местной советской властью и представительства в ее исполнительных органах". Однако вместо решительного и безоговорочного принципиального признания власти Советов, предлагалось еще для разрешения

[1] Газ. „Власть Труда" 1918 г., № 73.

этого вопроса созвать особый общенациональный съезд. Заявление же о каком-то „учредительном съезде" являлось завуалированной попыткой воскресить труп буржуазного Учредительного собрания. Под прикрытием „нейтральности в гражданской войне", признания советской власти лишь „как фактически существующей" национал-демократы вели по существу борьбу против власти Советов. Такая позиция подвергалась резкой критике со стороны бурят-большевиков и примыкавшей к ним части съезда. Резолюция, предложенная ими в противовес национал-демократической, заявляла, что „Февральская революция вверила свои судьбы в руки коварной буржуазии и ее прихвостней — правых эсеров и эсдеков—меньшевиков, обманывавших в течение 8 месяцев надежды революционного пролетариата и крестьянства; но продолжавшаяся государственная разруха, продолжавшаяся кровавая бойня, уносившая тысячи жертв, заставила рабочих и крестьян очнуться и взять власть в свои руки в лице своих советов". „Губернский бурятский съезд,—говорилось в резолюции,—полагая, что спасение советов и залог дальнейшего развития революции только в руках бедноты городов, деревень и улусов, приветствует Всероссийский совет Р. С. К. и К. депутатов и его исполнительный орган—Совет народных комиссаров и одобряет его внутреннюю и внешнюю политику".

Большинством голосов прошла все же резолюция национал-демократов. Тогда левая часть съезда покинула его, дав в особом заявлении резкую критику политической линии, проводимой национал-демократами. В этом заявлении говорилось следующее: „С одной стороны, провал резолюции нашей группы, признающей советы, как власть, единственно способную творить дело революции и организационно углублять ее, с другой стороны, принятие (съездом) резолюции, говорящей, во-первых, ясно и точно о коалиции с теми партиями и организациями, которые в течение 8 месяцев революции, пользуясь своей репутацией „социалистов", обманывали народ, а после Октябрьской революции дали из своей среды много „славных" имен российской контрреволюции на всех фронтах революционной войны пролетариата и крестьянства России, и во-вторых, говорящей о деловом контакте с Советами,—яснее ясного подчеркивает, как, духовно отгораживаясь от Советов, съезд хочет преподнести бурятской бедноте внешне-красивое буржуазно-республиканское народовластие, что нами, революционными социалистами, отрицается с безусловной категоричностью, ибо мы—за Советы, за диктатуру трудящейся бедноты. Все сказанное заставляет бурятскую группу коммунистов и левых эсеров уйти со съезда с тем, чтобы апеллировать к бурятской бедноте, ибо, принятая (съездом) резолюция, помимо того, что Советы принципиально не признаются, оставляет предусмотрительно лазейку на случай перемены политической погоды"... И действительно с „переменой политической погоды" национал-демократы оказались на стороне контрреволюции.

Борьба между сторонниками диктатуры пролетариата, возглавлявшимися группой-бурят-коммунистов, которая входила в состав Иркутской организации компартии, и врагами пролетарской диктатуры—национал-демократами, продолжалась и после съезда. Со стороны коммунистов она шла под лозунгами: за полное, без всяких оговорок, признание власти Советов, решительное активное содействие ей в борьбе с классовыми врагами и в строительстве социализма, против всякой „нейтральности" в этой борьбе", за советскую форму национального самоопределения трудящихся бурят-монголов в противовес буржуазно-демократическому толкованию принципа самоопределения. Пройдя через разразившуюся вскоре бурю гражданской войны, борьба закончилась полной победой власти Советов.

Первый период установления и деятельности руководимых большевистской партией органов советской власти в Бурятии был непродолжительным. В Западной Бурятии установление советской власти произо-

шло в конце декабря 1917 г.—январе 1918 г., в восточной—в феврале—марте 1918 г.

В августе же 1918 г. советская власть в Бурятии была свергнута. Таким образом явившиеся плодом Октябрьской революции первые органы власти Советов существовали в Бурятии всего шесть-семь месяцев, деятельность советской власти протекала в тяжелых условиях продовольственной разрухи, оставленной империалистической войной и борьбы с надвигавшейся контрреволюцией. Но деятельность рожденных пролетарской революцией первых советов в Бурятии не прошла бесследно: она имела огромное значение. Освободив пролетариат, бедняцкое и середняцкое крестьянство различных национальностей от буржуазного и помещичьего гнета, Октябрьская революция сразу же вовлекла, под руководством большевистской партии, массы трудящихся в работу по укреплению, строительству защите пролетарского государства. В условиях тяжелой борьбы с наследием империалистической войны—экономической разрухой, начиналась и величайшая работа социалистического строительства, первые исходные шаги развертывающейся в наши дни грандиозной социалистической стройки. Первый период советской власти в Бурятии имел большое политико-воспитательное значение в смысле ознакомления широких масс трудящихся с задачами коммунистической партии и советской власти.

Несмотря на все трудности первые советские органы в Бурятии 1918 г. вели борьбу с наследием империалистической войны—экономической разрухой и приступили к проведению в жизнь ряда мероприятий в области социалистического строительства.

Весной 1918 г. на всей территории Забайкалья, в том числе в Бурятии, была проведена национализация золотых приисков и каменноугольных копей. К началу июня в г. Верхнеудинске была национализирована исполкомом частная типография, ставшая типографией советских организаций. В ней печаталась газета „Вестник советов Прибайкалья" и другие советские издания. Троицкосавский совет национализировал Селенгинское пароходство и несколько местных заводов кустарного типа. В июле было национализировано верхнеудинское отделение так называемого „Народного банка". Местная буржуазия была обложена особым революционным налогом. Принят ряд решительных мер по урегулированию продовольствия и снабжения трудящихся вплоть до реквизиции запасов у спекулянтов—буржуазных элементов. До перерыва связи с Европейской частью РСФСР, происшедшего в результате белогвардейского переворота, принимались меры к усилению доставки товаров из центра. Укреплялась работа Прибайкальского союза кооперативов и других кооперативных организаций.

На мелких предприятиях, где еще не проводилась национализация, был установлен рабочий контроль. Во всех мероприятиях по проведению рабочего контроля, национализации промышленности, установлению 8-часового рабочего дня, охраны труда, принимали участие под руководством большевистской организации профсоюзные органы. В июле 1918 г. на съезде делегатов профсоюзов в Прибайкалье было организовано межсоюзное профобъединение „Прибайкальская федерация труда". Намечались мероприятия в области реорганизации народного образования, проведения всеобщего обучения, политико-просветительной работы. Надвинувшаяся вскоре контрреволюция не дала возможности развернуть проведение всех этих мероприятий.

Одним из самых важных вопросов, волновавших бурят-монгольское и русское население, был земельный вопрос. Трудящиеся массы бурят-монгольского и русского крестьянства видели возможность разрешения этого вопроса на основе советского декрета о земле, хотя в 1918 г. многие из них еще недостаточно четко представляли формы практического проведения этого закона в местных условиях. Необходимо было внести в разрешение земельного вопроса организованность и планомерность и

урегулировать разжигавшиеся кулачеством конфликты на почве земельных отношений между русским и бурят-монгольским крестьянством, а также внутри этих групп.

В отношении бурят-монгольского крестьянства особенно характерной представляется постановка земельного вопроса на съезде депутатов Хоринского аймака, происходившем 11 мая 1918 г.

По поводу ожидающегося проведения в жизнь декрета о социализации земли съезд признал, что этот декрет сильно и всесторонне всколыхнет и бурятское население; внутри бурятского хозяйства также много и своих внутренних недостатков; у бурят так же, как у русских, существуют богатые и бедные классы. „Социализация земли,—говорилось в резолюции съезда,—прежде всего должна коснуться наших внутренних отношений, внутри своей территории, но и в отношении соседних с нами товарищей крестьян придется земельный вопрос решить так или иначе, в широком масштабе, по строго выработанной системе. Буряты, сумевшие сознательно оценить идею социализма, в частности, социализации земли, видят в этом возможность разрешить трудные вопросы земельных взаимоотношений бурятского и русского населения".

Переходя дальше к ближайшим способам изжития ненормальности этих взаимоотношений, съезд признал, что „жизнь выдвигает каждый день острые углы мелких частных случаев" и подчеркнул, что бурят-монгольское население, „желая больше всего сохранить добрососедские отношения с соседним русским трудовым народом, готово пойти на чрезвычайно существенные для бурята-хозяина уступки во имя единения трудовых классов бурятского и русского населения, во имя общих надежд"[1].

В период Февральской революции на съездах представителей бурят-монгольского населения в области земельного вопроса выдвигалась на первый план задача ликвидации наследия колонизаторской политики царизма, приведшей к большому сокращению площади бурят-монгольского землепользования, росту его чересполосицы, запутанности и обостренности земельных отношений. Выдвигались требования о возвращении земель, находившихся в фактическом пользовании бурят-монголов до землеустройства, передаче в пользование пустующих и несполна заселенных переселенческих участков, приостановлении переселения на участки, образованные из бурятских земель. Бурят-монгольское население стремилось оградить свои земли от колонизаторских и кулацких захватов. В период Февральской революции все эти вопросы разрешены не были и вновь выдвинулись после Октябрьской революции. Вместе с тем постановка земельного вопроса в Бурятии приняла тогда более углубленный характер. Наряду с задачей ликвидации наследия колонизаторской политики царизма встала задача проведения в жизнь применительно к местным условиям декрета о социализации земли. Об этой задаче и говорило упомянутое постановление съезда депутатов Хоринского аймака, отмечавшее, что „декрет о земле сильно и всесторонне всколыхнет и бурятское население".

В период Февральской революции на съездах представителей бурят-монгольского населения,—съездах, проходивших под влиянием национал-демократов, земельный вопрос рассматривался с точки зрения „общенациональных интересов"; внутренние классовые противоречия на почве земельного вопроса между бедняцко-середняцким крестьянством и новонатско-кулацкими слоями затушевывались. После Октябрьской революции проведение декрета о земле должно было, как правильно отмечалось на Хоринском съезде, коснуться и этих „внутренних отношений" между „богатыми и бедными классами".

Земельный вопрос действительно необходимо было решать „в широком масштабе, по строго выработанной системе", как в области ликви-

[1] Фонд Бур.-Монг. Нацкома. Дело № 58 (Арх. упр. БМАССР).

дации наследия колонизаторской политики царизма, так и ноенатско кулацкого и ламского землевладения, сосредоточившего большие и лучшие земельные угодия. В 1918 г., как свидетельствуют имеющиеся материалы, в Бурятии был выдвинут вопрос о проведении социализации земли, об уравнительном землепользовании, но фактически эти мероприятия проведены не были, так как скоро надвинулась контрреволюция.

В 1918 г. трудящиеся бурят-монголы через своих представителей были впервые привлечены к участию в органах пролетарской диктатуры—советах рабочих, крестьянских, солдатских и бурятских депутатов. При главном советском органе Сибири—Центральном исполнительном комитете советов Сибири (Центросибирь) была, как мы указывали, особая бурятская группа, возглавлявшаяся группой бурят-монголов коммунистов. Участвуя на губернском (в Иркутской губернии) и областном (в Забайкальской области) съездах советов, представители трудящихся бурят-монголов объединились там в так наз. „Бурятскую фракцию". Последняя существовала при областном исполкоме советов Забайкалья.

Забайкальский исполком учредил особую должность комиссара по национальным делам. С развитием борьбы против семеновщины был учрежден военно-революционный штаб Прибайкалья, в который входил и представитель Бурят-Монгольского национального комитета.

При выборах на съезды советов бурят-монгольское население призывалось к активному участию в них, причем подчеркивалось, что туда должны попадать „представители трудовой бурятской массы, а не представители богатеев".

В области национального вопроса важнейшим, имеющим большое принципиальное значение мероприятием советских органов Забайкалья, являлось постановление Забайкальского областного исполкома от 3 июля 1918 г.

Исходя из „Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа" и декрета Совнаркома РСФСР по вопросу о самоопределении национальностей, а также согласно „смыслу постановлений по бурятскому вопросу 3 съездов советов депутатов Забайкальской области, Забайкальский областной исполком постановил:

1) Признать создавшиеся в процессе революционного строительства и преобразованные после Октябрьской революции органы управления и суда бурят-монголов в сомонах (селениях), хошунах (волостях) и аймаках (уездах) и области, и Центральный бурятский комитет публично правовыми учреждениями советской власти, со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями и действующими на территории бурят-монгол автономно.

2) Поручить земельному отделу областного исполкома разработать совместно с Национальным комитетом вопрос об устранении чересполосицы землепользования русского и бурят-монгольского населения.

3) Определение пределов автономии бурят-монголов и ее формы предоставить решению учредительного съезда бурят-монгольских совдепов (сугланов) и особой согласительной комиссии из числа представителей съезда и областного исполкома и

4) Выработанный согласительной комиссией проект автономии представить на утверждение центральной власти Российской трудовой федеративной республики от имени Забайкальского областного исполкома и центрального органа бурят-монголов" [1].

Еще до издания этого постановления в газете „Советская власть"—органе Забайкальского областного исполкома советов рабочих, солдатских, казачьих, крестьянских и бурятских депутатов, была помещена большая статья „Бурят-монголы и революция". („Национальное самоопределение)", в которой разбирались „Декларация прав народов России" и „Дек-

[1] Фонд Б.-М. нацкома, д. № 21, л. 4.

ларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа" и выдвигалась задача разрешения на основе этих документов „вопроса о национальном самоопределении бурят-монголов, сложного и запутанного в Забайкалье и Иркутской губернии, благодаря чересполосности, созданной ассимиляторской политикой Романовых и К-о". Статья обрушивалась на великодержавных шовинистов, говоря, что последние в ответ на стремления бурят-монголов к национальному самоопределению заявляют: „Как они смели, не спросясь начальства". „Это характерно для духа прошедшего времени", говорилось в статье. „Бурят-монгольская национальность тщетно стучалась во все двери, всюду и везде... приходилось сталкиваться со старыми политиками, представителями отживающего миросозерцания. Особенно долго, особенно упорно не снимался вопрос „Как они смели" (имеется в виду период керенщины в отношении бурятского национального самоуправления). „Но времена изменились", —указывалось в статье, — „с самодержавной политикой, как кажется, покончено навсегда"... „Идея свободной национальности, как совокупности трудящихся и эксплоатируемых, стала воплощаться в жизнь".

В указанной выше статье имеется очень ценное замечание, что в 1917—1918 г. совершилось „искание путей к завоеванию и образованию автономной Бурят-Монголии". Как свидетельствует постановление Забайкальского исполкома от 3 июля 1918 г., на этом пути намечалось уже стремление к планомерному определению пределов советской территориально-политической автономии бурят-монголов и ее формы, с предоставлением решения по этому вопросу Учредительному съезду бурят-монгольских совдепов и особой согласительной комиссии из одинакового числа представителей съезда и областного исполкома с представлением проекта автономии на утверждение центральных органов РСФСР. Но надвинувшаяся контрреволюция прервала эту работу, как и всю кипучую деятельность первых советских органов на территории Бурятии и Сибири вообще.

Прервала на время. Огни, зажженные в Бурятии Октябрьской революцией, не могли потушить никакие силы внутренней и иностранной буржуазии, помещичьей и империалистической контрреволюции.

— ———

Последние два месяца существования первых советских органов в Бурятии протекали в борьбе с усилившейся контрреволюцией. Все ближе и ближе огненное кольцо врагов охватывало край. Небольшие сравнительно отряды красногвардейцев и красноармейцев вместе с отрядами иностранных рабочих интернационалистов (бывш. военнопленные) отбили первые выступления семеновцев и других белогвардейцев. Но вскоре на помощь им выступили более опасные враги пролетарской диктатуры. Происходит подготовленное французско-английским империализмом выступление чехо-словацкого корпуса. 9 июня 1918 г. вследствие чехо-словацкого мятежа прекратилось сообщение на запад от ст. Иркутск и таким образом прервалась связь Прибайкалья с Советской Россией. Восточная Сибирь стала ареной ожесточенной борьбы советских войск с чехо-белогвардейскими. Опасность стала угрожать непосредственно центру Восточной Сибири — гор. Иркутску. Центросибирь и другие советские органы эвакуировались из гор. Иркутска в Верхнеудинск, ставший временно той базой, на которой центральный советский орган Сибири пытался еще задержаться, собрать свои силы и оказать сопротивление надвигавшемуся врагу. Главная попытка отпора была сделана на кругобайкальских позициях, особенно на ст. Мурино. „Враги революции стоят уже на пороге Забайкалья", — говорилось в воззвании Комиссариата советского управления Сибири. „Уже чувствуется тлетворное, умертвляющее дыхание контрреволюции".

Попытка советских войск задержаться на кругобайкальских позициях не удалась. После боев за подступы к г. Верхнеудинску, последний был

утром 20 августа 1918 г. оставлен советскими войсками, отступившими по направлению к Чите.

К вечеру город был занят чехо-словаками и отрядом Сибирского правительства.

26 августа советскими войсками, отступившими в Амурскую область, была оставлена Чита. Через месяц, во второй половине сентября, в Бурятии началась иностранная интервенция; в Верхнеудинск прибыли первые эшелоны японских войск, которым местные белогвардейские власти, по предписанию Временного сибирского правительства, должны были оказать **„самое широкое содействие".**

Временно восторжествовавшая контрреволюция начала кровавую расправу с трудящимися Бурятии. „Власть нагайки шествует церемониальным маршем, напоминая о былом самодержавии".—так характеризовала общее положение в одном из своих докладов Селенгинская аймачная управа.

Аресты, порки, избиения, пытки, казни, многочисленные карательные экспедиции, грабежи бурят-монгольского и русского крестьянства, —вот чем был отмечен путь обнаглевшей контрреволюции, оставившей в Бурятии такие кровавые следы, как массовое убийство политических заключенных в троицкосавских красных казармах, разгром селения Ганзурино **„дикой дивизией" генерала Левицкого и проч.**

В нашу задачу не входит освещение истории периода контрреволюции и гражданской войны в Бурятии, этой теме посвящается особая работа[1]. Но нам необходимо в основных чертах обрисовать, как завоеванная Октябрьская революция и власть советов снова, после мрачного периода реакции, восторжествовала в Бурятии, как оформилось детище пролетарской революции—Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика.

Ни временные поражения, ни разгул белого террора, ни интервенция иностранных империалистов, не могли сломить воли к борьбе пролетариата, бедняцкого и середняцкого крестьянства Сибири, Бурятии против контрреволюции за власть Советов. Во главе этой борьбы стояли подпольные коммунистические организации, многие видные деятели которых кровью запечатлели свою верность делу пролетарской революции. Под руководством подпольных организаций РКП(б) по всей Сибири широкой волной разливается партизанское движение, охватившее и Бурятию. К концу 1919 г. Красная армия и партизанские отряды нанесли сокрушительный удар буржуазно-помещичьей реакции. 14 ноября 1919 г. был занят г. Омск, являвшийся резиденцией Колчака. В конце декабря 1919 г. происходит победоносное восстание против колчаковщины в центре Восточной Сибири—г. Иркутске. В январе—феврале 1920 г. Иркутская губерния и входившая в нее часть Бурятии окончательно очищается от остатков колчаковских армий.

В восточной части Бурятии освобождение от колчаковщины, семеновщины, интервенции несколько затянулось. С декабря 1919 г. по март 1920 г. здесь развивалась борьба партизан против остатков буржуазно-помещичьей контрреволюции. Инициатором этой борьбы был подпольный большевистский штаб, организовавшийся в г. Верхнеудинске и выделивший стойких партийцев для руководства восстанием пролетариата и бедняцко-середняцкого крестьянства. Решающим моментом освобождения восточной Бурятии от белогвардейщины и японской интервенции явилось взятие частями Забайкальской группы Войск Новосибирской Красной армии и партизанскими войсками Прибайкалья г. Верхнеудинска, происшедшее

[1] Ст. тов. Николаева. Колчаковщина и семеновщина в Бурятии (в настоящем сборнике) и особый сборник Истпарта Бурятобкома ВКП(б) „Партийное движение в Бурятии".

2 марта 1920 г. после упорной борьбы с семеновцами. Далее, к востоку борьба за подступы к Чите затянулась, вследствие сильной поддержки, оказанной атаману Семенову японскими интервентами, и закончилась лишь в октябре 1920 г., после взятия Читы народно-революционной армией и партизанами. Таким образом осенью 1920 г. была освобождена от семеновщины вся Бурятия. После взятия Верхнеудинска и до падения Читы Агинский аймак и часть Хоринского еще находились под властью семеновщины и интервентов.

3. ОБРАЗОВАНИЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

В период Октябрьской революции и гражданской войны крепко выковался, закалился союз пролетариата, бедняцкого и середняцкого крестьянства всех наций под руководством коммунистической партии, который не могли разрушить никакие силы реакции. Не могли они уничтожить и стремления трудящихся различных национальностей, в том числе бурят-монголов, к национальному самоопределению на основе принципов, провозглашенных Октябрьской революцией.

После освобождения от колчаковщины, в Сибири снова начинает развиваться советское строительство, развертывающееся еще с большей, чем в 1918 г., широтой и углубленностью.

В этой работе используется не только кратковременный, опыт первого периода советской власти в крае, но более длительный и богатый опыт Европейской части РСФСР. Этот опыт был использован в строительстве Советской Бурятии. В области национального вопроса большое значение имела как конкретный пример для Бурят-Монголии организация в 1920 г. автономных республик и областей и работа происходившего в марте 1921 г. X съезда РКП(б), наметившего по докладу т. Сталина конкретную программу практических мероприятий по разрешению национального вопроса. „Укрепление советских республик и уничтожение национального гнета,—говорилось в резолюции X съезда,—представляет две стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы. Но существование советских республик, хотя бы самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму".

Перед трудящимися бурят-монголами выдвинулась задача широкого самоопределения в форме создания автономных областей, объединившихся затем в автономную республику. Вся большая работа по осуществлению этой задачи проводилась бурят-монгольской организацией РКП(б) (сначала секцией при Иркутском губкоме) и Центральным комитетом бурят-монголов Восточной Сибири, образованном 25 апреля 1921 г. в Иркутске согласно решению съездов трудящихся бурят-монголов РСФСР в октябре 1920 г. и ДВР в мае—июне 1920 г. Поставив перед собой задачу немедленного осуществления автономии бурят-монгольского народа, упомянутые организации встретили активную поддержку со стороны Дальневосточного секретариата Коминтерна и Иркутской губернской организации РКП(б).

В Москве при Наркомнаце образовалось, во главе с т. Архиповым, Бурпредставительство, члены которого участвовали в работе различных совещаний, комиссий по бурят-монгольскому вопросу. В результате этой работы президиумом ВЦИК 1 сентября 1921 г. было постановлено: „Признать необходимым выделение территории с бурятским населением в пределах РСФСР в автономную область. Поручить комиссии из Наркомнаца, Наркомзема, Наркомвнудела, Сибревкома и бурятского населения определить границы Бурят-Монгольской автономной области и представить на утверждение Президиума ВЦИК".

5 ноября (23 октября) 1921 г. состоялся учредительный съезд трудящихся бурят-монголов, живущих на территории РСФСР, на котором были поставлены вопросы об окончательном установлении границ Буравтообласти, утверждении проекта положения об автономии, а также информация трудящихся бурят-монголов о подготовительных мероприятиях по осуществлению Буравтообласти. Вся работа съезда протекала под руководством коммунистической фракции, и все ее предложения принимались единодушно. Съезд прошел с большим подъемом. Он высказался за административно-территориальную автономию, проработал проект положения об автономии, о границах и т. д. Было признано желательным включить в состав Буравтообласти те хошуны и улусы, которые не создают большой чересполосности. Съездом были внесены некоторые изменения в первоначальный проект границ Буравтообласти. По согласованию с Иркутским губисполкомом эти изменения были представлены на рассмотрение Сибревкома и ВЦИК.

На съезде был избран Революционный комитет, который должен был стать во главе организующейся Бурят-Монгольской автономной области Сибири. Бурят-Монгольский революционный комитет был утвержден Сибревкомом и президиумом ВЦИК (18 декабря 1921 г.). Бурревком состоял из 5 человек: председателя М. Н. Ербанова, и членов—А. А. Убугунова, А. Б. Рубановича, Б. С. Ишидоржина и Н. Е. Любимова. Сразу же после своего оформления Бурревком приступил к работе организационно-подготовительного характера для окончательного оформления Бурят-Монгольской автономной области.

9 января 1922 г. было издано постановление ВЦИК о Бурят-Монгольской автономной области, определившее: „1) образовать автономную Бурят-Монгольскую область в границах, определенных соглашением Сибревкома и представителей бурят-монгольской народности в составе аймаков: Тункинского, Эхирит-Булагатского, Боханского, Аларского, Селенгинского; 2) до созыва I съезда советов Автономной Монголо-Бурятской области, вся полнота власти принадлежит Ревкому; 3) съезд советов Автономной Монголо-Бурятской области избирает исполнительный комитет области, коему присваиваются права губернского исполнительного комитета; 4) народному комиссару по внутренним делам и народному комиссару по делам национальностей поручается образовать смешанную комиссию для разрешения вопросов, могущих возникнуть при детальном установлении границ Автономной Монголо-Бурятской области“[1].

На основании этого постановления Сибревком более точно определил 25 января 1922 г. административно-территориальный состав Бурят-Монгольской автономной области и 15 февраля издал постановление о передаче всей полноты власти на территории области Бурревкому.

Деятельность Бурревкома протекала под руководством Бурят-Монгольской организации РКП(б), ряды которой стали увеличиваться и крепнуть.

В Бурят-Монгольской области Сибири насчитывалось 185 192 человека населения, в том числе 70% составляли бурят-монголы и 30% русские, татары и др. В молодой автономной области стало развиваться хозяйственное, политическое, культурно-социальное строительство. 6 декабря 1922 г. состоялся I съезд советов Бурят-Монгольской автономной области Сибири, подведший итоги первого года ее существования и избравший Центральный исполнительный комитет Бурят-Монгольской области.

В то время, как в Западной Бурятии организовалась советская Бурят-Монгольская автономная область, Восточная Бурятия входила в состав Дальневосточной республики.

История организации Бурят-Монгольской автономной области Дальнего Востока в основных чертах такова.

---

[1] Цит. по копии в фонде Бурревкома Автономной области Сибири. Дело № 5. 1922 г., л. 4.

16 марта 1920 г. в Верхнеудинске состоялось совещание представителей бурят-монгольского населения Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков (Агинский аймак и восточная часть Хоринского еще не были тогда освобождены от семеновщины). Совещание это выделило временный общебурятский национальный комитет, поставивший перед собой следующие задачи: 1) руководство революционным освободительным движением бурят-монголов в Забайкалье; 2) организацию в аймачных и хошунных центрах местных революционных органов управления (ревкомов) и руководство ими; 3) созыв съезда представителей трудового бурят-монгольского населения.

Этот съезд происходил в г. Верхнеудинске с 23 мая по 3 июня 1921 г. На нем выявилось стремление трудящихся бурят-монголов к объединению в одну автономную единицу как Восточной, так и Западной Бурятии, о чем и было вынесено особое постановление. Но выполнение этой задачи затянулось вследствие того, что восточная часть Бурятии, за исключением Селенгинского аймака, оставалась в пределах ДВР, тогда как западная входила в РСФСР.

На верхнеудинском съезде была подтверждена необходимость существования аймаков и хошунов как административно-территориальных национальных единиц. В качестве же руководящего органа был избран Бурят-Монгольский народный революционный комитет, которому на местах соответствовали аймачные и хошунные народно-революционные комитеты.

В ноябре 1920 г. после взятия Народно-революционной армией города Читы и ликвидации так наз. „читинской пробки", т. е. после освобождения находившейся еще под властью семеновцев части Восточного Забайкалья, Бурятия окончательно очищается от остатков семеновщины. Бурнарревком избирает своим местопребыванием город Читу, где к этому времени „самораспустилась" существовавшая при семеновщине так наз. Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири.

При созыве Народного собрания ДВР туда вошли и представители трудящихся бурят-монголов; на нем был поставлен вопрос об автономии бурят-монголов. По Конституции ДВР, утвержденной Учредительным собранием Дальнего Востока 27 апреля 1921 г., была установлена „Автономия бурят-монгольских народностей".

Представители от бурят-монгольского населения на Народном собрании ДВР, после окончания работ последнего, объявили себя Учредительным собранием Бурят-Монгольской автономной области Дальнего Востока, избрав Бурят-Монгольское автономное управление (Бурмонавтупр). Таким образом возникла Бурят-Монгольская автономная область в ДВР.

Первое национальное собрание Буравтобласти состоялось в октябре 1921 г.; на нем было избрано областное управление Бурмонавтупра. В состав автообласти входило четыре аймака: Хоринский, Баргузинский, Чикойский и Агинский с населением в 130 807 человек.

По конституции Бурят-Монгольская автообласть ДВР организовалась как автономная единица. Но последовательно принцип административно-территориальной автономии проведен не был. Область представляла не целостную территорию, а совокупность разбросанных по Забайкалью бурят-монгольских национально-территориальных единиц. В составе области не было необходимых городских торгово-промышленных центров.

Дальневосточная республика как временное буферное образование была ликвидирована, когда народно-революционной армией Дальний Восток был окончательно освобожден от белогвардейцев и интервентов. По всему Дальнему Востоку развивалось движение за советизацию и присоединение к РСФСР. Последнее и было произведено в ноябре 1922 г.

Движение за советизацию охватило и трудящихся бурят-монголов Забайкалья. По требованию трудящихся Бурят-Монгольской автономной области Дальнего Востока, Б.-М. автономное управление 14 ноября 1922 г. объя-

вило себя распустившимся. Власть перешла к Бурят-Монгольскому революционному комитету. В Восточной Бурятии начинает развиваться советское строительство.

В период отдельного существования двух Бурят-Монгольских автономных областей связь между ними никогда не прекращалась.

Происходила взаимная информация о работе, обмен опытом, взаимная помощь. Не прекращалось и стремление к объединению. Например, на второй сессии Национального собрания Бурят-Монгольской автономной области ДВР в июне 1922 г. отмечалось, что хотя „политические обстоятельства привели к разделению бурят-монгольского народа между двумя государствами", но „несмотря на такое искусственное разъединение, связь и объединение между обоими группами бурят-монгольского народа продолжаются", и что необходимо стремиться „к укреплению и к дальнейшему развитию этой связи и этого объединения". Находясь в пределах буфера, трудящиеся бурят-монголы знали, что только советская власть действительно осуществляет национальное самоопределение. В телеграмме Национального собрания вождю мирового пролетариата В. И. Ленину говорилось: „От имени бурят-монгольского населения Автообласти ДВР, Национальное собрание горячо приветствует в лице вас Совроссию, как единственную в мире, где не на словах, а на деле осуществлен лозунг самоопределения народностей. Очутившись в сфере влияния буферного государства, мы глубоко сожалеем, что не можем принести посильную лепту в деле углубления и расширения советской власти. Мы—представители трудящихся бурят-монголов, уверены в торжестве победы власти трудящихся над империалистическими хищниками. Да здравствует советская власть всего мира" [1].

Понятно, с каким энтузиазмом трудящиеся бурят-монголы встретили присоединение Дальнего Востока к РСФСР. Среди трудящихся масс обоих автономных областей выдвигается все настойчивее и настойчивее требование их объединения.

„Буфер уничтожен, первый областной съезд советов должен высказаться за объединение двух автономных областей"—писала газета „Красный бурят-монгол" (№ 35, 1922 г. от 6/XII).

Руководящие органы Бурятии—Буробком РКП(б), Бурисполком, Буррevком (Забайкальский), развертывая партийную и советскую работу среди широких масс, немедленно приступили к проработке вопроса о практическом проведении объединения автономных областей.

В декабре 1922 г. Буробкомом РКП (б) и Бурисполкомом была представлена в центральные органы власти РСФСР и областные учреждения (Сибревком, Дальревком) докладная записка о необходимости объединения автономных областей и организации Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики. Как указывает М. Н. Ербанов, основные доводы этой докладной записки были формулированы следующим образом:

„1) образование Бурят-Монгольской республики, являясь демонстрацией советских принципов решения национально-колониального вопроса и политически импонируя всему монголо-тибетскому миру, является большим плюсом для усиления советской внешней политики Дальнего Востока и в Центральной Азии;

2) в области внутренней политики этот акт, нейтрализуя реакционно-националистическую агитацию ламства, кулачества и ноенатства, создает действительно благоприятную обстановку и широкую возможность для экономического, культурно-национального и политического возрождения бурят-монгольского народа;

---

[1] Протоколы второй сессии Национального собрания Б.-М. Авт. обл. в с. Додо-Аннинском 27 июня 1922 г.

3) в деле изживания национального антагонизма между русским и бурят-могольским населением, питаемого главным образом вопросами земельной неурядицы, и правильного урегулирования этой последней, а также внедрения классового мировоззрения и действительного воспитания массы в духе интернациональной классовой идеологии, эта форма автономии даст максимум возможностей и гарантирует в основном успех советской и партийной работы"[1].

После предварительного рассмотрения вопроса в Наркомнаце, последним 20 декабря 1922 г. было постановлено признать целесообразным объединение автономных бурят монгольских областей при наличии согласия с мест. Вопросы территориальные о форме объединения было поручено разработать комиссии с участием представителей Сибревкома и Дальревкома.

10 января 1923 г. Наркоминделом было заявлено, что образование Автономной республики бурят-монгол должно явиться действительно исключительным фактом особого культурного, экономического и политического влияния на народы Дальнего Востока, родственные бурят-монголам, в смысле усиления их политических симпатий к Советской России и экономических отношений.

После подробной проработки материала по вопросу о проекте границ будущей Автономной республики, выявления мнений по этому вопросу краевых органов — Сибревкома и Дальревкома, вопрос был перенесен на разрешение ВЦИК.

30 мая 1923 г. президиум ВЦИК постановил:

„1) Объединить в одну Бурят-Монгольскую социалистическую советскую республику автономные области — бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске;

2) специальная комиссия должна представить на утверждение ВЦИК границы новой республики к 1 августа; 3) до созыва I съезда советов полнота власти в новой республике предоставляется ревкому"...

После дополнительной проработки вопроса президиумом ВЦИК, с целью развития первого постановления, было вынесено 13 июня второе, которым поручалось специальной комиссии из представителей Сибревкома, Дальревкома, Бурят-Монгольских автономных областей под председательством представителя Наркомнаца определить точные границы образуемой республики и проект представить на утверждение ВЦИК. В основу работы комиссии предлагалось положить проект, представленный областным исполкомом и областным ревкомом автономных областей.

Впредь до созыва I съезда советов Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики полнота власти в объединенных автономных областях предоставлялась Революционному комитету, образуемому ВЦИК и непосредственно с ним связанному. На ревком Автономной социалистической советской республики бурят-монгол возлагалась обязанность приступить к организации центральных органов управления республики и созвать I съезд советов последней.

На основании указанных постановлений ВЦИК был организован Ревком Бурреспублики в составе: председателя М. Н. Ербанова, его заместителя М. И. Амагаева и членов: М. Д. Бермана, В. И. Трубачеева и Б. Б. Барадина. С 1 августа 1923 г. впредь до созыва I съезда советов БМАССР ревком принял на себя полноту власти в объединенных автономных областях.

31 июля на первом заседании Бурревкома было принято временное положение о государственном устройстве Бурреспублики, декларация к ее населению, назначены наркомы и члены коллегий наркоматов. По случаю

[1] М. Н. Ербанов. Строительство красной Бурятии. В-Удинск, 1925 г., стр. 15.

принятия власти Бурревкомом были посланы приветственные телеграммы В. И. Ленину, ЦК РКП(б), ЦИК СССР и ВЦИК.

Бурревком ставил перед собой следующие ближайшие задачи: 1) Скорейшее установление в окончательной форме территории Бурреспублики; 2) проведение подготовительной работы по созыву I съезда советов Бурреспублики; 3) организация органов управления Бурреспублики; 4) составление и разработка планов работ, а также осуществление хозяйственных и других мероприятий и 5) проведение в жизнь мероприятий центральных органов власти РСФСР".

1 августа 1923 г. Бурревкомом была выпущена декларация (обращение к населению Бурят-Монгольской АССР), объявлявшая об организации Бурреспублики, о значении этого акта, о создании Бурревкома и его задачах и выражавшая уверенность, что ревком в трудной и ответственной работе „встретит полное сочувствие и найдет могучую поддержку со стороны всех трудящихся масс молодой Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики.

„Этот акт рабоче-крестьянского правительства",—говорилось в декларации,—имеет для бурят-монгольского народа огромное значение, так как он формально и фактически завершает стремление бурят-монгольского народа к национальному самоуправлению. Волею исторических судеб бурят-монгольский народ вынужден был до сего времени отказаться от полного осуществления предоставленных ему рабоче-крестьянским правительством прав. Это обстоятельство, вызванное наличием особых внутренних и внешних взаимоотношений РСФСР на Дальнем Востоке, задержало объединение двух автономных областей до самого последнего момента. Только теперь, с ликвидацией белогвардейских отрядов, с сокрушением интервенции на Дальнем Востоке, бурят-монгольский народ получил возможность полного завершения своего автономного бытия в форме самостоятельной автономной социалистической советской республики. В данный момент Бурят-Монгольская автономная социалистическая советская республика образована лишь на территории Бурят-Монгольской автономной области. В ближайшем будущем вопрос о территории, согласно постановлению ВЦИК, должен подвергнуться решительному пересмотру в целях уничтожения чересполосицы, а также создания экономической мощной административно-хозяйственной единицы.

Центральным правительством РСФСР основные вехи в направлении работ по этому вопросу уже предуказаны. В автономную республику по проекту предложено включение до 43% русского населения. При таком соотношении количества бурятского и русского населения экономическое и хозяйственное возрождение республики зависит всецело от правильного взаимного понимания самим населением своих интересов, а также от внимательного и справедливого учета представителями власти молодой республики всех особенностей жизни населения как в его историческом прошлом, так и в условиях конкретной действительности. Поэтому дружное и братское сотрудничество скотовода-бурята и земледельца-великоросса должно явиться важнейшим моментом в жизни республики. В то же время образование Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики не может быть истолковано, как совершенное отделение от РСФСР и СССР. Трудящиеся массы молодой республики твердо знают, что дальнейшее процветание и даже существование самой Бурят-Монгольской автономной социалистической советской республики находятся в тесной зависимости от судьбы трудящихся Советской федерации. Поэтому трудящиеся массы Бурреспублики должны тесным образом связаться с рабоче-крестьянской массой и с правительством РСФСР в деле восстановления и укрепления своего хозяйства и защиты своих классовых интересов".

Декларация об образовании БМАССР была с огромным энтузиазмом встречена трудящейся массой Бурятии. В разных концах ее выносились

многочисленные постановления сомонных, булучных, хошунных советов, горячо приветствовавшие организацию БМАССР и выражавшие готовность всемерной поддержки, активной работы в строительстве молодой республики. Бурревком и Буробком РКП(б) получали многочисленные приветственные телеграммы.

Свое окончательное оформление Бурреспублика получила в октябре 1923 г., когда была закончена работа комиссии ВЦИК под председательством т. Серафимова по установлению границ, размежеванию между Иркутской и Забайкальской губерниями, когда была упразднена (21.X—1923 г.) Прибайкальская губерния, большая часть которой вошла в состав БМАССР.

Восторженно встреченное трудящимися бурят-монголами образование Бурреспублики приветствовалось вместе с тем пролетариатом, бедняцким и середняцким крестьянством русским и других национальностей, входивших в ее состав. Прибайкальский губисполком, объявляя от имени рабочих, крестьян и красноармейцев Прибайкалья, в особом обращении к населению об упразднении Прибайкальской губернии и передаче всей полноты власти Ревкому Бурреспублики, указывал, что „советская власть.... неуклонно проводила и проводит в жизнь принцип национального самоопределения малых народностей, активно помогая всем отсталым и угнетенным капиталистическим строем народам свободно развиваться в экономическом, культурном и политическом отношениях".

В октябре 1923 г. ВЦИК было утверждено „Положение о государственном устройстве БМАССР", согласно которому Бурреспублика входила, как федеративная часть, в состав РСФСР.

Структура органов государственной власти в Бурятии устанавливалась, согласно конституции РСФСР, с теми особенностями, которые определялись автономией: центральные—республиканские, аймачные (уездные), хошунные (волостные) съезды советов и их исполнительные комитеты. Для управления делами БМАССР был утвержден Совет народных комиссаров в составе народных комиссариатов: 1. Автономных: а) внутренних дел, б) юстиции, в) просвещения, г) здравоохранения, д) земледелия. 2. Объединенных (директивных): а) труда, б) финансов, в) СНХ, впоследствии переименованного в Наркомпромторг и г) РКИ. В составе учреждений БМАССР утверждены: Государственное политическое управление, Статистическое управление, Военный комиссариат. В дальнейшем в организации государственных органов БМАССР были произведены отдельные уточнения и изменения.

4 декабря 1923 г. состоялся I съезд советов БМАССР, на котором был избран Центральный исполнительный комитет Бурреспублики в количестве 35 человек. ЦИК избрал президиум (7 чел.) и Совет народных комиссаров[1].

* * *

Так возникло одно из детищ Октябрьской революции—Бурят-Монгольская АССР, открывшая новые, еще невиданные страницы в истории Бурятии. Если в 1917—1918 гг. происходило „искание путей к завоеванию и образованию автономной Бурятии", причем надвинувшаяся контрреволюция прервала эту работу, то в 1923 г. создание автономной советской социалистической Бурятии было завершено. Когда-то колония российского царизма, жестоко угнетаемая самодержавием и его агентами: чиновниками, миссионерами, хищнически эксплоатируемая торгово-промышленной буржуазией, русским кулачеством, бурятским ноенатством, шаманами и ламством и вследствие этого экономически и культурно отсталая,—Бурятия

[1] Фонд ЦИК и СНК БМАССР. д. № 11. 1924 г. Докл. о государственном устройстве БМАССР (Архивн. упр. БМАССР).

стала автономной советской республикой, равноправной участницей великой социалистической стройки.

При царизме общее экономическое и социально-политическое угнетение трудящихся бурят-монголов усугублялось национально-политическим гнетом. В Советской же Бурятии под руководством ВКП(б) растет и крепнет братский союз пролетариата, колхозного и единоличного бедняцко-середняцкого крестьянства различных национальностей в дружной работе социалистического строительства Бурятии, составляющего неразрывную часть грандиозного социалистического строительства СССР.

И. НИКОЛАЕВ

ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ И СЕМЕНОВЩИНЫ В БУРЯТИИ

Октябрьская революция до основания разрушила всю капиталистическую систему, создавая на ее месте принципиально иной общественный строй. С этим никак не могли мириться ранее господствующие классы.

История не знает таких случаев, когда умирающие, уходящие с исторической сцены классы добровольно сдавали бы свои классовые позиции, свое господство над трудящимися массами. Эпоха пролетарской революции характеризуется наиболее жестоким сопротивлением со стороны буржуазии, так как Октябрьская революция поставила перед собой задачу — уничтожение всякой эксплоатации человека человеком и классов вообще, в то время как предшествовавшие революции меняли лишь форму и метод эксплоатации трудящихся.

После Октябрьской революции на окраинах России начинает формироваться контрреволюция. Сначала под „демократической" вывеской меньшевиков и эсеров с помощью иностранной интервенции (немецкой, чехословацкой, японской создаются различного рода областные правительства. Окрепнув под „демократическим" крылышком, выступает настоящая матерая генеральская контрреволюция. Но за этой генеральской контрреволюцией, с ее идеологией восстановления „единой и неделимой" буржуазно-помещичьей России, стояли империалистические державы, на которые ориентировалось то или иное „всероссийское" правительство.

Таким образом Советская Россия оказалась в огневом кольце внутренней и внешней контрреволюции.

В вооруженной борьбе против власти Советов на Дальнем Востоке не последнюю роль сыграл продавшийся японскому империализму казачий атаман Семенов, власть которого распространялась на территории Забайкалья и Бурят-Монголии (восточная часть Бурятии).

Казачий есаул, уроженец Забайкалья. Семенов во время империалистической войны был на кавказском фронте в составе Забайкальской казачьей дивизии, командуя сотней в Верхнеудинском полку. После Февральской революции Семенов в качестве делегата от казачьих войск попадает в Петроград. Во время буржуазного предпарламента будущий военный диктатор Забайкалья Семенов вместе с Унгерном и Калмыковым был командирован Керенским на Дальний Восток с целью вербовки казаков для борьбы с большевиками, если последние попытаются захватить власть.

Впервые появление Семенова в Бурятии отмечается на общебурятском съезде, происходившем в октябре 1917 г. в г. Верхнеудинске. На данном съезде Семенов выступил как представитель от казачьего войска, который приехал с фронта организовать бурятский отряд добровольцев, и просил съезд оказать ему содействие в осуществлении его цели, разъяснить бурятскому населению о значении сформирования такого отряда. Выступивший после него специально назначенный инструктор для этой цели, явно разжигая национальный антагонизм между русским и бурят-

ским населением, отмечал о „враждебности мнений местных крестьян по отношению бурят" и особо подчеркивал роль вновь организуемого отряда для „ограждения интересов бурят".

Националистически настроенный съезд, в подавляющем большинстве состоявший из бурятской кулацко-поповатской верхушки, руководимый национал-демократами, шумно аплодировал обоим докладчикам и вынес решение:

„Принимая во внимание, что в дни тяжких испытаний родины и смертельной опасности свободе гражданской извне и изнутри организация истинно-революционной армии, могущей беспрепятственно отразить врагов родины и свободы, является настоятельной задачей текущего момента, а поэтому съезд обращается с предложением ко всем аймачным комиссарам оказать содействие агентам есаула Семенова и оповестить население аймаков о наборе добровольцев, поручает Нацкому выпустить особое воззвание от имени съезда к населению о необходимости записаться в добровольческие революционные отряды" [1]. Несомненно, что, организуя отряд добровольцев из бурят, Семенов имел в виду направить его против большевиков. Но трудящиеся бурят-монголы, несмотря на все старания поповатства и буржуазных национал-демократов не пошли в этот отряд.

Пробравшись затем в Харбин, Семенов начал вербовку контрреволюционных сил из всех, кто считал себя обиженным большевиками. После подавления юнкерского восстания в декабре 1917 г. в Иркутске, контрреволюционное офицерство сбежало в Манчжурию, пополняя семеновский отряд. Таким образом Семенов при помощи „союзных держав", особенно Японии, создал свой так наз. „особый манчжурский отряд", укомплектованный из деклассированных элементов—китайцев, монголов-харчен и из русских белогвардейцев-эмигрантов. С этим отрядом Семенов в марте 1918 г. выступил из пределов Манчжурии на борьбу с советской властью. Фактически Семенов дал о себе знать еще раньше. Расположившись на станции Манчжурия, он начал грабить проходящие поезда, под видом обыска отбирать у пассажиров деньги и ценные вещи. Это безнаказанно мог делать Семенов лишь с благословения какой-либо большой державы. Действительно за Семеновым стояла Япония. В отрядах Семенова и Калмыкова Япония думала найти противовес англо-американским затеям, которые в то время уже готовили кандидатуры Хорвата и Колчака на роль будущих правителей. Так, в декабре 1917 г. в Читу прибыл из Манчжурии запломбированный вагон с трупами замученных членов Манчжурского совета. Это был первый вызов организовавшего в Манчжурии свой отряд атамана Семенова.

До контрреволюционного выступления чехо-словаков в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 г., Семенов не представлял особенно серьезной угрозы в борьбе с советской властью.

При помощи обманутых солдат чехо-словацкого корпуса советская власть в Сибири была свергнута. Реакция на время победила. Наступили жуткие дни сибирской контрреволюции, ужасы белогвардейского террора.

На Страну советов набросились империалистические державы. 26 сентября 1918 г. в Забайкалье были введены японские войска в составе одной дивизии, а 29 сентября в В.-Удинск прибыли первые эшелоны японских войск и расположились в поселке Нижняя Березовка (Дивизионная). Над зданиями верхнеудинского вокзала и почтово-телеграфной конторы были подняты японские флаги. Местные военные власти получили от Сибирского временного правительства предписание оказывать японцам „самое широкое содействие".

Целью японской интервенции являлось удушение пролетарской революции в России, захват русского Дальнего Востока. Этот действительный

[1] Центр. арх. БМАССР, фонд № 21, дело № 5. лист 176.

замысел японского империализма всячески прикрывался стремлением Японии якобы „к правде и справедливости", „благополучию и спокойствию русского народа". Так начальником японской 5-й дивизии генералом Судзуки были изданы воззвание, обращенное „ко всему русскому населению, находящемуся в районах расположения 5-ой японской дивизии" (Забайкалье и часть Амурской области). В воззвании указывалось, что „японская императорская армия уже более года старается устранить преступные влияния лиц, причиняющих вред народному благосостоянию, нарушающих общественное спокойствие и порядок России... Японская армия не только не имеет в виду никаких территориальных замыслов, но наоборот, как давно известно русскому народу, стремится к правде и справедливости путем восстановления твердого всероссийского правительства, которое даст всему русскому народу спокойствие и благополучие".

В других двух дополнительно выпущенных воззваниях Судзуки с более откровенной наглостью объявлял, что цель японских войск — „стереть большевиков с лица земли и спасти мирное население от их погромов и притеснений. Население должно немедленно притти под покровительство японской армии и русских войск. Все содействующие большевикам будут строго наказаны. Наоборот, тому, кто укажет, где скрываются большевики или спрятано оружие,—будет выдано вознаграждение. Смотрите,— говорилось в конце воззвания,—присоединившись к большевикам, вам придется раскаяться".

Вслед за японскими войсками в В.-Удинск прибыли американские войска. Таким образом Бурятия с осени 1918 г. вплоть до свержения семеновщины оказалась оккупированной японо-американской интервенцией.

На Дальнем Востоке господствовали Япония и Америка, а Сибирь находилась в „сфере влияния" англо-французского капитала. Колчак был ставленником Англии и Франции, главным образом находился под влиянием первой, а атаман Семенов—ставленником Японии. Вот почему за внешними столкновениями между Колчаком и Семеновым, за ссорами этих пигмеев зачастую скрывалась борьба империалистических гигантов.

Вступив в Забайкалье и опираясь на военно-политическую и финансово-экономическую поддержку Японии, Семенов объявил себя диктатором, присвоив себе звание „походного атамана всех казачьих войск и главнокомандующего русской армией на Дальнем Востоке". Атаман Семенов, как только он вступил в Читу, мобилизовал всех способных носить оружие в Забайкалье, послал вербовщиков в Монголию и на Амур, с целью набора добровольцев. Насильственную мобилизацию Семенов проводил среди бурят, оседлых и кочевых тунгусов в Забайкалье. Туда, где уклонялись от мобилизации, Семенов посылал карательные отряды. Таким путем в течение сравнительно короткого промежутка времени он собрал почти 40 000 человек.

Ни в одном из белогвардейских отрядов не было в расправе с революционерами такой утонченной жестокости, как у Семенова. Главными палачами этого дела Семенов назначил следующих лиц: 1) барона Тирбаха, человека звериной свирепости, начальника карательных отрядов и бронепоездов; под его же непосредственным ведением находился и ужас всего Забайкалья—Маккавеевский застенок; 2) полковника Сипайло, расстрелявшего и замучившего сотни революционных работников. От рук этих палачей погибли видные революционеры-большевики—вожди трудящихся Забайкалья—В. М. Серов, И. А. Бутин, Ц. Ранжуров, братья Балябины, Бронников, Масков и многие другие.

По всему Забайкалью и Бурят-Монголии торжествовал кровавый разгул атамановщины. Целые эшелоны с пленными красноармейцами,

---

«Вестник Забайкалья», 1918 г.

следующие в Приморье в концентрационные лагери, целиком уничтожались из пулеметов бронепоездов.

Как бы соревнуясь с атаманом, на восточном участке Забайкальской ж. д. свирепствовал даурский наместник Семенова барон Унгерн. В „долине смерти", недалеко от Даурии этот барон оставил свои кровавые следы в виде сотни могильных холмов, черепов и костей расстрелянных им революционеров.

„Расстреливать на месте", „вырвать большевизм с корнем", „выписать в расход"—вот методы и формы борьбы атамана с революционными рабочими и крестьянами.

Такова была картина, когда казачий атаман Семенов захватил в свои руки власть и утвердился в Забайкалье как военный диктатор при прямой и непосредственной поддержке империалистической Японии.

В то время, как восточная часть Бурятии стонала под властью семеновской нагайки, западные районы Бурятии находились под гнетом колчаковской реакции.

Колчак своей контрреволюционной политикой пытался реставрировать прежний режим помещичье-капиталистической России. Колчаковщина служила „становым хребтом" контрреволюций.

В национальном вопросе колчаковщина продолжала дело великодержавной политики царской России. Никакой даже видимости демократии и никакой национальной автономии Колчак не думал проводить. На одном из ходатайств Бурнардумы перед Омским правительством о легализации бурятских национальных органов самоуправления один из колчаковских министров наложил грозную резолюцию: „Выпороть бы их".

На местах Колчак назначал своих непосредственных агентов в лице управляющих губерниями на правах прежних генерал-губернаторов и управляющих уездами.

В западной части Бурятии, которая, как указано выше, находилась в сфере влияния Колчака, назначались управляющие аймаками. Так колчаковскими властями в качестве управляющего Ангарским (ныне Аларский и Боханский аймаки) аймаком был назначен известный эхиритский кулак Цокто Алсаханов, а управляющим тогдашнего Эхирит-Булагатского аймака был А. Убугунов. Эти доморощенные „управители" возглавляли тогда вместе с улусной кулацко-ноенатской аристократией контрреволюционную деятельность в западной часть Бурятии.

Трудящиеся бурятских улусов попрежнему оставались во власти своих кулаков, ноенов и шаманов. Черная реакция торжествовала. За малейшую попытку протеста против произвола местных властей виновников арестовывали, расстреливали. Колчаковские карательные экспедиции бороздили вдоль и поперек районы Западной Бурятии, ища большевиков и тщетно пытаясь искоренить „большевистскую заразу" среди трудящихся бурят-монголов. Немногочисленная тогда группа бурятских коммунистов вынуждена была уйти на время в глубокое подполье.

Посмотрим теперь, как относились различные социальные группы бурят-монгольского населения к событиям контрреволюционного переворота в Сибири и на Дальнем Востоке. Нужно определенно отметить, что монархически настроенное духовенство, верхушечные слои ламства и бурятское кулачество без всяких колебаний перешли на сторону контрреволюции.

При наступлении советской власти в Забайкалье в 1918 г. часть бурятского кулачества, ноенства и зажиточных элементов пограничных аймаков явным образом, на Агу эмигрировала в Монголию, Баргу и Маньчжурию. При гражданском управлении „Временного правительства Забайкальской области", организованном Семеновым в Маньчжурии в апреле 1918 г. для „восстановления порядка и законности в Забайкалье", был создан так наз. „Бурятский национальный отдел". Руководители бурятской

белой эмиграции активно участвовали в его создании. Во главе этой контрреволюционной семеновской организации стояли бывшие бурятские ноены и кулаки—Намдан Дылыков (начальник отдела), Найдан Дамдинов, Бато-Цырен Цыденов и др. По мере завоевания и продвижения семеновского отряда вглубь Забайкальской области национальный отдел бурятской белой эмиграции ставил перед собой задачу распространять свою власть среди бурятского населения и „восстанавливать расстроенные органы местного самоуправления" (читай: кулацкое самоуправление).

Неменьшее усердие проявила кулацко-ноенатская белая эмиграция перед Семеновым и по линии шпионажа и по ловле большевиков, рекомендуя для этой цели людей, „хорошо знающих большевиков". Так в письме Бурнацотдела (ст. Хайлар, август 1918 г.), адресованном Семенову, мы читаем:

„В селении Агинском найдется немало лиц с убеждениями большевизма и действующими вместе с большевиками. Весьма желательно, чтобы село Агинское было освобождено от большевиков в первую очередь, с оставлением там для искоренения большевизма и поддержания порядка особого отряда. Имеются сведения о том, что во всех отдельных сомонных обществах оставлено большевиками по 7 человек большевиков для надзора за бурятами и управления ими. В западной части Агинского аймака найдутся приближенные к большевикам буряты низшего класса" (разрядка наша. И. Н.).

Бурятские кулаки и ноены хотели карательными отрядами „поддержать порядок" и „искоренять большевизм". Они руками Тапхаева, хотели уловить большевиков и „приближенных к большевикам бурят низшего класса". Кулачество и ноенатство не ошибались, когда они считали приближенными к большевикам „низшие классы", т. е. бурятских бедняков и батраков.

С воцарением семеновщины в Забайкалье и Бурят-Монголии бурятское кулачество, ноенатство, ламство, став ее социальной опорой, всячески поддерживало все проводимые Семеновым мероприятия. Правда, среди указанных выше социальных прослоек наблюдались и другие течения. В этот период происходило так наз. балагатское теократическое движение в Хоринском аймаке, возглавляемое ламой-авантюристом Цыденовым. Главари его ставили перед собою задачу организации особого теократического государства во главе с Цыденовым в противовес всякой другой власти, в том числе и семеновской. На съезде бурят Забайкальской области в октябре 1919 г. в г. Чите один из представителей балагатского движения выступил с декларацией решительного отказа от несения воинской повинности и перехода в казачество, в частности. Спасение бурят-монгольского народа оратор видел лишь „в создании теократического государства и идеях буддизма". Конечно, с таким выступлением неподчинения существующей власти, присутствовавший тогда на данном съезде походный атаман не мог согласиться и выступил с категорическим возражением против такого мнения, считая теократизм „антигосударственным, больным, гнойным наростом на теле государства" и считая, что он—Семенов „как уполномоченный по охране государственного порядка в Забайкальской области не может никоим образом допустить теократизма". Балагатское теократическое движение за создание самостоятельного теократического государства не имело широкого распространения и по существу являлось реакционной уловкой и авантюрой фантазирующего ламы-мистика, который недовольство трудящихся бурят к семеновщине направил, воспользуясь темнотой этих масс, в религиозно-мистическое русло. Балагатское движение как особое сектантское движение и в то же время враждебное некоторую оппозицию Семенову, не было поддержано ламской верхушкой, и ламство, по крайней мере в своей верхушечной части, продолжало быть одной из социальных опор атамановской власти.

Мы подходим к одному из интересных моментов описываемого нами периода, а именно к вопросу об отношении национал-демократизма к Октябрьской революции и колчаковско-семеновской реакции.

Бурятский национал-демократизм мы не рассматриваем как некое надклассовое политическое течение на бурятской почве, якобы выражающее общенациональные интересы.

После того, как был свергнут многовековый гнет русского царизма „единый" национальный фронт распался на два непримиримых лагеря — на лагерь буржуазно-национального реформизма, с одной стороны, и на лагерь революционный, коммунистический, с другой.

Посмотрим, какова была деятельность тех и других в период революции и контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Немногочисленная в то время бурятская группа коммунистов вела активную нелегальную большевистскую работу по организации трудящихся масс с целью свержения контрреволюционной власти Колчака и Семенова. Так тт. М. Сахъянова, М. Амагаев, скрываясь на Дальнем Востоке вели активную подпольную большевистскую работу. Такую же подпольную большевистскую работу проводил т. Ербанов в Иркутской подпольной партийной организации. С. Николаев, В. Трубачеев и ряд других бурятских коммунистов вели нелегальную партийную работу в районах нынешних Алари и Бохана.

Недалеко от Черемхова вела подпольную работу кандойская (от названия бурятского улуса Кондой) группа бурятских коммунистов.

Указанная группа работала под руководством Черемховского подпольного комитета большевиков. Далее, в Бохане проводила подпольную работу боханская группа бурятских коммунистов. Наконец, в Мольме работала мольминская группа большевиков. Под руководством бурятских коммунистов трудящиеся массы Бурятии приняли активное участие в свержении контрреволюционной власти Колчака и Семенова и затем в ликвидации бандитизма.

Совсем другое отношение к колчаковско-семеновской реакции мы наблюдаем со стороны бурятских национал-демократов.

К моменту крушения российского самодержавия мелкобуржуазный национал-демократизм со своим требованием „свободы", „демократии" и национального самоопределения" не мог не иметь временно некоторой политической популярности и влияния среди ранее угнетенной в основном мелкобуржуазной крестьянской массы населения Бурят-Монголии. Влияние это возможно было лишь за счет мелкобуржуазных и националистических иллюзий основного бурят-монгольского населения в условиях почти полного отсутствия национального пролетариата.

Бурятские национал-демократы в силу своей классовой природы не могли подчинить вопрос национального вопросу классовой борьбы и социалистической революции и бороться за перерастание буржуазно-национально-освободительного движения в революцию социалистическую. Вместо этого, единственно правильного марксистско-ленинского подхода к разрешению национального вопроса, национал-демократия превратила свое требование буржуазно-национальной автономии в некую панацею, как единственное чудодейственное средство избавления бурятского народа от всех социальных бедствий. Национальная автономия рассматривалась национал-демократами абстрактно, внеклассово. Они хотели экономически обеспечить буржуазную автономию, буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию и тем самым беспомощно пытались приостановить поступательное движение пролетарской революции.

Фетишизирование буржуазной свободы, демократы — вот что характерно для бурятского национал-демократизма. При совершенно изменившихся социальных условиях, а именно в период пролетарской революции и диктатуры пролетариата, национал-демократы дальше требований своей

буржуазно-национальной автономии и вообще дальше задач буржуазно-демократической революции не шли. Происходило топтание на месте с тем, чтобы сделать реакционный поворот назад, ибо железная логика классовой борьбы не знает среднего пути, не признает нейтральности и прямо ставит вопрос: либо с пролетариатом за победу социалистической революции, либо назад вместе с буржуазией против пролетарской революции. „Кто не хочет смотреть вперед,—писал Ленин еще в 1901 г.—тот поворачивается к истории задом: средины тут нет и быть не может". Но бурятский национал-демократизм вопреки непреложным законам истории безнадежно пытался искать несуществующий срединный путь и в момент крутого перелома истории собирался примирить до крайности обострившиеся противоречия между пролетариатом и буржуазией, вылившиеся в открытую гражданскую войну. Так, в период первой советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, Бурятский национальный комитет стоял на точке зрения „примирения всех враждующих партий и классов в русской революции". Эта политическая платформа национал-демократического Бурнацкома определенно была выявлена на III съезде советов рабочих и сельских депутатов Забайкальской области в 1918 г.

В своем обращении в 1918 г. (в период советской власти), адресованном ко всем бурят-монголам Восточной Сибири, Бурнацком писал: „На третьем съезде Забайкальского областного совета рабочих и сельских депутатов нами была выдвинута согласительная формула: признание советской власти при условии сохранения органов земского самоуправления, созыва нового учредительного собрания и установления контакта с союзными державами для заключения действительно почетного демократического мира без аннексий, контрибуций и т. д"[1].

Ясно, что такая „объединительная политика" была отвергнута советской властью со всей решительностью, ибо нельзя „учредилку", буржуазный парламентаризм соединить с системой диктатуры пролетариата.

Потерпев неудачу в своей „объединительной политике" национал-демократический Центрбурнацком вынужден был признать советскую власть „как фактически существующую", не отказываясь ниже какой степени от дальнейшей пропаганды своих „объединительных", по существу контрреволюционных идей. Нужно определенно сказать, что бурятские национал-демократы никогда не признавали Октябрьскую революцию и шли против нее. Именно потому, что национал-демократы опирались на кулацко-капиталистическую верхушку, они не могли не встать во враждебную оппозицию к пролетарской революции.

После падения первой советской власти тогдашние лидеры национал-демократов хвастливо говорили, что они не допустили в своей среде „анархии и большевистской свистопляски". Так Д. Ринчино в его письме председателю Бурнардумы Д. Сампилону утверждал:

„Мы—буряты и только мы сумели по всей России сохранить органы, избранные всеобщим голосованием. Мы и только мы не допустили в своей среде анархии и большевистской свистопляски. Теперь мы должны опереться на японцев и Семенова".

С наступлением контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке национал-демократы и руководимый ими Нацком сразу перешли на сторону реакции.

Иркутский нацком за подписью его председателя Д. Сампилона выпустил тогда к бурят-монгольскому населению Восточной Сибири следующее явно контрреволюционное воззвание:

„С начала Февральского переворота 1917 г.—писалось в этом воззвании,—прошло уже полтора года. За это время на долю народов России

[1] Бурятский национальный комитет. „Советская власть и бурят-монголы". Читы 1918 г., стр. 2.

выпало много тяжелых испытаний, в результате которых нет более единой России, нет более всеобщего энтузиазма, рожденного великим переворотом 27 февраля, обещавшего всем нам равную свободную жизнь. Вместо этого теперь мы видим кругом себя одни лишь следы распада и разрухи,— жалкие обломки великого целого, именуемого государством Российским,— и эта разрушительная война, пройдя через наше сердце и сознание, отняла у нас нашу волю, нашу горячую веру в лучшую жизнь и оставила нам уныние и разочарование".

Здесь мы читаем целый обвинительный акт по адресу большевиков, которые, начав „разрушительную войну" (читай: гражданскую войну. И. Н), оставили „одни лишь следы распада и разрухи" и „уныние и разочарование". Через призму мелкобуржуазной идеологии им спектакль о бушующейся гражданской войны, пролетарская революция, конечно, иначе не могла представляться. В гражданской войне они видели только „разрушительную войну", не замечая совершенно, что в огне гражданской войны рождается принципиально иной мир.

Далее в своем воззвании Нацком, восхваляя контрреволюционное Сибирское временное правительство, призывает к организации сильной дисциплинированной армии, т. е. армии буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Устами национал-демократов, ставших идеологами кулацко-капиталистической верхушки бурятских улусов, контрреволюционное национальное кулачество открыто призывало бурятское население, в первую голову национальную интеллигенцию, записаться в добровольческую армию Сибирского правительства и образовать в хошунах и аймаках национальные отряды и батальоны. После контрреволюционного переворота Центрнацком в Чите и его отделение в Иркутске сразу дали местным аймачным управам директиву о ловле и разоружении красногвардейцев и большевиков.

С воцарением семеновщины Бурнардума обращается к бурят-монгольскому населению со следующим манифестом:

„Мы, избранные всенародным монголо-бурятским съездом, представители Народной думы, в заботе о сохранении религии и народного достояния признали своевременной необходимость создания самообороны и, во исполнение решения съезда, постановили: призвать в народные бурятские цагды бурят и казаков бурятского происхождения, создав из них первый оплот для защиты нашей родной земли. Призывая благословение премудрого Будды на верность службы дорогой родине всех поступающих в ряды цагды, Народная дума, исполняя свой долг перед отечеством, счастлива приветствовать первых витязей родного края во исполнение ими священного долга по защите родной земли для блага и мирного процветания своего народа"[1].

Так под флагом „защиты родной земли, блага и мирного процветания своего народа" Бурнардума позорно предавала действительные интересы трудящихся Бурят-Монголии.

В полном контакте с Бурнардумой Семенов создал бурят-монгольскую бригаду имени „Зоржто Батор" (что значит по русски—храбрый богатырь) и даурскую школу прапорщиков. В последнюю поступали, главным образом, бурятская учащаяся молодежь, в большинстве кулацкого происхождения.

Мобилизация в цагды происходила на местах в принудительном порядке. Трудящиеся улусов мобилизацию встретили с большим недовольством. Например, население Селенгинского и Баргузинского аймаков категорически отказалось итти в цагды и только под угрозой суровой кары вынуждено было встать в ряды семеновской армии.

---

[1] Центр. архив БМАССР, фонд № 21, дело № 55.

Местные кулаки и ноены „успокаивали“ улусную массу тем, что цагда необходима для защиты интересов бурятского народа и т. д. Трудящееся население не шло на эту удочку.

Для осуществления своей контрреволюционной авантюры атаман Семенов в деле милитаризации бурят-монгольского населения не останавливался перед насилием и арестом даже своих сподвижников из лагеря национал-демократов—руководителей аймачных и хошунных самоуправлений.

На съезде бурят Забайкальской области в октябре 1919 г. в Чите Семенов требовал реорганизации бурятских органов национальных самоуправлений по типу казачьих и перехода всего бурятского населения в казачество. Еще до этого съезда Семенов принимал решительные меры перехода обратно в станицы всех казаков-бурят, ранее выделившихся из станиц в хошуны. В случае несогласия арестовывались сомонные зайсаны и те из казаков-бурят, которые считались „зачинщиками“ перевода в хошуны. Арестованные подвергались избиению, часть из них была расстреляна.

В особом докладе Бурят-Монгольскому национальному комитету Селенгинская аймачная управа вынуждена была указывать, что создалась „атмосфера беззакония и насилия“... „Власть нагайки шествует церемониальным маршем, напоминая о былом самодержавии“.

Кульминационным пунктом развития национал-демократизма является панмонгольское движение, ставящее перед собой задачу объединения всех монгольских племен при поддержке Семенова и под эгидой империалистической Японии.

Происходившая в феврале 1919 г. в г. Чите панмонгольская конференция из представителей Внутренней Монголии, Барги и Бурят-Монголии под председательством представителя Внутренней Монголии высшего духовного лица Нейсе гегена была попыткой образования государства „Великой Монголии“.

В работе данной конференции принимали активное участие Семенов и агент Японии Судзуки. Конференция вынесла решение создать „великомонгольское“ государство и сразу же избрала, так наз. „Временное правительство“ будущего государства из пяти лиц: премьер-министра Нейсе-гегена, министров военного, финансов, внутренних и иностранных дел. Затем на этой же конференции решено было создать многотысячную монгольскую армию. Устами своего ставленника Семенова Япония обещала вновь созданному „Временному правительству“ в месячный срок выдать миллион рублей и предоставить крупный заем, а взамен этого требовала предоставить японскому капиталу бессрочное право на постройку железных дорог в Монголии и пользование всеми ценными ископаемыми страны. Решением этой конференции Семенов был назначен советником первой категории и получил высший княжеский титул „цин-вана“.

Для осуществления своей панмонгольской авантюры лидеры панмонгольского движения во главе с бурятскими национал-демократами шарахнулись в сторону Японии, устремили свои взоры и надежды на страну „восходящего солнца“. С Семеновым же хотели иметь дело „постольку, поскольку за ним стояла Япония“.

Как известно, эта панмонгольская затея вскоре же потерпела крах, ибо она оказалась ненадежным средством для осуществления империалистических замыслов Японии, а главное против нее выступили трудящиеся массы Монголии и Бурят-Монголии.

Было бы ошибочным думать, что панмонголизм в отличие от доморощенного национал-демократизма есть явление, привнесенное извне в общественную жизнь Бурятии. В том-то и дело, что панмонголизм, как определенное политическое течение, с ярко выраженной националистической окраской было и продолжает быть историческим и логическим завершением бурятского национал-демократизма. Неверным и политически вредным было бы противопоставлять панмонголизм национал-демократизму.

Панмонголизм есть лишь оборотная сторона национал-демократизма. Иного толкования в этом вопросе, по нашему мнению, нет и быть не может. Панмонголизм был направлен своим острием против Советской России и против национально-освободительного революционного движения широких трудовых аратских масс Монголии и Бурятии.

Отсюда ясно вытекает, что панмонголизм является сугубо реакционным и контрреволюционным движением.

Перейдем теперь вкратце к рассмотрению некоторых других вопросов политики колчаковщины и семеновщины.

С первых же дней своего властвования Колчак и Семенов аннулировали все прежние декреты советской власти о национализации промышленности, банков, национализации земли и т. д. Ожила вся свора торгово-промышленников, спекулянтов, кулаков. Оторванные от промышленных районов Европейской России, рынки Забайкалья и Бурят-Монголии стали наводняться заграничными товарами японского и китайского производства. Началась бешеная спекуляция и вздорожание цен на товары, которое всей своей тяжестью ложилось на плечи рабочих и крестьян. Атаман Семенов был первым спекулянтом. Он конфисковал целые поезда товаров и распродавал их на рынке. За соответствующую взятку разные спекулянты получали от Семенова право провозить свой товар бесплатно и беспошлинно под видом интендантского груза и под фирмой Семенова спекулировали им на рынке в так наз. „семеновских лавках". На подобных же основаниях действовали рядом с семеновскими также японские лавки.

В области земельной политики колчаковщина и семеновщина ничего нового не внесли. Дореволюционное землепользование и земельное законодательство оставались в силе. Все ламские, нойонские, кулацкие земли, отобранные советской властью, были возвращены их прежним владельцам. Между русским и бурятским населением на почве главным образом земельного вопроса взаимоотношения все более продолжали обостряться. Местами русское крестьянское население, подпавшее под агитацию своих кулаков, самочинно захватывало бурятские земли, создавало погромные настроения против бурятского населения вообще.

Не национальный мир, а разжигание национального антагонизма характерно для периода колчаковско-семеновской реакции.

Росло глухое недовольство и брожение среди широкой трудящейся массы русского и бурятского населения. Участились случаи дезертирства из частей семеновских войск.

В своем донесении в декабре 1919 года начальник В-Удинской уездной милиции писал:

„Преступные элементы и подонки населения уезда относятся к выступлениям большевистских шаек сочувственно. Отношение населения к милиции мало сочувственно. Меры к устранению дезертирства безрезультатны, т. к. задерживаемые дезертиры из частей войск бегут. В селе Бичуре платежи не вносят" (в скобках от руки написано: „почти все большевики").

Для „водворения порядка" на места посылались семеновские карательные экспедиции.

Бурнардума тоже старалась „водворять порядок". Так летом 1919 г. она командирует члена Нардумы, бывшего тайшу Вамба-Цыренова, в Хоринский аймак „для водворения законного порядка в хошунах и успокоения населения в широком смысле этого слова".

Недовольство трудящихся масс улусов и деревень перешло в открытую вооруженную борьбу против колчаковщины и семеновщины. Вся Бурят-Монголия (Восточная и Западная) была охвачена огнем партизанского движения, особенно усилившегося к концу 1919 г. Остановимся вкратце на основных моментах партизанского движения особо в Восточной и Западной Бурятии в связи с борьбой партизан, мощной волной развернувшейся по всему Забайкалью и Иркутской губернии.

Партизанское движение в Восточной Бурятии и по всему Прибайкалью началось с осени 1919 г. Главными очагами партизанского движения здесь являлись села: Тарбагатай, Мухоршибирь, Десятниково, Бичура, М.-Куналей и ряд других сел и деревень Прибайкалья.

Руководство партизанским движением возглавляла партия большевиков. Прибайкальский подпольный комитет коммунистической партии (большевиков) в составе т.т. Вагжанова А. П., Петрова Г. Т., Камынина Г., Исаксона Н. Е., Непомнящего Л. Л., Манойленко М. К., Кузнецова И. А. руководил революционным движением в Прибайкалье. В конце апреля 1919 г. был избран новый комитет в составе Кузнецова И. А., Лебедева Е. В., Петрова Г. Т., Кузнецова А. А. и др.

Партийный комитет из Верхнеудинска посылал отдельных партийных товарищей в деревни, чтобы они на местах непосредственно возглавляли революционную борьбу партизан.

Вооруженное восстание революционного крестьянства против семеновщины началось впервые в Прибайкалье в Мухоршибирском районе.

В селе Гашее Мухоршибирского района под руководством т. Смолина Д. К. организуется партизанский отряд из 15 человек.

В ночь с 18 на 19 декабря 1919 г. этот отряд, присоединив к себе партизанский отряд в 27 человек из с. Новый Заган, вооруженный винтовками и кремневками, занял с. Мухоршибирь и арестовал находящийся там штаб участковой милиции. В Мухоршибири отряд вырос в 90 человек.

Другой партизанский отряд численностью в 42 человека, вооруженных в большинстве берданами, был сформирован под руководством братьев Смолиных Абрама, Прокопья и Фалилиева Афанасия. 21 декабря этот отряд из с. Кукуна под командой А. Фалилиева и Алферова (Орлова) занял с. Бичуру и арестовал штаб милиции во главе с начальником, офицером Гутовским. В Бичуре кукунский отряд пополнился добровольцами в 150 человек. 23 декабря было занято село Окино-Ключи, находящееся в 45 *км* от Бичуры. Здесь произошел четырехчасовой бой с семеновцами, прибывшими сюда из Троицкосавска. В этом бою семеновцы потерпели полное поражение. В течение 19—21 декабря 1919 г. партизанским движением было охвачено 42 селения на территории в 40 000 *кв. км*. Уже 22 декабря (1919 г.) был организован военно-революционный штаб Прибайкалья в составе председателя Карпова (Ковалева) и членов тт. Смолина Д., Лебедева Е., Широких-Полянского С.

Партизанская борьба шла на семи фронтах: Окино-Ключинском, северном—Верхнеудинском, восточном—Петрозаводском, Верхнехилокском—Тарбагатайском, Верхнечикойском—Енгорском, пограничном—Б. Кударинском.

Большие затруднения встречались из-за недостатка оружия, особенно огнестрельного. Партизаны шли в бой с пиками, дубинами и берданами, с 3—4 патронами против с ног до головы вооруженных противников.

Партизан поддерживали и руководили ими рабочие. Так рабочие Тарбагатайских копей передали восставшим 8 пудов взрывчатых веществ.

Усиливались силы партизан перебежчиками из воинских частей Семенова и Колчака, насильно мобилизованных последними.

Волна партизанского движения охватила Мухоршибирь, Тарбагатай, Янгажеские Ключи, Омулевку (подъем к селению Тарбагатай), Окино-Ключи, Бичуру и др. Далее партизаны овладевают Селенгинском и всем районом левого побережья р. Селенги.

Против партизан Семенов стал посылать карательные экспедиции.

Карательные экспедиции в Забайкалье начались приблизительно ранней весною 1919 г. Особенное развитие и жестокую форму они приняли в конце 1919 г., когда все Забайкалье было охвачено пожаром партизанского движения.

Из Троицкосавска для ликвидации партизанского движенья двинулся на село Окино-Ключи, Крымовский карательный отряд (дивизион имени

генерала Крымова, оперировавший в окрестностях г. Троицкосавска), потерпел полное поражение. 230 человек были взяты в плен, 60 человек убиты, а остальные бежали. Партизаны захватили до 180 тысяч патронов, 2 пулемета, медикаменты, 60 лошадей.

Из Верхнеудинска часть „дикой дивизии" из 900 чахар-монголов и русских белогвардейцев под командой генерала Левицкого была отправлена в Селенгинский район. Продвижение Левицкого сопровождалось невероятной жестокостью его банды. По его приказу вырезались из тела куски мяса, отрезались уши, носы и выкалывались глаза. Так, например, в деревне Бабкино было замучено 17 человек. В Гусиноозерии была сожжена 90-летняя старуха, много крестьян и детей. В селе Ключевском во время подобных ужасов убежали из деревни до 40 детей, которые были после найдены замерзшими под штабелями бревен. Перед приходом отряда Левицкого население бежало в лес, где многие замерзли. Сея по пути своего продвижения ужас и опустошение, Левицкий дошел до бурятского дацана у Гусиного озера. За это время он получил из Верхнеудинска подкрепление из колчаковцев (60 пехотинцев с 9 офицерами).

12 января (1920 г.) чехо-словаки заняли г. Верхнеудинск и разоружили семеновцев, чтобы тем самым благополучно пробраться на восток и спасти свою шкуру. Левицкий получив приказ срочно возвратиться в Верхнеудинск. Согласно данному приказу Левицкий выслал вперед 60 колчаковцев, а сам со своим отрядом „дикой дивизии" и колоссальным обозом, перегруженным награбленным добром, поехал вслед за ними. Монголы „дикой дивизии" с одной стороны, соблазненные массой награбленных вещей и с другой — желая уехать домой, на льду Гусиного озера перебили всех русских семеновцев, в том числе убили самого генерала Левицкого.

Известие о происшедшем бунте монгол произвело панику среди семеновцев, так как до сих пор они считали их своими надежными защитниками.

Подобный распад и разложение происходило во всех войсковых частях Семенова.

Полнейшая деморализация в армии, пьянство, разгул и разврат в командных правящих верхах царили в стане разнузданной забайкальской атаманщины.

Видя, что Семенову приходит конец, Япония предприняла попытку более решительно помочь своему агенту. Японские карательные отряды из Петрозаводска, в количестве 800 человек выступившие на помощь семеновцам, сожгли несколько деревень на р. Хилок. Партизаны не оробели перед хорошо вооруженными японскими войсками и дали им ряд боев, в результате чего численность японского отряда сократилась вдвое.

Бурятские ноены и кулаки усиленно агитировали за японцев. Японские солдаты по приказу своих командиров молились в бурятских дацанах (монастырях). Ясно, что тут проводилась хитрая паназиатская политика, чтобы завоевать симпатию со стороны бурят-монгольских масс.

Но трудящиеся Восточной Бурятии, испытавшие тяжелый гнет со стороны семеновщины, стали активно помогать партизанскому движению, снабжая продовольствием, фуражем, мобилизуя людей для пополнения партизанских отрядов, выступая с оружием в руках на решительную борьбу против внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции и интервенции.

Остановимся особо на развитии партизанского движения в западной части Бурятии, которое происходило в неразрывной связи с общим партизанским движением в Иркутской губернии.

Впервые зачатки партизанской борьбы на территории Западной Бурятии начинаются вооруженными действиями революционеров, сбежавших из известного по всей России Александровского централа. Эта борьба

примерно, происходила в первой половине сентября 1919 г. в районе нынешнего Боханского аймака. Эта группа революционеров-партизан получила активную поддержку со стороны группы бурятских коммунистов-подпольщиков. Малочисленная и плохо вооруженная группа партизан, состоявшая сначала из революционеров, сбежавших из Александровского централа, не могла устоять против хорошо вооруженных карательных отрядов Колчака. Понеся большие жертвы в неравной борьбе, эта партизанская группа отступила вглубь тайги, ушла на Идугу на Лене и присоединилась к партизанским отрядам т. Зверева.

Осенью 1919 г. в районах нынешнего Аларского аймака и тогдашнего Черемховского уезда оперировал маленький партизанский отряд братьев Уваровых. В данном отряде находились буряты и, в частности, бурят-батрак т. Зельянов. Малочисленный отряд братьев Уваровых насчитывал в своих рядах не более 35 человек. Активной наступательной борьбы такой отряд понятно не мог вести. Поэтому борьба носила преимущественно оборонительный характер.

Партизанское движение в западной части Бурятии принимает все более широкий, массовый характер с явно наступательной тенденцией с ноября—декабря 1919 г. Главными руководителями партизанских отрядов были: Зверев, Каландарашвили, Бурлов и др. Остановимся вкратце на деятельности их отрядов против колчаковщины за власть советов.

Большой партизанский отряд т. Бурлова оперировал в низовьях р. Ангары. В ноябре месяце 1919 г. он наступает по направлению к г. Балаганску и без особых трудов занимает один из районных центров—с. Усть-Уда. По мере приближения к Балаганску отряд т. Бурлова стал расти как снежный ком за счет революционно-настроенного местного крестьянства и к началу декабря отряд уже называется дивизией. С начала декабря партизанская дивизия т. Бурлова начала уже предпринимать решительные наступления. Без боя было занято крупнейшее село Шиверы и затем Коновалово. В конце декабря 1919 г. также без боя был занят г. Балаганск. Население города и с. Малышевки устроило восторженную встречу с красными флагами революционной партизанской дивизии т. Бурлова.

Почти одновременно в центре угольной промышленности Восточной Сибири—в г. Черемхове рабочие путем вооруженного восстания захватывают в свои руки власть. Таким образом такие центры, как Черемхово, Балаганск, очутились в руках рабочих и крестьян. Волна партизанского движения охватила и бурятские улусы.

Под руководством вышеупомянутой нами Кондойской группы (она же называлась и Нельхайской группой) бурятских коммунистов происходит революционный захват власти в Нукуте—резиденции тогдашнего Ангарского аймака. Данная группа бурятских коммунистов, как указано выше, работала под руководством Черемховской подпольной организации большевиков. По поручению Черемховского подпольного комитета большевиков еще в конце августа 1919 г. был создан штаб партизанской борьбы, называвшийся тогда „Кондойский районный партизанский штаб коммунистов-большевиков". В задачу этого штаба и группы входили агитация и пропаганда идей коммунистической партии и советской власти, организация вооруженной борьбы против контрреволюционной колчаковщины.

В своей резолюции от 30 декабря 1919 г. Кондойский комитет группы бурятских коммунистов постановил:

1) инициативу захвата власти в аймаке взять на себя;

2) создать с этой целью и для управления аймаком впредь до организации правильных выборов временный аймачный революционный комитет;

3) широко оповестить население аймака воззваниями, листовками и посылкой агитаторов о совершившемся перевороте и его значении для трудовых масс населения;

4) немедленно установить связь и сношения с соседними советами и штабами советских войск для координирования своих действий, направленных к установлению советской власти и к организации планомерной продовольственной помощи армии.

Вновь организованный аймачный ревком ставил перед собою задачу восстановления и установления советской власти, помощи Красной армии, организации правильных выборов хошунных и аймачных советов, борьбы за новый революционный порядок против безвластья, грабежей, мародерств и прочих бесчинств, подрывающих престиж новой революционной власти. Ревком, обращаясь к трудящимся массам аймака, призывал не верить контрреволюционным провокациям кулаков, спекулянтов и прочих реакционных элементов по адресу большевиков и советской власти.

Воззвание кончалось лозунгами:

„Да здравствует советская власть!

Да здравствует грядущая мировая социалистическая революция!

Да здравствует III Интернационал и братство народов!"

Вот таким путем на развалинах сгнившего на корню вместе со всей колчаковщиной аймачного земства, как одного из органов буржуазной диктатуры, создавалась советская власть как форма пролетарской диктатуры под руководством большевиков.

Необходимо далее остановиться на героической борьбе „дедушки" Каландарашвилли—анархиста, который активно работал в контакте с советской властью. Сила победоносной пролетарской революции доказала ему правоту коммунистической партии. В 1920 г. Каландарашвилли переходит в ряды большевиков.

В конце августа 1918 г. во время контрреволюционного наступления отряд т. Каландарашвилли, в количестве 2000 бойцов, отступил в район нынешнего Селенгинского аймака. Ненадежные и неустойчивые элементы в критические моменты революционной борьбы разбежались, а наиболее крепкое революционное ядро, в количестве 800 человек, осталось вместе со своим начальником до конца победы над реакцией. С остатками отряда Каландарашвилли пробирается в Монголию, но потом решает вернуться в Россию для активной вооруженной борьбы с колчаковско-семеновской реакцией. Осенью 1918 г. он перебирается через гольцы Саянского хребта, преодолевая весьма трудные природные условия, в пределы Иркутской губернии. После одного из сражений с белогвардейским отрядом Каландарашвилли вынужден был временно прекратить открытую вооруженную борьбу и выждать удобный момент для нового наступления. Спустя ровно год Каландарашвилли внезапно появился в районе Боханского аймака и стал оперировать со своим отрядом. За время своей деятельности в Боханском аймаке он привлек на свою сторону много трудящихся бурят, в том числе и т. Балтахинова П., впоследствии зверски убитого белобандитами.

После почти полной ликвидации белогвардейского отряда генерала Сукина на Лене отряд Каландарашвилли вернулся в Иркутск и затем по железной дороге перебрался в Забайкалье для участия в окончательной ликвидации „читинской пробки".

Под руководством коммунистической партии в Боханском районе в декабре 1919 г. т. Балтахиновым был организован бурятский партизанский кавалерийский отряд в числе около 60 человек. Впоследствии отряд т. Балтахинова был слит с Зиминским кавалерийским полком и затем переброшен на семеновский фронт в Забайкалье.

Главным руководителем всего партизанского движения в Иркутской губернии был т. Зверев, который являлся главнокомандующим партизанской армией на северо-восточном фронте.

Так трудящиеся массы Западной Бурятии вместе со всеми трудящимися Восточной Сибири под руководством большевистской партии боролись против колчаковщины за рабоче-крестьянскую власть.

Партизанское движение в колчаковском тылу разгоралось все сильнее и сильнее, а на западе Красная армия неудержимо двигалась к Омску, одерживая победу за победой над колчаковской армией. Наконец, 14 ноября 1919 г. был занят Омск, и вся контрреволюционная гниль была охвачена животным страхом.

За несколько дней до падения Омска „верховный правитель" выехал в специальном поезде на восток. Происходило паническое бегство на восток всей колчаковской своры. Вдоль Сибирской железной дороги тянулась бесконечная лента поездов с „беженцами", в число которых входили „доблестные" отряды чехо-словацких войск.

Один из активных участников революционной борьбы в Сибири (г. Ширямов) так описывает положение колчаковщины после падения Омска: [1]

„Фронта уже не существовало. Окончательно разгромленные белые бесформенной массой откатывались к Красноярску, тысячами сдаваясь в плен и поднимая восстания. Вместо Сахарова был назначен командующим генерал Каппель. Впоследствии остатки трех колчаковских армий, которые он сумел объединить вокруг себя, именовались уже просто группой Каппеля. Железная дорога была захвачена чехами, уходившими на восток с награбленным имуществом; они везли с собой все, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, моторные лодки, пианино, огромные запасы провианта, обмундирование, мануфактуру, военное снаряжение и пр. и пр. В ленте их бесконечных эшелонов где-то двигался Колчак со своим поездом и двумя эшелонами золотого запаса России. Платя целые состояния за места в поездах, бежали на восток буржуазия".

Теперь послушаем откровенное признание одного из более умных и дальновидных помощников Колчака, барона А. Будберг, который в своих мемуарах пишет:

„А сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани, наступает регулярная Красная армия, не желающая—вопреки всем донесениям нашей разведки—разваливаться: напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способность сопротивляться и почти без боя катимся и катимся" [2].

Так смертельно ушибленные событиями, наступлением революционных сил на фронте и в тылу, эти „чудо-богатыри" разбитой колчаковской армии в беспорядке, в полной растерянности отступали вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, совершая так наз. „геройский ледяной поход".

Дни колчаковщины были уже сочтены. Судьба верховного правителя была предрешена.

Организованный к этому времени в Иркутске эсерами и меньшевиками, совместно с буржуазными „общественными" деятелями Сибири, Политический центр начал подготовлять вооруженное выступление против Колчака.

Большевистские организации Иркутска и работавший там подпольный Сибирский комитет коммунистической партии также подготовляли выступление для ликвидации остатков колчаковской власти. Большевиков поддерживали крестьянские партизанские отряды, в руках которых находилась почти вся Иркутская губерния.

---

[1] Цитировано из книги—Е. Якушкина, Колчаковщина и интервенция в Сибири. Гиз, 1928, стр 89 - 90.

[2] Гражданская война в Сибири и Северной области. Гиз, 1927 г., стр 164.

В конце декабря (1919 г.) состоялось выступление Политцентра, начались бои с белогвардейскими отрядами. Чехи стали на сторону Политцентра.

В январе 1920 г. в Иркутске создалось нечто вроде двоевластия. С одной стороны, существовал Политический центр, с другой — Сибирский комитет коммунистической партии самостоятельно проводил свою линию.

Политцентр был своеобразной реставрацией доколчаковских отношений т. е. периода разных сибирских правительств, с одной разницей. В то время как в 1918 г. эсеровские правительства вели борьбу с советами, Политцентр хотел с Советами мира, но с условием — создать в Восточной Сибири буферное демократическое государство. Делаются попытки переговоров с командованием Красной армии в этом направлении.

В это время чехи привезли в Иркутск Колчака и поезд, заключавший в себе свыше 10 тысяч пудов государственного золотого запаса. С согласия представителей Антанты чехо-словаки выдали Политическому центру Колчака и золотой запас с тем условием, чтобы их беспрепятственно пропустили через туннели Кругобайкальской железной дороги для дальнейшего продвижения на восток.

Между фронтом Красной армии на западе и Иркутском пололи на остатки разбитой колчаковской армии под командой генерала Каппеля. Политический центр собирался „сговориться" с каппелевцами и мирно пропустить их через Иркутск. Похоже было на то, что Политцентр думает опереться на каппелевцев как на свою силу. Сибирский комитет партии большевиков с этим, конечно, не мог согласиться и требовал от Политического центра сдачи власти. Беспомощный и не имеющий под собою социальной опоры, политически бескребетный Политцентр, после некоторых словесных протестов, вынужден был подчиниться этому категорическому требованию. 21 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к большевистскому Военно-революционному комитету. Тем временем полчище в 12000 человек каппелевцев все приближалось к Иркутску. Они потребовали немедленно очистить город, выдать в их руки Колчака и золото. Положение становилось угрожающим.

На рассвете 7 февраля 1920 г. „верховный правитель России" адмирал Колчак вместе со своим премьер-министром Пепеляевым по приговору Иркутского губернского революционного комитета были расстреляны и спущены в прорубь реки Ангары...

С большим восторгом встретило трудящееся бурятское население падение колчаковской власти, в свержении которой оно приняло, под руководством коммунистической партии, активное участие.

Период падения колчаковщины нашел свое отражение в бурят-монгольском фольклоре. Бурятская молодежь пела:

Десятисаженный пароход
На ангарских водах провалился,
Бывший адмирал Колчак
При советской власти провалился.
Девяностосаженный пароход
В енисейских водах провалился,
Бывший генерал Колчак
При советской власти провалился.

Где же выдровая шапка?
— На спице, вбитой в стену.
Где же буржуй Колчак?
— В черноземной могиле.
Где же соболья шапка?
— На спице, находящейся в углу.
Где же буржуй Колчак?
— В могиле из сырой земли.

Выручить Колчака семеновцам не удалось. Предпринятый поход на Иркутск кончился крахом. Семеновцы решили жестокостью запугать красных. Особенно памятна для этого периода Троицкосавская бойня.

Там кровавая расправа озверевшей контрреволюции происходила в течение двух рождественских недель в декабре 1919 г. над большевиками, которые были эвакуированы во время отступления колчаковской армии из уфимской и златоустовской тюрем в г. Троицкосавск. В число этих политзаключенных входило около 500 человек, снятых из частных деревень и города Троицкосавска за причастность к большевизму и советской власти. На этом факте зверской расправы белогвардейщины, перед которой бледнеет всякая „варфоломеевская ночь", нужно особо остановиться.

Белогвардейцы сначала выбирали „на глаз", „по внешнему виду" — так наз. головку политзаключенных. После короткой комедии суда, показав на портрет Николая II в ознаменование того, что судит не он, а он, объявили расстрел этим политзаключенным. В подвале одной из казарм приговор был приведен в исполнение. Приговоренных убивали шашками, так как это, по выражению одного из участвующих офицеров, „весьма удобно было для навыка и практики". „Героями" этих расправ являлись заведующий троицкосавской тюрьмой офицер Котлятенко, его заместитель Пашкевич и помощники Емельянов и Федоров. Особенно отличался в этом кровавом пиршестве комендант красных казарм сотник Соломатов. Арестованные „выпускались" из тюрем целыми партиями по 50—60 человек каждая, расстреливали их в подвалах. За первой партией, вышедшей в „расход", направлялась другая, третья. Из подвала уже никто не возвращался. В тиши под землей происходили кровавые зверства. Семеновские палачи этим не удовлетворялись. Ватага пьяных офицеров и казаков врывалась в казармы для издевательских развлечений. „Одних быстро арестованных,—пишет один из активных участников партизанской борьбы в Прибайкалье т. Назимов,—били их с таким расчетом, чтобы от удара кулаком или револьвером жертва повалилась и от другого удара стала на место. При взрывах пьяного хохота упражнялись снова и снова до тех пор, пока лица этих несчастных не заливались кровью. Этой кровью поили арестованных. В то время как одни занимались кровавыми пытками, другие как псы стояли в очередях над женщинами".

Ужасная неописуемая картина царила в эти жуткие и последние дни белогвардейщины. Лес, подвалы, кирпичные сараи, колодцы были наполнены человеческими трупами. Окровавленные, изуродованные люди со стоном и воплями ползали по полу, прятали головы в углы, под одежду, под трупы. Оставшиеся в живых от рубки и расстрелов на дворе отползали от казарм в лес и здесь умирали.

Зажатые со всех сторон кольцом партизанских отрядов, семеновские палачи стали ускорять ликвидацию красных казарм. Убивать и расстреливать стали быстро, без каких-либо процедур издевательства. В несколько минут очищали целые отделения тюрьмы. Когда этот способ казался медлительным, палачи пытались оставшихся больных, заключенных из тюремной больницы, отравить ядом, но яд не подействовал... Тогда озверевшие пьяные семеновцы прикончили их из револьверов, рубкой и просто прикладами по голове.

Погибло около 2 тысяч человек, а спаслось не более десяти человек.

„В лесу, начиная от самых казарм, в каждом овражке, всюду под сосенками лежали в защитной позе трупы. Лица их были настолько выразительны, что весь ужас мученья остался на них, как бы сфотографированным и закрепленным морозом в момент самой казни. Следы на свежем снегу свидетельствовали о том, как еще вчера эти изрубленные люди в последнюю минуту жизни ползали в ночной темноте по снегу и при

37-градусном морозе, истекая кровью, свернувшись в клубок, умирали где-нибудь под сосной. Иссеченные руки их показывали, как живой человек защищался. Дальше были груды изуродованных трупов, которые своими неестественными позами производили ужаснейшее впечатление. Костюмы на погибших с подлинностью говорили о моментах времени расправы. Одни были в нижнем белье,—это очевидно только что собравшиеся спать. Другие в полном одеянии, некоторые босые, в брюках, без пиджаков, другие или в одном туфле, сапоге или чулке. Одни с мучительным выражением лиц, с открытыми глазами, другие в самом спокойном состоянии, как будто бы они только уснули"[1]. Так описывает т. Надинов эту потрясающую по своей жестокости картину зверской расправы умирающей белогвардейщины.

Ясно, что никакие зверства семеновских палачей не могли остановить быстро движущийся поток революционных событий. Все сильнее и теснее сплачивалась сила революции. На состоявшемся с 25 по 28 января 1920 г. съезде в Бичуре был организован военно-революционный штаб Прибайкалья. Под его руководством все партизанские отряды были объединены, переформированы в полки. В состав военно-революционного штаба входили: главнокомандующий т. Лебедев, начальник штаба т. Добронравов, члены штаба: тт. Савельев и Антонов.

На этом же съезде был избран ЦИК Прибайкалья, который являлся руководящей революционной властью для всего охваченного восстанием края. Все декреты ВЦИКа и Совнаркома РСФСР были признаны обязательными для всего Прибайкалья.

В феврале 1920 г. после упорного боя с семеновцами была взята казачья станица Б.-Кудара и был занят г. Троицкосавск.

На соединение с партизанской армией в Прибайкалье из Иркутска двигался отряд Калашникова.

В свете этих угрожающих событий против семеновской власти и интервенции японское командование стало держать себя несколько сдержанно. Американцы стали даже заигрывать с партизанами.

Кроме того, американцы всячески старались итти навстречу общественным организациям и путем частых подарков (например, земской больнице), американцы хотели завоевать симпатию со стороны местного населения. Ясно, что все эти хитрые маневры объяснялись внутриимпериалистическими противоречиями САСШ и Японии.

Наголову разбитые Красной армией с запада, в феврале 1920 г. нахлынули в Прибайкалье остатки колчаковской армии Каппеля — Войцеховского, оставляя на своем пути трупы невыдержавших похода людей и лошадей, разоряя догола население и распространяя тиф. Разбитые и совершенно деморализованные, каппелевцы не могли проникнуть вглубь районов, и все их попытки в этом направлении отбивались партизанами.

Процесс приобщения бурятского трудового населения к революционному движению происходил быстрым темпом. 20 февраля состоялся съезд представителей сомонов Хоринского аймака с участием членов Временного бурятского инициативного комитета и представителей Удинско-Илькинского военно-революционного штаба для обсуждения вопросов текущего политического момента. На этом съезде было решено активно бороться совместно с русскими трудящимися массами против колчаковщины и семеновщины. Центральный исполнительный комитет Прибайкалья съезд признал как временную местную революционную власть и обратился к крестьянству района с предложением образовать местную революционную власть в составе 8 представителей от русской и бурят-монгольской части населения для ведения совместной революционной работы и оказания помощи фронтам.

[1] Б.-М. П. от 19—XII 1929 г. за № 291, статья „Кровавая неделя".

После упорного боя Забайкальской и Восточносибирской армией и партизанскими войсками Прибайкалья был занят 2 марта 1920 г. город В.-Удинск. Было взято много пленных, оружие, обмундирование и продовольствие.

После занятия В.-Удинска очищение Прибайкалья от семеновцев и каппелевцев пошло быстрым темпом, и в половине марта 1920 г. Прибайкалье было уже совсем от них освобождено. После этого партизанские войска были расформированы и влились в части Народно-революционной армии.

После очищения Прибайкалья от семеновщины 6 апреля 1920 г. в г. Верхнеудинске на съезде трудящихся и партизан Прибайкалья было принято решение об образовании Дальневосточной республики (ДВР) и избрано Временное правительство. 14 мая Советская Россия официально признала ДВР. В то время власть этого правительства фактически распространялась лишь на территорию Прибайкалья, так как на остальных территориях Дальнего Востока еще окончательно не были ликвидированы контрреволюционные власти.

Между тем под напором с запада армии Дальневосточной республики, с востока армии амурских партизан Семенов как контрреволюционная сила стал таять не по дням, а по часам. Семенов хотел еще удержаться при помощи японских штыков, но потерявший всякую реальную силу атаман больше не нужен был своему иностранному хозяину. „Мавр сделал свое дело — мавр может уйти". В своей телеграмме от 3 августа 1920 г. военный министр Японии Танака вынужден был сообщить атаману Семенову, что японское правительство не считает его достаточно сильным для того, чтобы он мог провести „великую цель", которая обеспечивает японскому народу великую будущность.

Оказавшись таким образом не у дел, „безработный" атаман, окруженный со всех сторон огненным кольцом восставших рабочих и крестьян, предлагает свои „услуги" Советской России. Это жалкое обращение обанкротившегося контрреволюционера сводилось к тому, что атаман Семенов лично с верными ему частями уходит в Монголию и Манчжурию, предоставляя „буферному государственному образованию образоваться вне всякого его участия". Семенов обещал Советской России воевать с Японией на материке, в Манчжурии и Корее. За эту услугу он требовал от советской власти вооруженную помощь, финансирование в пределах до 100 000 000 иен и обязательство свободного проезда в торжественной обстановке поезда атамана и манчжуро-монгольских делегаций по всем линиям ж. д. Сибири и России.

Ясно, что это предложение атамана о „сотрудничестве" с Советской Россией было отвергнуто.

Положение в „авангарде российской государственности", как величали себя семеновцы, становилось все хуже и хуже. Растерявшийся и оказавшийся в военно-политическом тупике атаман начал обращаться ко всем железнодорожным рабочим, крестьянам, казакам и бурятам, чтобы итти вместе с ним к „великому служению хозяину земли русской — великому народоправному русскому народу", обещав при этом, что его (т. е. Семенова) первая забота будет об них. Понятно, никто из трудящихся этим насквозь лживым обещаниям агента российской монархии не поверил.

Никакие атамановские маневры не могли остановить победное шествие партизанского движения на Дальнем Востоке. Под дружным натиском партизан Прибайкалья, Забайкалья и Амура в ночь с 20 на 21 октября (1920 г.) была взята Чита, и атаман Семенов и каппелевцы были выброшены в Манчжурию. „Читинская пробка" была ликвидирована.

Таков был бесславный конец наймита японского империализма, выдвинувшегося на сцену истории гражданской войны в России как контрреволюционная накипь.

В освобожденной от белогвардейщины Чите 29 октября 1920 г.) состоялась конференция из представителей областных правительств Амура, Верхнеудинска, Забайкалья, Сахалина и Камчатки, подтвердившая образование ДВР. На данной конференции вся территория б. Российской империи к востоку от р. Енисей и озера Байкала до Тихого океана, включая области Западнозабайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и Камчатку, декларировалась независимой, самостоятельной республикой со дня опубликования декларации независимости 6 апреля 1920 г.

После ухода японцев и окончательного разгрома белобандитов на всей территории Дальнего Востока, 13 ноября 1922 г. в Чите открылось Народное собрание ДВР, постановлением которого от 14 ноября ДВР была ликвидирована. На всем русском Дальнем Востоке была объявлена власть Советов. Созданному на этом же собрании Дальревкому было поручено провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией и установление повсеместно в крае советской власти.

Несмотря на жестокое сопротивление буржуазии, советская власть вышла победительницей в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией.

Советский союз под руководством ленинской партии и ее Центрального комитета во главе с т. Сталиным стал непобедимой страной строящегося социализма.

Трудящиеся братской полуфеодальной Бурят-Монголии, жестоко и безжалостно эксплоатировавшиеся как рабы царской колонии, теперь благодаря Октябрьской социалистической революции и диктатуре рабочего класса, минуя стадию капиталистического развития, вместе со всем рабочим классом и трудящимися массами нашего необъятного Советского союза выполняют великую историческую миссию по построению бесклассового социалистического общества.

Ф. САХАЛТУЕВ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ КОНДОЙСКОГО КОМИТЕТА БОЛЬШЕВИКОВ

I

На фоне все большего и большего нарастания революционных, сильнее острых встречных действий борющихся классов энергично начали развиваться в Бурятии новые побеги большевиков, сочувствующих активистов-революционеров, готовых стать в одну шеренгу красных бойцов. В частности, новые ростки возникли осенью 1919 г. в Бохане во главе с Балтахиновым (анархист), в Мольке с учителем П. Б. Распопиным (большевик) и в других местах.

Оба эти славных борца,—Распопин во время кулацкого восстания осенью 1920 г., Балтахинов в 1921 г.,—были убиты.

В этот же период (осенью 1919 г.) возникла Кондойская организация большевиков. Кондойская организация, тоже находясь в зародышевом состоянии, отличалась от Мольки и Бохана тем, что сразу с первого момента зарождения впитала в свои ряды значительное число вполне оформившихся большевиков, закаленных в борьбе с сибирской реакцией и имеющих уже значительный революционный подпольный стаж. Прежде всего в список их должны быть занесены русские товарищи—александровцы, а из бурят Ф. И. Павлов, К. П. Кушенов, В. И. Трубачеев, С. Николаев и Н. Балдаев. Они были организаторами, идейными руководителями группы.

II

Примерно, в середине ноября 1919 г. я узнал от И. П. Васильева, что в Черемхове состоится нелегальное собрание, целью которого, по рассказам Васильева, являлась подготовка к восстанию против колчаковщины. Тов. Васильев передал об этом под большим секретом и неоднократно предупреждал, чтобы я никому об этом не говорил и сам был бы осторожен.

В назначенный день (числа не помню) поехал я в Черемхово. Здесь встретился с В. Трубачеевым, И. Васильевым и другими, об участии которых на собрании узнал от Васильева. Но однако ни я, ни они не дали друг другу знать о цели нашего пребывания в Черемхове.

Около 8—9 часов вечера, было уже темно, я направился в дом Ботова, одного из крупнейших коммерсантов в Черемхове. Я точно не знал в каком помещении будет собрание, наводить же справку было нельзя. Я попал в первое крайнее помещение, большое, имеющее казарменный вид. Из окна неустанно наблюдал в улицу с целью увидеть кого-нибудь из тех, которые должны были участвовать на собрании. Вдруг незаметно зошел в помещение т. К. П. Кушенов. Я о нем знал, что он из ул. Керб—Булак и что он в 1917 г. был большевиком, но лично близкого знакомства не имел. Он же, как позже рассказывал, знал, что я из улуса Зантей, бузивший в 1918 г. в Нукуте на собрании хош. Зургана. Но однако

ни он, ни я друг к другу не подошли. Вспоминая в 1927 г. об этой встрече, он рассказывал, что мое присутствие его несколько взволновало.

Недолго крепилось терпение. Скоро один за другим начали подходить товарищи, в том числе явился т. Васильев. После прихода его и других, которых я знал (Балдаев, Трубачеев) почувствовал я себя несколько свободнее. Скоро собравшиеся были в полном сборе. Приблизительный список участников собрания: два русских товарища, а из бурят—Ф. И. Павлов, К. П. Кушенов, В. Трубачеев, Н. Балдаев, С. Николаев, Васильев и Т. Еланов. Фамилии русских товарищей уже позабыл; как будто бы один, постарше, Крючков или Крюков, второй помоложе Табаков (точно не помню).

Припоминаю, что после появления русских товарищей, стали обсуждать, где устроить собрание. Кто-то заметил, что проводить собрание в этом помещении небезопасно. Ныне покойный Павлов предложил пойти в другое помещение. С ним все согласились. Один из присутствующих порекомендовал итти небольшими группами, не более 2—3 человек.

Собрались в небольшой дом, состоящий из одной комнаты и принадлежащий рабочему-слесарю, который любезно принял нас и заботливо предупредил, что окна без ставней. Павлов озабоченно вертелся на своих несовсем статных ногах, произительно поглядывая по сторонам и поминутно повторял: „тише, тише". Хозяин дома (фамилию не помню) предложил вместо ставней закрыть окна подушками. Так и сделали. Я и еще кто-то придерживали подушки у окон. Началась работа собрания.

Собрание открыл не то Трубачеев, не то Павлов. Насколько мне припоминается, первым вопросом был доклад о текущем моменте и задачах большевиков, вторым—организационные вопросы, в том числе выборы комитета.

По текущему моменту и задачам революционеров-большевиков было констатировано, что усиленный натиск с запада Красной армии заставил белых сдавать позиции за позициями. Массовое развитие партизанского движения и все большее нарастание революционных сил являются признаками неизбежного крушения колчаковщины в ближайшее время. Отсюда и определялись политические задачи. Первой и основной задачей была поставлена подготовка к разгрому колчаковщины и земства и к захвату власти. Важнейшей задачей являлось такие оказание всемерной помощи товарищам, освободившимся бегством из Александровского централа. Оказание материальной помощи александровцам и снабжение их документами для отвода от следящего колчаковского ока и тем самым для освобождения от кровавой кары входило в круг боевой работы организаций. Правительственным объявлением предлагалось сбежавших из Александровского централа расстреливать без суда и следствия на месте, где бы они ни были захвачены.

Выступающих по текущему моменту и задачам большевиков было немного. Припоминается, говорили Трубачеев, Павлов и Николаев. Смысл выступлений сводился к анализу политического состояния и более точному и полному определению задач. Вместо комитета было избрано организационное бюро в составе Трубачеева, Ф. Павлова, С. Николаева, В. Васильева и К. Кушенова.

Исчерпав вопросы повестки дня, начали приготовление документов для александровцев в виде удостоверений личности и командировочных мандатов. Тов. рабочий (хозяин) хорошо умел на пергаментной бумаге снимать оттиски печати и с нее переносить на документы. Колька Балдаев хорошо подделывал подписи, особенно бесподобно подпись начальника колчаковской милиции Буртонова. Так было заготовлено достаточное количество документов, которыми предполагалось снабдить александровцев.

III

Следующее собрание назначалось в Кондое. Проведение подготовительной работы возлагалось на бюро. В назначенный день в Кондой явилось порядочное количество товарищей. Собрание состоялось в доме отца И. П. Васильева. Оно оказалось довольно многолюдным. Присутствовали не только участники первого собрания, но было много и новых. Припоминаю из них П. А. Малакшинова, М. П. Хайдурова, А. Ф. Матханова, В. Е. Ильина, Е. Лосева, А. Ф. Тыхеева и ряд других. Приехали также два русских товарища из Черемхова.

Первым вопросом ставился опять доклад о текущем моменте. Докладчиками выступали те же товарищи, которые информировали на первом собрании. На этот раз доклад оказался более полным, с большим материалом о новых событиях в Иркутске, Черемхове, а также о состоянии на фронте. Докладчики располагали сведениями о подготовительной работе Иркутской организации большевиков для свержения в Иркутске колчаковской власти.

Решение, сколько помнится, сводилось к подготовке захвата власти, установлению связи с партизанскими отрядами, с отдельными товарищами (И. Мунковым, Н. Ангаповым), а также к сбору средств, продовольствия, теплой одежды как для александровцев, так и для действующих партизанских отрядов.

На этом собрании производили вербовку членов. После заявления о желании быть членом партии большевиков (так называли ВКП(б), вступающего удаляли и в отсутствии его подробно разбирали достоинства и недостатки кандидата.

На этот раз избрали комитет. Подробное название комитета вызвало затруднение. Пытались назвать Кондойским комитетом большевиков СДРП, Кондойским революционным комитетом большевиков. После предварительного обсуждения, если память не изменяет, назвали Кондойским революционным комитетом большевиков. (Историк на основе документов внесет поправки, я же только восстанавливаю основу).

Во время собрания, когда работа уже подходила к концу, приехал представитель Боханского отряда Балтахинова т. П. В. Баханов для установления связи. Он информировал собрание о наличии отряда, о его работе и больших его перспективах. Ответную информацию о нашей организации дал т. В. И. Трубачеев. Приезд т. Баханова являлся первым лучом контакта разъединенных ячеек и концентрации революционных сил.

Собрание избрало комитет, в состав которого вошли тт.: В. И. Трубачеев (председатель), Николаев, Ф. Павлов, К. Кушенов, И. Васильев, Малакшинов и др.

На этом собрании почти все получили задания. Главными заданиями были: укрепление связи с партизанскими отрядами и революционными организациями, сбор средств, снабжение оружием и развертывание агитационной работы.

Следует заметить, что нам было известно только по рассказам наличие каких-то партизанских отрядов, но каких именно, район действия, размер их, осталось неизвестным.

Вспоминаю, что в агитационную группу вошли: Н. Балдаев, Е. Лосев, С. Николаев и другие (точно не помню). Николаев был назначен руководителем. Работе этой группы придавалось исключительно важное значение. Еще в 1919 г., по крайней мере для руководящих товарищей, была ясна огромная сила большевистской агитации и пропаганды в деле правильного направления политической мысли трудовой массы, правильной политической ориентировки и марксистского революционного воспитания массы. Работа нашей агитационной группы понималась, как важнейшее средство для поднятия классового самосознания сельскохозяйственных

пролетариев и улусной бедноты, для политической подготовки их к классовым боям с кулачеством.

Группа в работе имела блестящие успехи в улусе. Одним из показателей успеха агитационной работы в массе может служить тот факт, что к моменту разгона колчаковщины и земства Кондойская организация насчитывала в своем составе до 40 человек. Новое пополнение состояло преимущественно из батраков и бедняков. К числу их в первую очередь относились: Комиссаров Платон, Нигматулин, Столяров, Середкин, Хомхалев, Савитский и другие, которые десятками лет работали у нельхайских кулаков.

Агитационная группа, окрыленная большим успехом своей работы, рискнула выступить на учительской конференции в Батхае (кажется, выступал Балдаев или Лосов).

Работа комитета была конспирирована, но довольно большой круг жителей Кондоя знал, что в доме Васильева собираются большевики.

В число командированных для установления разных связей вошел и т. Я поехал в Шилот, Нукут, Тангут до Зимы. В мое задание входило установление связи с партизанскими отрядами, выяснение политической ситуации в аймачной земской управе, встреча с отдельными товарищами и информация их о работе Кондойского комитета. Мне удалось связаться с И. Мунковым (он учительствовал в Шолотах) и Н. Ангаповым (учительствовал в Тангутах).

В аймачном центре больше того, что нам было известно, выяснить не удалось. Членов земуправы, которых я знал, не было, да и вообще в управе оставался один председатель В. Егоров. Также отсутствовал управляющий аймаком Ажагаев. Общее вынесенное мною впечатление было таково, что вся колчаковская и земская власти находились в панике перед приближением покового конца, неизбежного падения. Тангут, где учительствовал Н. Ангапов, был занят партизанским отрядом Черных. Здесь задержали Сорокина, колчаковского управляющего Балаганским уездом, ехавшего через Тангут в Иркутск.

После 1917 и 1918 гг. я впервые в Тангутах увидел красный флаг, партизан с красными камзолами через левое плечо, с красными бантами на груди и шапках. Красовались плакаты с партизанскими лозунгами: „Да здравствует советская власть", „Долой Колчака", „Вся власть Советам".

Имел беседу с начальником отряда т. Черных. Он был выше среднего роста, статный, с крепко развитой мускулатурой, с спокойными глазами и длинным лицом, говорил просто на крестьянском жаргоне. Беседа тянулась недолго. Он разговору придал агитационный тон, говорил, что его отряд борется за землю, свободу и т. д. Я же в свою очередь рассказал о цели командировки и о задачах, стоящих перед Кондойской организацией большевиков. Из Тангута вернулся в Кондой и сделал информацию о результатах поездки.

IV

Около середины декабря комитет открыто занял дом местного кулака Сидорова с выделением штаба. К тому времени работа Кондойского комитета приняла довольно широкий размах. Заседания комитета проводились почти ежедневно, не менее регулярно—общие собрания членов организации, при штабе—постоянное дежурство и наряды лошадей. Был создан приличный материальный фонд, в населении уже открыто проводились собрания. Комитет насколько стал известен населению, что были случаи обращения в комитет посетителей по самым разнообразным вопросам, следовательно в декабре организация фактически легализовалась.

Примерно, в этот же период в Иркутске совершился переворот и образовался так наз. Политический центр.

Не лишним считаю отметить, что атмосфера среди черемховских кондойских рабочих еще до переворота достигла предельной революционной готовности. Достаточно было небольшого толчка, чтобы вспыхнуло восстание.

Кондойский комитет в такт с общим течением революционных событий тоже подготовлял массы. Ближайшей центральной политической целью комитета являлось выступление в Нукут для окончательного снятия представителей колчаковской власти в лице Аларгаевых, Алсыкановых, Богдановых, а также гнилого земства.

Итак во второй половине декабря Кондойский комитет принял решение совершить революционный переворот в Ангарском аймаке, захватить власть. Не один раз назначали день выступления. Наконец, окончательное выступление состоялось 30 декабря 1919 г. Почему-то пунктом сбора будущих участников в перевороте назначался Малый Бахтай.

На сибирских дровнях, по белому снежному покрову, в декабрьский лютый мороз, горя в походном порыве, в вечерних сумерках приехали в Малый Бахтай в условленный час. Все аккуратно были в сборе. Выезд назначили 31 декабря. Подводы в потребном количестве запряжены.

Перед восходом солнца, когда в бурятских условиях начинается уход и уборка за животными, все явились на сборный пункт.

Состав по возрасту однородный—от 20 до 25 лет. Одеты—кто как мог, почти все с красными бантами. Вооружения тоже кто как мог: кто винтовкой и берданкой, кто винтовкой с наганом, кто наганом или браунингом. На лицах бойцов бодрость, походное настроение, боевой дух, революционная готовность. Цели были ясны—итти на борьбу за социализм.

Так с первыми яркими лучами солнца, в утренний свежий мороз на 20—25 подводах выехали из М. Бахтая в Унгу.

В пути решили сделать остановку в Шелотах с тем, чтобы окончательно обсудить отдельные организационные вопросы. Чем ближе к Нукуту, тем больше чувствовалась ответственность за организацию нового общественного строя, за создание советского и партийного кадра, за правильную расстановку молодых революционных сил, словом, за все последствия того, что завтра берет на себя руководство советским строительством, улусной трудовой массой.

31 декабря 1919 г., в канун последнего дня существования колчаковщины и земства в Ангарском аймаке (Аларь, Бохан) до 40 человек собрались в земской квартире для обсуждения этого „завтра". Стоял один вопрос—о конструировании будущей власти и распределении обязанностей. Правда, это не раз обсуждалось, но не мешало еще уточнить и проверить.

В порядке сконструирования органов власти возник спорный вопрос как назвать орган, который будет создан взамен земской управы. По этому вопросу выявлялось два взгляда: одни предлагали назвать аймачным исполнительным комитетом, другие—аймачным революционным комитетом. Помнится, первую точку зрения защищал Трубачеев, вторую С. Николаев. После выступления ряда товарищей, помнится, было принято второе предложение. Конечно, сейчас подобного рода вопросы не могут служить предметом спора. По истечении 14 лет, при воспоминании, трудно воздержаться от улыбки по поводу этого наивного спора.

Были намечены к созданию такие отделы: продовольственный (зав. К. П. Кушенов), финансовый (кажется, возлагался на меня), земельный (не помню кто намечался завом), народного образования или культурно-просветительный (Николаев), милиция (начальник Ф. Павлов). Председателем Революционного комитета избрали В. И. Трубачеева. Были персонально выделены товарищи для налета на определенные организации. Для оформления дел, финансов и т. д. была образована тройка в составе В. Трубачеева (председатель), Малакшанова и меня.

Так вся ночь была посвящена работе, перед утром разошлись по квартирам.

V

1 января 1920 г. Утро холодное. Тихо и пусто. Голубым столбом подымается дым из бурятских домов. Заметно наряжают подводы. Хозяйки топят молоко. Обоняние пара улавливает запах конского мяса.

С восходом солнца, с веселым смехом и задорным шумом, прежней ватагой тронулись из Шолоты. Провожающих было много. Тоска на лицах шолотской молодежи. Иные не отводят глаз с отъезжающей молодежи. При приближении к Нукуту шаловливые настроения заменяются революционной серьезностью, чувством предстоящей ответственности. Пять всадников поехали в Нукут, в числе их Ф. Павлов, Колька Балдаев и Е. Лосов. За ними выехали все. По заранее установленному плану разбились. Сразу окружили милицию. Нет сопротивления—сдаются, есть только бегство отдельных, убегают черным ходом. Так скрылся пом. нач. милиции, царский пристав, колчаковский страж И. Богданов. Наша группа во главе с Трубачеевым направилась в аймачную земскую управу. Руководителей управы нет, остались одни технические служащие. Испуганные, они окидывают нас взглядом. Робко, с некоторой растерянностью и замешательством, отвечают на вопросы. Отделываются незнанием, спешат огласить занимаемые должности—бухгалтер, секретарь, деловод, регистратор, машинистка и т. д. Осведомляемся о руководителях управы. Один из сотрудников с заботливой услужливостью сообщает: „Только вышел председатель управы Егоров, и вы не встретились на улице. Можно его вернуть". Согласились с ним, послали за Егоровым бойца с подводой, его догнали по дороге в Тайшинский.

Председатель управы Егоров явился. После обычных бурятских традиционных процедур—вопросов Егорова и наших ответов о состоянии погоды и здоровья—Трубачеев огласил постановление Кондойского комитета большевиков о том, что разгоняется земская управа, вместо нее создается Революционный комитет, что председателю управы Егорову надлежит немедленно сдать дела, финансы и другие материальные ценности.

Егоров заметно волнуется, принимает задумчивый вид. С вынужденной покорностью удивляется: „Как могу сдать дела земства, оставить управу без согласия и решения собрания земских гласных? Ведь собрание гласных избирало управу. Я ответственен перед гласными. Только по его решению могу сдавать дела и покидать пост председателя управы".

В. Трубачеев со свойственной ему осторожностью, внимательно выслушав мотивы Егорова за земство, за его „чистую демократию", за необходимость экстренного созыва собрания земских гласных, с сознанием своего исторического превосходства, заявил, что он не имеет права вмешиваться в дела земства. „Вам, как председателю земской управы надлежит решить—созывать или не созывать собрание, но Революционный комитет с сей минуты объявляет себя полноправным революционным органом в аймаке. Ревком занимает это помещение, предлагает управе освободить его, сдать дела, финансы и другие материальные ценности". Егоров без остатка претензий, с еще большим волнением промолвил: „В таком случае, что могу сделать, принимайте дела".

Так создался аймачный революционный комитет, как орган советской власти, диктатуры пролетариата, чуть ли не первый по счету во всей Бурятии.

Ф. ШУЛУНОВ

МОЛЬКИНСКАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГРУППА

(Из воспоминаний)

Несколько человек, революционно настроенных, составляли так называемую Мольскинскую большевистскую группу. Правда, группа не была организационно оформлена как партийная организация, и члены ее не были теоретически подготовлены, даже политически зрелы, но тем не менее она была, фактически, большевистской группой.

С. Молька (отсюда и название группы), расположенное в 25 *км* от г. Балаганска в северном направлении и примерно в 6—7 *км* от берега р. Ангары, представляет из себя маленький поселок, состоящий из 3—4 десятков дворов. Благодаря тому, что в поселке находилась резиденция Мольскинской „инородческой" волости, оно являлось политическим, культурным и торговым центром так наз. части идинских бурят. В экономическом отношении волость в целом была крестьянской, причем крестьянской со смешанным хозяйством (полускотоводческим, полуземледельческим) и потому с полуоседлым населением. Обыкновенно буряты волости, как и все буряты б. Иркутской губернии, в летние месяцы, примерно, с конца мая до начала или середины сентября, со всем своим скотом уходили в степи Ангарской долины и жили в летних жилищах—юртах, а в остальное время года возвращались в свои зимние дома, обыкновенно расположенные у опушки великой сибирской тайги, у подошв таежных гор. Раньше буряты Мольскинской волости жили относительно небедно, благодаря большому количеству земли. Но одновременно нужно указать на то, что относительно состоятельное хозяйство бурят было весьма неустойчивым, благодаря примитивному способу ведения хозяйства.

Резкий перелом в худшую сторону в хозяйственной деятельности мольскинских бурят начинается с 1912 г., с момента последнего передела земли. Добрая половина земли была отнята и передана переселенцам. В связи с этим многочисленный скот, ранее привольно пасшийся в долине р. Ангары, лишился своего пастбища. Отсюда получился тот результат, что неприспособленное к новому землеустройству, весьма шаткое и экономически неустойчивое хозяйство волости пошло к упадку.

Общее положение „инородческой" волости, особенно ее экономическое благосостояние, крайне ухудшилось в связи с начавшейся в 1914 г. империалистической войной. Самые лучшие рабочие лошади были мобилизованы на военные нужды и, наконец, были взяты по „реквизиции" сразу 14 основных возрастов самих бурят. Вслед за мобилизованными лошадьми, как видим, ушли на фронт и „реквизированные" люди четырнадцати основных возрастов (с 18 до 32 лет). На этой почве началось большое недовольство у широкой массы трудящихся. Она окончательно потеряла свои перспективы на будущее. Экономический и моральный упадок того времени не мог не иметь влияния на ход классовой дифференциации улуса. Противоположность классовых интересов достигла тогда

высшего предела. Мольжинские буряты до этого времени еще не видали, чтобы с такой поразительной быстротой на одном полюсе шло обогащение и спекуляция, а на другом — катастрофический упадок и обнищание.

В таком положении застала Февральская революция мольжинских бурят и на таком примерно фоне сложилась впервые Мольжинская большевистская группа. Ее первоначальный контур обозначился вплотную к концу существования керенщины. Насколько я знаю, до империалистической войны и Февральской революции в Мольже не было никакой политической организации, если не считать плохо спаянную группу эсеров и эсерствующих лиц обоего их крыла и отдельных, изолированно дислоцированных и разложившихся, отошедших от революционной борьбы политических ссыльных. Большевиков же у нас не было. Февральская революция была встречена эсерами и эсерствующими элементами из местной интеллигенции весьма восторженно.

Однако же Февральская революция не могла сгладить начавшуюся уже в массе социальную трещину. Наоборот, она ее углубила. Революционное сознание батрацко-бедняцкой и середняцкой части населения постепенно стало расти. Я лично был наблюдателем таких фактов, когда батрак требовал от своего хозяина восьмичасового рабочего дня, когда бедняк блокировался с батраком и попутно требовал повышения платы за отработанные у кулака дни, когда раньше нерушительный середняк не стал бояться своего постоянного кредитора из тех же кулаков и требовал более выгодных условий кредита и т. д. Таких фактов было много. Социальный антагонизм в среде крестьянства при керенщине усугублялся еще больше.

Но вся беда заключалась в том, что умелой вражеской рукой вся классовая борьба в улусе была направлена совершенно по другому руслу. Она была направлена по руслу национальной борьбы, борьбы между коренным бурятским населением и пришлым, так наз. переселенческим населением, на местном наречии „хохлами". Бурятские кулаки, ноены и с ними эсеры и националистически настроенная интеллигенция сумели использовать недовольство крестьянской массы последствиями колонизаторской политики царизма и земельными захватами русских кулаков и направить его по кулацко-националистическому руслу. Правда, национальные трения между пришлым русским населением и коренным бурятским в Мольжинском хошуне не доходили до кровавых событий, до открытой вооруженной борьбы, как наблюдалось тогда во многих районах Бурят-Монголии, но тем не менее весь политический шум того времени был сконцентрирован именно вокруг этой борьбы. При таком положении вещей, естественно, классовая борьба внутри самого бурятского народа была значительно затушевана. Такое положение наблюдалось почти повсеместно. Бурятские национал-демократы и эсеры напрягали все силы, все свое умение к тому, чтобы бурятский народ прекратил „пагубные грызни между собою и сообща и дружно отстаивали свои общенациональные интересы". Они доказывали, что враг народа не бурятский кулак, а русские, покушающиеся на бурятские земли, на их национальные права и т. д. Мы, конечно, не намерены отрицать революционное значение национального движения в определенное время и в определенных исторических условиях, но в данном случае национальное движение, возглавляемое национал-демократами, было сугубо реакционным движением. Поэтому буряты-большевики тогда упорно боролись, правда, не всегда умело и не всегда решительно, но упорно боролись с национал-демократизмом и с его панмонгольской идеей.

Однако же Февральская революция в политическую жизнь Мольжинского хошуна (волости), несмотря на поднятый шум, политическую трескотню, ничего существенного не внесла, реального перелома в социальной жизни не сделала. В период керенщины на протяжении всего существования ее политическая власть хошуна фактически продолжала находиться в руках местных кулаков, являющихся подлинными хозяевами положения.

Нужно остановиться еще на одном факте. До Февральской революции в Мольке жил и работал в качестве заведующего почтовым отделением ссыльный политкаторжанин, известный в Сибири эсер Петелин, впоследствии председатель Иркутской губернской земской управы. Пребывание его в Мольке не могло не иметь определенного влияния на местную интеллигенцию и на подрастающую молодежь. Местная интеллигенция, включая т. Распопина, речь о котором будет ниже, целиком была настроена на эсеровский лад. Большевиков не было и в помине. Правда, приезжали в Мольку в командировку" большевиствующие товарищи, но играть какую-либо политическую роль они не могли.

Итак политическая жизнь Мольки кипела тогда в котле февральских дней. Масса трудящихся и нетрудящихся была настроена февральски и дышала еще белибердой керенщины, все думали что наконец-то пришла долгожданная „заря свободы" и счастливейшая жизнь. Керенский, этот печальный герой Февраля, и мольковский „Керенский" меньшего калибра—Петелин, были в ореоле почета и уважения, казалось что все довольны Февралем—и кулаки и батраки.

Мы тогда никак не могли додуматься до лучшей жизни, провозглашенной большевиками, мы о ней и не слышали. Тогда нам казалось, что дальше некуда итти.

И вдруг... как гром с ясного неба прокатились первые раскаты октябрьских событий в Питере. Как-то тупо, отдаленным эхом прозвучало слово „Ленин". Первые сведения о нем мы получали из буржуазных газет и журналов, изображавших его, как „варвара, уничтожающего святыню свободы", „узурпатора" и т. д.

Все эти новости я услышал в ноябре в хошунной управе. Когда однажды я случайно завернул туда, слышу там ужасно ругают большевиков и Ленина. Я ухожу и иду к одному умнейшему в Мольке человеку — заведующему 3-классной школой т. В. П. Распопину узнать правду о событиях в Питере. Застаю Распопина взволнованным. Он бегает по своей комнате и почти кричит мне: „В Питере восстание большевиков... Ленин... Временное правительство пало... Республика в опасности... Я лично предпочитаю лучше умереть с оружием в руках против немецких агентов и узурпаторов" и т. д., примерно, в этом роде. По существу я ничего не понимал, но сначала верил Распопину. К вечеру покидаю поселок Мольку и возвращаюсь домой, в свой улус Унета, расположенный в 15 верстах от поселка. У меня в улусе есть еще один очень умный человек — это наш сельский учитель т. Л. Н. Болдонов. Кстати сказать, он до революции 1905 г. учительствовал, кажется, в кутулыкской второклассной школе. После поражения революции он был уволен без права занятия должности учителя, как политически неблагонадежный человек, но в связи с интеллигентской войной, поглотившей много учителей, Болдонову удалось получить место заведующего школой в нашем улусе.

Я с большой спешкой бегу к умному и всеми нами почитаемому учителю, чтобы поделиться услышанными новостями. Оказывается, я напрасно спешил, он уже знает все новости, но почему-то ему очень весело, сам говорит и все время удовлетворенно улыбается. Когда я сообщил ему, что Распопин ужасно ругает большевиков, то он, ехидно улыбнувшись, говорит:—„Разве... э-э-э... он, значит, ничего не понимает,—говорит он задумываясь, и после маленькой паузы:—Давайте завтра поедем к нему. Мы его убедим в обратном".

На следующий день часам к 12 дня мы приехали к Распопину. Беседа между ними, в моем присутствии, длилась недолго. Распопин быстро убедился в правоте слов Болдонова. К вечеру мы расстались с ним как уже политические друзья. Правда, в данном случае слово „мы" по отношению ко мне звучит наподобие „мы пахали", но тем не менее в уме стал убежденным большевиком, хотя еще не умеющим перестать свои убеждения

другим. В свою очередь т. Распопин стал тянуть на свою сторону других. Таким образом, отпочковалась большевистская группа. Как сейчас помню, группа состояла к началу декабря 1917 г., к моменту перехода власти в Иркутске к Советам из товарищей: Болдонова, Распопина, меня, Л. Е. Помытова и, кажется, фельдшера Заремба,—хорошо не помню, во всяком случае последний склонялся на нашу сторону. Как видим, исключая меня и Помытова, группа состояла из „умных людей" (как я тогда называл вообще интеллигентных и образованных людей).

Я—сын крестьянина-середняка. В 1910 г. окончил начальную сельскую школу, больше нигде не учился. В момент революции я еще стоял у деревянной сохи. Помытов же жил тогда в батраках. Поэтому неудивительно то, что я тогда ничегохонько не понимал, только слушал „умных людей". В группе я числился, очевидно, нарицательно, но кое-кто гордился тем, что втянул в политику простого улусного парня. „Ты у нас представитель масс трудящихся",—полушутя и полусерьезно не раз говорил тогда т. Распопин, но я не мог быть активным членом группы. Я тогда мог говорить только то, что большевики наши, что они хороши, что советская власть наша, далее мог говорить о мозолистых руках, отрицать бога и т. д., но доказать, разъяснять—почему большевики наши, почему советская власть—власть трудящихся, почему должны господствовать мозолистые руки (излюбленная нами тогда фраза), почему должны не верить в бога и т. д.—я, конечно, не мог.

Такова краткая история возникновения Молькинской большевистской группы. Так или иначе рождение группы большевиков совершилось.

В связи с этим в политической жизни хошуна появились два противоположных враждующих политических течения. Началась упорная борьба большевистствующего меньшинства с эсерствующим большинством. Но как ни странно, вся упорная борьба сводилась к дискуссиям на митингах, на заседаниях и т. д. Тогда часто устраивались митинги в хошунном масштабе, и там эти течения боролись.

Осенью 1917 г. Иркутск пал. Власть перешла к совету. Но падение г. Иркутска не внесло существенного изменения в политическую жизнь хошуна. Попрежнему, еще с удвоенной силой начались дискуссии, прения о том, что сейчас происходит—классовая или партийная борьба, что такое советская власть и т. д. Местная интеллигенция во главе с левоэсерствующим М. А. Можаровым и при пассивной, но определенной поддержке т. А. С. Сункуева лезла из кожи вон, чтобы доказать, что происходящие революционные события есть только „партийная борьба", борьба большевистской партии против других партий, что следовательно советская власть есть власть большевиков и т. д. Притом они, конечно, освещали вопросы в свете весьма невыгодном для большевиков.

Другая, большевистствующая группа во главе с Болдоновым доказывала наоборот то, что совершаемая ныне большевиками революция есть на самом деле открытая, ожесточенная классовая борьба, что всякая партия лишь отражает интересы своего класса, что внешне действительно партийная борьба, на самом деле есть борьба пролетариата против класса буржуазии, что советская власть на самом деле и есть диктатура пролетариата, диктатура рабочего класса и т. д. и т. д. Как видим, группа давала довольно правильную политическую оценку происходящим событиям того времени, в этом ее заслуга, правда, очень маленькая, но все же заслуга. Но одновременно нужно отметить и отрицательные стороны. Мы сидели на митингах и дискуссиях, а практической, организационной работой занимались мало. Вместо того, чтобы заняться вопросами организации советов, установлением революционным путем пролетарской диктатуры на местах, чтобы не только прекратить споры с эсерами и подобными им людьми, но и установить по отношению к ним диктаторский режим, мы продолжали митинговать и спорить с ними, доказывать им

правоту советской власти. Правда, члены группы, кто как умел, вели в массе трудящихся агитационную работу, но этого было совершенно недостаточно. Нужна была определенная, твердая, целеустремленная работа по линии захвата власти. Но группа, к сожалению, не сумела встать на такой решительный путь.

Нужно с особой силой подчеркнуть, что государственная машина хошуна не была подвергнута ломке и даже изменениям. Та хошунная земская управа, которая была создана при керенщине, продолжала существовать и при советской власти.

Первая Молькинская большевистская группа, возникшая осенью 1917 г. и просуществовавшая до падения первой советской власти в Сибири, не справлялась со своей практической задачей по линии организации власти. Но тем не менее она была определенно большевистской группой, имевшей кое-какие заслуги.

Примерно, в мае месяце 1918 г. пала первая советская власть. Она пала под тяжелым ударом объединенной силы внутренней и внешней контрреволюции при условии наиактивнейшей поддержки ее меньшевистско-эсеровским блоком. В связи с падением советской власти само собою прекратились всякие митинги и дискуссии. Наполовину распалась и наша группа. Наш лидер г. Болдонов уехал. Остались Распопин, Помытов и я. О плодотворной подпольной работе и речи быть не могло. Но все же группа, оставшаяся в Мольке, вела в массе агитационную работу, разъясняя трудящимся, что падение советской власти в Сибири еще не есть поражение революции, что советская власть еще вернется, что колчаковщина долго просуществовать не сможет и т. д. Это мы говорили в улусах довольно открыто и решительно. Но наши слова не могли принести утешения массе трудящихся, они терялись в общем шире жуткого белого террора. По деревням и улусам прокатились волнами карательные экспедиции и началась беспросветная полоса порок ни в чем неповинных крестьян. Я лично сам не раз был свидетелем свирепых порок крестьян белыми отрядами. Мы старались при приближении белых отрядов к улусу не показываться.

Понятно, никакой террор не мог удержать массу от революционного порыва,—наоборот, террор порождал революционное движение и злобу трудящихся против колчаковского правительства и интервентов. Не падали духом и мы. Молькинская группа обновилась новым составом. В группу входили: Распопин, Сункуев, Помытов, я и отчасти Можаров. Лево-эсерствующий Можаров блокировался, как все левые эсеры Бурятии, с нашей группой. Эта вторая группа была сильнее первой в смысле революционной решимости и практической работы. Колчаковщина кое-чему научила нас.

Хошунная земская управа работала по-старому, как и раньше. Она не только находилась под влиянием группы, но и работала под ее фактическим руководством. Осенью 1918 г. был созван хошунный съезд земских гласных. Руководил съездом, если не изменяет мне память, т. А. Сункуев в качестве председателя съезда. Группа сумела провести через съезд весьма революционные по тому времени решения. Была съездом выбрана хошунная земская управа в составе: Можарова — председателя, членов—меня и П. Тасханова — человека беспартийного, но отнюдь не чуждого большевизму. Как видим, состав получился довольно революционный. Хотя товарищи Сункуев и Распопин не входили в состав управы, но они фактически помогали работе управы советами и участием в непосредственной работе ее. Первый был почти что штатным председателем съездов гласных и собраний, а второй был идейным руководителем.

Особой заслугой данного состава хошунной земской управы нужно считать то, что он сумел под руководством группы провести прогрессивно-подоходный налог и во-время его взыскать. Это было довольно

революционным мероприятием по тому времени. По крайней мере нам неизвестно, где земские управы в период колчаковской реакции провели подобные налоговые мероприятия. Недаром на нас косилась каждая земская управа, недаром же данный состав хошунной управы был обвинен в большевизме и даже председатель Можаров был арестован.

Ясно помню, как в октябре месяце, одним поздним вечером я возвращался из правления по хошуну. Когда я подъезжал к земской управе, мне навстречу выбежал делопроизводитель управы некто Баранов — по кличке „хабур" и, волнуясь, сообщил отрывисто:

— Ради бога, скрывайтесь скорее!.. Вас ищут офицеры... Михаил Архипович арестован.

Я, недолго думая, повернул оглобли назад и уехал в улус на несколько дней. Положение складывалось не в нашу пользу. Правда, арестованный и увезенный Можаров был вскоре освобожден из Балаганска по приказу управляющего уездом эсера Сорокина, с которым он был лично знаком, но тем не менее оставаться в управе стало трудным и опасным делом. Ведь очень часто разъезжали группами пьяные офицеры, они всегда угрожали нам то порками, то расстрелами. По малейшему поводу они могли арестовать, даже расстрелять.

Положение становилось угрожающим. Поэтому по освобождении г. Можарова из-под ареста, мы на одном из экстренных заседаний земской управы решили подать в отставку „всем кабинетом". Примерно, в начале ноября 1919 г. был нами созван внеочередной хошунный съезд земских гласных. На съезде мы в категорической форме сложили свои обязанности и тем самым вынудили съезд принять отставку. Желающих занять наши места не было. Все знали и видели, что политическая атмосфера всё сгущается, что на горизонте колчаковского неба собираются грозовые тучи, которые сегодня или завтра разразятся страшной бурей. При таком положении вещей стоять у руля государственной машины, хотя и хошунного значения, было небезопасно, тем более, что все больше и больше возрастало партизанское движение, назревала гражданская война в самых широких размерах. Но все же кое-как „новый кабинет" был создан.

На другой же день после съезда мы сдали дела новому составу земской управы и разъехались по домам. Так добровольно ушел в отставку „кабинет Можарова".

Молькинская группа однако продолжала работать. Правда, она работала вполусилую, но относительно верно, без больших политических промахов. Некоторую четкость и живость внес в работу прибывший к нам тайно и скрывающийся от преследований властей, закаленный в революционных боях, большевик т. Котин. Горняк по специальности, он был командиром красногвардейского отряда, участвовавшего в известных боях с белыми и чехо-словацкими войсками под Красноярском и Нижнеудинском. После поражений в указанных боях он отступил к своим частям на восток. Доехал до Хабаровска, где распустил свой отряд. Некоторое время он жил там подпольно, затем пробрался тайно, всякими путями, через тысячи лишений в г. Балаганск, и наконец попал, к нам в Мольку.

Тов. Котин прибыл в Мольку, если не ошибаюсь, ранней весной 1919 г. и занимался у родных своей жены огородничеством.

Он порядочное время оставался там неизвестным, так как у нас он никого не знал и никто не знал его. Прибытие его к нам имело для нашей группы громадное политическое и практическое значение. Он был человеком политически грамотным, опытным, весьма деятельным и энергичным. Таким образом к ноябрю Молькинская большевиствующая группа, фактически уже партийная группа, или даже ячейка, состояла из товарищей: Котина, Расповина, Сункуева, Помытова и меня. Она имела определенные политические цели и задачи. Через месяц она уже устроила захват власти в своем хошуне.

Примерно в середине декабря 1919 г. были заняты партизанскими отрядами товарища Бурлова крупнейшие села: Шиверо и Коновалово. Я в то время находился поблизости и немедленно представился одному из командиров отряда Бурлова, затем познакомился с самим Бурловым. Тогда стояли сильные морозы, и партизаны сильно нуждались в хорошем продовольствии и теплой одежде. Поэтому Бурлов говорил мне, что лучшей помощью было бы, если бы я сумел собрать добровольные пожертвования. Я организовал дело сбора добровольных пожертвований и лично разъезжал в соседние улусы и собирал одежду, мясо, хлеб и т. д.

Тем временем балаганский гарнизон и солдаты ямовленского отряда во главе с поручиком Телятьевым отказались выступать против партизанских частей, и город был взят без боя. Партизанские отряды в обстановке торжественной встречи трудящихся города, села Малышевки и соседних сел и улусов въехали в г. Балаганск.

В это самое время я получил маленькую записку от т. Сунгуева. Он просил сегодня же, немедленно, приехать в Мошку. Я, конечно, немедленно приехал. Был уже вечер, темно, когда я заехал прямо в управу. Там сообщили, что меня просили немедленно по приезде зайти к т. Распопину. Я пошел к нему. Захожу. За чайным столом сидят: Котин, Мельников и Сунгуев и пьют чай. Когда они увидели меня, то все встали и кто-то, кажется Распопин, воскликнул словами: „Да здравствует советская власть". Было неописуемо весело и радостно, сразу чувствовалось торжество победы.

Открылось заседание группы, на повестке дня стоял вопрос о захвате власти в хошуне. При этом, конечно, нами были учтены уроки 1917—18 года и мы не были намерены разговаривать с кем либо, тем более дискуссировать. Колчаковщина довольно хорошо нас проучила, и мы знали, что надо действовать решительно, немедленно разгонять земскую управу и организовать повсеместно советы.

Спора о захвате власти не было и быть не могло. Но спор возник вокруг вопросов, как организовать власть, как разгонять земскую управу, как назвать новую власть. Эти вопросы оказалось для нас труднее решить. Но так или иначе, все склонялись к тому, что советский демократизм должен быть сохранен в полном объеме, что даже сам процесс захвата власти должен быть демократичным. О революционном захвате власти как-то не думали, вернее не понимали задачи революционного захвата власти. Примерно, к полуночи пришли к такому решению: немедленно командировать в г. Балаганск к т. Мельникову товарищей Котина и Сунгуева за советом. Распопину и мне было поручено провести к тому времени подготовительную работу по захвату власти.

По окончании заседания только что хотели расходиться для выполнения задания заседания, как стали сильно стучаться в дверь. Оказывается приехали из тайги скрывавшиеся там от преследования властей балаганские большевики тт. Самарин и японец Хасакин, человек маленького роста, но очень юркий,—полная противоположность неповоротливому и тупому Самарину. Кстати сказать, последний был расстрелян осенью 1920 г. белобандитами в с. Слобода. Они оба все время на протяжении существования колчаковской реакции находились в глубоком подполье и теперь возвращались к работе по возрождению своего края на новой, уже прочной, основе советской власти.

В связи с приездом этих двух товарищей заседание возобновилось, но уже в более широком составе. Вынесли другое постановление: 1) решение о командировке Котина и Сунгуева в г. Балаганск отменяется. 2) Организацию власти начать снизу, с булуков, путем массовых выборов будущих советов. Одновременно произвести выборы делегатов на хошунный съезд советов. 3) Немедленно по окончании выборов созвать хошунный съезд советов. Хошунную власть оформляет съезд, он же распускает

земскую управу. Хошунная земская управа за время организации власти на местах и до созыва первого съезда советов остается у власти. 4) Хошунную власть назвать „Молькинский хошунный совдеп". 5) Лишить права активного и пассивного голоса на выборах кулаков, спекулянтов, старых чиновников, служителей культа, включая шаманов и т. д. (привожу по памяти).

Вот все последнее и уже окончательное решение. Был назначен срок созыва хошунного съезда и был выработан план-маршрут нашей поездки по организации власти.

Согласно данного решения, на следующее же утро по поручению группы я вел переговоры с председателем земской управы, — кулаком И. Шулуновым. Он был на смерть испуган самым ходом революционных событий, так как у него были кое-какие грешки. Он с оружием в руках способствовал бело-чехо-словацким отрядам свергнуть власть Советов весною 1918 г. и за свои эти действия он сильно боялся. Поэтому, когда я говорил ему о нашем решении взять власть, то искусственно радостным тоном он отвечал: „Пожалуйста, берите все, хоть сейчас... Я только буду рад освободиться от дел".

На это я ему ответил, что мы пока не берем хошунную власть, а лишь организуем власть на местах, в булуках, что взятие хошунной власти состоится не ранее, как через 10—12 дней. Затем я потребовал подвод. Председатель быстро распорядился подать в мое распоряжение подводы в нужном количестве.

В то же утро мы (Котин, Сункуев и я) поехали по булукам разъяснять массе трудящихся о сущности советской власти и организовать власть на местах. Мы были заражены революционным энтузиазмом настолько, что в течение 10 дней почти что не спали и успели объездить все булуки, за исключением самого отдаленного булука — 1-го Наэтского, где жил тогда т. Помытов. Понятно, на местах мы не встретили больших препятствий, нас принимали везде хорошо, но обыкновенно борьба происходила вокруг лишения права голоса. В общем мы работу завершили весьма успешно.

В первой половине января 1920 г. состоялся первый хошунный съезд советов. Съездом руководил, в качестве его председателя т. Котин, выступивший с небольшой вступительной и приветственной речью. Несколько слов приветственного характера сказал т. Распопин. После этих речей съезд приступил к деловой работе. Я точно не помню, какая была повестка дня, но ясно помню два вопроса, это — выборы и о бюджете совдепа.

Прежде всего было утверждено название власти, предложенное нами на основании последнего заседания группы в квартире Распопина.

Хошунный совдеп был сконструирован в составе тройки. Персонально вошли в тройку: я — председатель и члены — Н. Тарантаев и В. Ильин. Кроме того, секретарем совета был избран А. Щелоков, комиссаром порядка Баранов и сторожем Сокирев (сторож и то был выбран съездом советов). Затем были установлены ставки зарплаты выбранным товарищам. Ставка была определена по 100 р. для всех, в том числе и сторожу. Таким образом сторож должен был получать зарплату наравне с председателем. Такое положение кажется весьма странным, но мы так наивно понимали тогда принципы советского демократизма. Так или иначе новая власть была создана, новый режим пролетарской диктатуры установлен на страх классовым врагам.

Так же легко разрешили и бюджетный вопрос. Тут же на съезде выявили потребную сумму денег на содержание совдепа, школ, фельдшерского пункта и др. В пределах этой суммы было решено наложить контрибуцию на кулаков, спекулянтов и проч. нетрудовые элементы. Составляли список подлежащих обложению и определяли, сколько тот или иной может внести контрибуции.

Тройка, так наз. президиум совдепа, сумела в течение одного месяца взыскать, примерно, на 75 % всей контрибуции и тем самым сумела обес-

печить вполне средствами совдеп, школы и фельдшерский пункт и всех служащих и учителей жалованием. Насколько я знаю, это был чуть ли не единственный хошун по всей губернии, сумевший обеспечить все учреждения и служащих материальными средствами. Жалованье было уплачено даже вперед за несколько месяцев, в виду того, что курс денег падал довольно быстро.

Кстати нужно упомянуть, что кулаки не сразу сдавались, они категорически отказывались от взносов контрибуции. Совдепу пришлось применить угрозу—описать имущество и продать с торгов, а в нужных случаях силой отбирать или конфисковать все имущество. Наша угроза подействовала, и кулаки без шуму стали вносить контрибуцию. Но однако эта покорность оказалась ненадолго. Однажды вечером, вернувшись из командировки в г. Балаганск, я был очень поражен. Секретарь совдепа передал мне копию протокола какого-то собрания. Оказывается, в моем отсутствии было устроено собрание представителей обложенных контрибуцией лиц, которые постановили отказаться от дальнейших взносов контрибуции и возбудить ходатайство перед Балаганским уездным ревкомом об отмене контрибуции и о снятии меня с поста председателя совдепа. Относительно меня было сказано в протоколе, что я—колчаковец, что отобрал у крестьян хомуты за недоимок налогов, что я человек, перекрасившийся в красный цвет, контрреволюционер и т. д. Далее, оказывается, с этим материалом в г. Балаганск в уревком был делегирован известный в Мольке кулак И. Раек (в скобках нужно указать, что все те обвинения, которые были выдвинуты против меня собранием кулаков, были подтверждены „фактами"). Я служил в период колчаковщины членом земской управы, следовательно, я колчаковец и контрреволюционер, кроме того, я действовал, будучи членом земской управы, отобрал все хомуты у того же кулака И. Раек за неуплату прогрессивно-подоходного налога.

Такое наглое поведение кулаков возмутило нас до крайности. Мы немедленно созвали экстренное заседание президиума совдепа с участием председателей булучных советов. Заседание постановило: в наказание кулакам и спекулянтам удвоить размер контрибуции и взыскать в десятидневный срок всю сумму. Сопротивление кулаков было сломлено и на этот раз. Уревком, где к тому времени уже работал т. Котин в качестве не то ответственного инструктора, не то зав. инструкторско-организационным отделом,—точно не помню,—дал соответствующий отпор представителю кулаков и в довершение всего крепко пригрозил ему. Поэтому кулаки стали безропотно и аккуратно вносить каждый свою долю контрибуции.

На следующий же день после первого хошунного съезда советов, земская управа передала нам все дела и власть. Председатель управы кулак И. Шулунов еще до передачи власти скрылся. Как потом выяснилось, он эмигрировал во внешнюю Монголию. Нашей ошибкой было то, что мы не захватили власть революционным путем, не организовали ревком вместо совдепа и, наконец, дали возможность бежать председателю управы. Но тем не менее, повторяем, мы сумели создать действительно преданный делу революции орган власти Советов. Мы не будем останавливаться на деятельности хошунного совдепа, это не входит в скромную задачу разбираемой нами темы. Укажем лишь на то, что организованный группой совдеп очень много работал по бесперебойному и планомерному снабжению революционной армии всеми необходимыми для ведения войны материалами, продовольствием, подводами и т. д. Вся деятельность совдепа была тогда направлена в основном по линии обслуживания партизанских войск многочисленных фронтов и затем прибывшей Пятой краснознаменной Красной армии.

Нужно указать на то, что работой совдепа идейно руководил т. В. П. Распопин, человек с большим революционным духом, местный учи-

тель, ясашный по национальности[1]. Недаром же в 1920 г. белобандиты расстреляли именно его. Он с тем, как подобает стойкому революционеру-большевику, расстрелян все патроны до одного. Я лично никогда не решал вопросов принципиального характера без его совета и без предварительного согласования с ним. Котин же по проведении съезда совета и оформлении власти был немедленно отозван уревкомом в г. Балаганск. Немного позднее был отозван аймачным ревкомом и т. А. Сункуев. Нам было трудно работать без этих двух товарищей, но в основном совет, нужно сказать, вполне справлялся со своей задачей.

Нельзя пройти мимо того факта, что работу хошунного совдепа очень сильно дезорганизовало наступление армии генерала Каппеля. Партизанские отряды, получив поражение в известном Зиминском сражении, благодаря гнусному предательству чехо-словацких войск, отступили в Балаганск. Маршрут движения каппелевцев не был известен командованию партизанскими частями, были предположения, что они пробьются на восток, минуя Балаганск, но были и другие предположения, что они проберутся через Балаганск, или обогнув его с северо-запада пройдут на Лену на соединение с находившимся там отрядом генерала Сукина. В восточном, вернее юго-восточном направлении, были посланы из Балаганска военные разведчики в числе пяти человек. В одном из глухих таёжных мест пять были убиты белыми, так что в Балаганск вернулись только два. Я же был послан в тайную разведку в северо-западном направлении.

Спустя некоторое время лично мне удалось оказать еще одну большую услугу дивизии т. Бурлова. После того, как проехали каппелевцы, бурловская дивизия получила задание перебросаться на Лену против отряда генерала Сукина. Но Бурлов избрал ошибочный маршрут и по этому маршруту сделал уже 25 км со своей дивизией. Если бы он продолжал путь, то он по Шелашниковскому тракту попал бы в с. Жигалово на Лене и очутился бы в глубоком тылу белых, двигавшихся к Верхоленску. Так как белые двигались довольно быстро, то Бурлов бы и не видел их. Я, узнав это обстоятельство, приехал к Бурлову и сообщил об указанных обстоятельствах. Мы с ним сидели над картой целый час и обсуждали маршрут. По моему совету т. Бурлов изменил маршрут и, вернувшись обратно в Балаганск, отсюда через Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки пробрался со своей дивизией в Качуг. В Верхоленском уезде он встретился с отрядом Наландарашвили и совместно с ним они повели сражение с частями генерала Сукина, кончившееся наполовину разгромом белых.

Как известно, тогда власть в Иркутске находилась в руках „Сибирского политического центра", но мы никогда не признавали его власть как власть, находящуюся под руководством меньшевистско-эсеровского блока. Наш совдеп работал как орган диктатуры пролетариата. Но тем не менее в связи с переходом власти в г. Иркутске от Политического центра к губернскому революционному комитету, организованному большевиками, наш совдеп постановлением Ангарского аймачного ревкома был реорганизован в хошунный ревком. Была назначена революционная тройка из прежнего состава совдепа (я—председатель, члены—И. Тарантаев и В. Ильин).

В заключение нужно указать, что Мольтинская большевиствующая группа, существовавшая с 1917 г., с начала Октябрьской революции не была организационно оформленной группой, как партийная организация. Организационному оформлению ее как партийной организации помешало то обстоятельство, что члены ее были политически еще недостаточно зре-

---

[1] Ясашные—полурусское, полубурятское население, происшедшее от смешанных браков.

лыми, теоретически неподготовленными вовсе, и не было сильного партийца руководителя. Кроме того, поблизости не было партийной организации, которую мы знали бы. Мы тогда плавали по волнам событий без руля, но тем не менее, держась определенного, политически в основном верного, направления. Установки большевизма мы чувствовали тогда, что называется, нутром и посредством своего классового инстинкта. Тем не менее Молькинская группа фактически была стойкой большевистской группой, способной грудью защищать интересы пролетарской революции, хотя и не была оформленной и зарегистрированной большевистской организацией.

Мы с т. Котиным часто говорили об организационном оформлении нашей группы как партийной ячейки и о регистрации ее в какой-нибудь организации. Но до поры до времени разговоры оставались разговорами. Правда, было даже решено организовать ячейку, но это решение осталось не реализованным. Окончательное оформление ее как партийной ячейки состоялось лишь летом 1920 г., когда из группы остались только Распопин и Помытов.

Нужно добавить к сказанному, что в аймачных и уездных политических кругах Молькинская группа была известна, как большевистская группа. Поэтому в апреле месяце 1920 г. я был принят непосредственно заседанием бурятской секции Иркутского губкома РКП(б) действительным членом партии без прохождения кандидатского стажа.

Молькинская группа имела свой актив, на который опиралась она в своей работе.

Актив состоял из тт.: Н. Тарантаева, В. Ильина. Привлеченные нами к работе совдепа были: С. Мадоев — батрак, В. Романов — батрак, И. Григорьев — батрак, У. Муруев — бедняк, Г. Далбаев, И. Хамаганов, П. Бальбуров и многие другие. В общем группа имела довольно широкий и социально здоровый актив. Она сумела мобилизовать вокруг своей работы широкую массу трудящихся.

Немного позднее быстро выдвинулся известный в Бурорганизации т. О. Косоков—„потомственный, почетный батрак". И еще позднее стали в ряды организации т. Е. Гергесов и многие другие.

Так возникла Молькинская парторганизация. Она работает и по сей день и числится в первых рядах районной организации. Она организовала сельскохозяйственную коммуну „Красная Молька", о которой вышла специальной брошюркой статья зав. с.-х. сектором Восточносибирского краевого КК ВКП(б) и РКИ. Брошюра полна похвал по адресу молькичан.

В данное время члены Молькинской группы, за исключением убитых и больных (убиты Распопин, Ильин и Муруев, а больной Далбаев), находятся на ответственных постах Бурпарторганизации.

Такова краткая история Молькинской большевистской группы.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

Предисловие 3

А. И. Убугунэ.—Бурят-монголы от завоевания царской России до свержения самодержавия 5

Ф. А. Кудрявцев и В. П. Гирченко.—От свержения царизма к автономной Бурят-Монгольской АССР 27

И. Николаев.—Период колчаковщины и семеновщины в Бурятии 59

Ф. Сахалтуев.—Отрывки из воспоминаний о работе Кондойского комитета большевиков 79

Ф. Шулунов.—Молькинская большевистская группа (из воспоминаний) 85

Ответственный редактор М. А. Гудошников.

Техредактор К. Биряльмина

Иркутск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига". Заказ № 1338. Уполномоченный Крайлита при Огизе № 334. Огиз № 451. Тираж 3800. Сдано в набор 25 июня. Подписано к печати 5 июля 1933 г. Формат бумаги 72×108 1/16. Печ. зн. в 1 печ. листе 62176. Бумажных листов 3.